

4 РУССКАЯ РЕЧЬ 1981

ИЮЛЬ

Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР • Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год • Издательство «Наука» • Москва

АВГУСТ

В номере:

Новые горизонты советской науки 3

К 150-летию со дня рождения И. Н. Ульянова

Ф. Г. Паначин. Выдающийся русский педагог-организатор 7

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Е. П. Ходакова. Роль И. А. Крылова в демократизации русского литературного языка 17

А. Д. Жижина. Лиризм лермонтовского слова (стихотворение М. Ю. Лермонтова «Горные вершины») 23

Г. С. Бояринцева. А. Н. Апухтин «П. И. Чайковскому» (литературно-лингвистический анализ стихотворения) 28

К 90-летию со дня рождения Б. А. Лавренева

Е. Н. Этерлей. Оружием сатиры 34

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

М. Ю. Лермонтов. Частные правила разных родов прозаических сочинений) 39

В ПОМОЩЬ ПРОПАГАНДИСТУ

Н. Н. Кохтев. В поисках эмоционального слова 44

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Р. И. Аванесов. Нормы русского литературного произношения в их историческом развитии (окончание) 53

А. А. Брагина. Чужое — все-таки чужое (о стилистической роли заимствований) 60

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

Тимофей Петрович Ломтев (1906—1972) 68

СРЕДИ КНИГ

Л. И. Скворцов. Правильно ли мы говорим по-русски?	58
Русская грамматика	70
В. П. Жуков. Школьный фразеологический словарь русского языка	72

ИЗ ИСТОРИИ ЛЕКСИКОГРАФИИ

М. Ш. Файнштейн. Словопроизводные словари Российской Академии (30—40-е годы XIX века)	74
---	----

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Н. Г. Михайловская. Слово Имрана Касумова	78
---	----

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

И. Ф. Протченко. Русский язык в трудовых коллективах Чехословакии	85
---	----

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

В. Г. Демьянов. Заметки о русских переводах XVII века	89
Г. К. Валеев. Мнимые герои «Повести временных лет»	92
Ю. Е. Бирман. Отрок, отрочество	98
Н. Е. Садыхлы. «Богаткова Авдотьица — княгине Евдокее Лукьяновне» (из московских челобитных XVII века)	103

НА КАРТЕ РОДИНЫ

Т. В. Сергеева. На трассе БАМа. Усть-Кут	108
М. В. Горбаневский, В. Ю. Дукельский. Кострома — Плес	111

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

В. В. Одинцов. «...Все ходит по цепи...»	117
--	-----

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

И. Г. Добродомов. Слово <i>подписчик</i> у В. Т. На режного	123
Т. В. Горячева. Времена года. Середина лета	127
Л. М. Бутир. Концерт — и состязание, и согласие	133
В. М. Мокиенко. О выражении «как сивый мерин»	138
Ю. А. Гвоздарев. Семь пятниц на неделе (истори некоторых изречений)	143

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Обзор писем читателей	150
---------------------------------	-----

Кроссворд	148
---------------------	-----

На обложке: И. Н. Ульянов. Рисунок Б. Захарова

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

■

3 марта 1981 года завершил свою работу очередной XXVI съезд КПСС. Он продемонстрировал крепнущее социально-политическое и идейное единство советского общества, нерушимый союз рабочего класса, колхозного крестьянства и трудовой советской интеллигенции, братскую дружбу наших народов.

В Отчетном докладе Л. И. Брежнева на съезде был дан глубокий и всесторонний анализ результатов развития нашей страны во всех сферах общественной жизни, современного международного положения. В нем содержится обширная программа дальнейшего строительства коммунизма в СССР, определены главные направления внутренней и внешней политики партии.

XXVI съезд КПСС обсудил и утвердил «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года». Принятыми величественными планами социализм еще раз демонстрирует миру свою историческую правоту и жизнеспособность, свою историческую перспективу.

Прошедшие после XXV съезда КПСС годы убедитель-

но показали, что выдвинутые на нем задачи в целом успешно решены, что ленинская генеральная линия партии успешно претворяется в жизнь.

Сердцевину всей деятельности партии и государства составляет руководство народным хозяйством. При этом основой партийного, политического подхода к экономике служит программное требование: «Все во имя человека, для блага человека».

Для того, чтобы обеспечить повышение эффективности и качества всей нашей работы, говорилось на съезде, необходимо вывести все отрасли народного хозяйства на передовые рубежи науки и техники. Важно обеспечить тесную интеграцию науки и производства с тем, чтобы в минимальные сроки и с наименьшими издержками новейшие научные идеи находили практическое воплощение в производстве, технике и технологии.

XXVI съезд КПСС обсудил актуальные вопросы дальнейшего развития советской политической системы, глубокий демократизм которой нашел концентрированное выражение в новой Конституции СССР.

Мы являемся свидетелями активного процесса сближения всех классов и социальных групп советского общества, укрепления дружбы народов Советского Союза. Единство советских наций и народностей ныне прочно, как никогда. Это не означает, однако, что в сфере национальных отношений все вопросы уже решены. Партия решительно выступает против тенденций, направленных на искусственное стирание национальных особенностей, но в такой же мере она считает недопустимым их искусственное раздувание. Необходимо и впредь воспитывать трудящихся в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, гордого чувства принадлежности к единой великой Советской Родине.

Научная деятельность советских языковедов в 11-й пятилетке определяется задачами, вытекающими из решений XXVI съезда КПСС, требованиями дальнейшего развития общественных наук, повышения теоретического уровня и эффективности научных исследований.

Одним из важнейших направлений работы языковедов-русистов на предстоящие годы является изучение русского языка в его истории и современном состоянии, функцио-

---

нирования его в качестве средства межнационального и международного общения.

Современная эпоха в жизни советского общества и государства характеризуется неуклонно возрастающей ролью русского языка в духовной жизни наших людей, в идейно-воспитательной работе, в укреплении дружбы и сотрудничества народов СССР.

Выдвинутый самим историческим революционным процессом как средство межнационального общения, русский язык, язык великого Ленина, ныне стал важнейшим фактором и условием возникновения и укрепления новой исторической общности людей — советского народа.

Языковедческим институтам и отделам АН СССР, академий союзных республик предстоит осуществить важные теоретические исследования и практические мероприятия, направленные на выявление оптимальных условий функционирования русского языка в инонациональной среде, повышение культуры русской речи в условиях активного двуязычия и многоязычия.

Развитие социалистической культуры в нашей стране неразрывно связано с повышением общей речевой культуры народа. Высоким примером и образцом для подражания служит для нас отношение В. И. Ленина к русскому языку, его личное влияние на речевую культуру современности. Советское общество активно заинтересовано в осуществлении широкой системы образовательных и воспитательных мер, направленных на развитие речевой и общей культуры каждого члена социалистического общества.

Забота о русском литературном языке со стороны партии и Советского государства — это одновременно и забота о каждом национальном языке, о развитии материального и духовного потенциала каждой нации и народности. Это забота о дальнейшем развитии нашего социалистического общества, об укреплении экономической и военной мощи страны, ее обороноспособности.

В современном динамически изменяющемся мире русский язык — один из самых авторитетных языков международного общения, несущий всем прогрессивным людям планеты слово современной передовой науки и техники, социалистической культуры, советского образа жизни, коммунистической идеологии.

За годы Советской власти в нашей стране создан огромный экономический и научный потенциал, который служит нашему продвижению вперед.

«Партия коммунистов исходит из того, что строительство нового общества без науки просто немыслимо», — отметил Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии. Развитие советской науки рассматривается в документах съезда как основа основ научно-технического прогресса.

Это вдохновляет и окрыляет советских ученых. Роль науки в жизни нашего общества неуклонно растет. Вместе с этим повышаются и требования к ней. Перед советскими учеными стоит задача повышать эффективность научных исследований, сокращать сроки внедрения полученных результатов, углублять связь науки с производством. Укрепление связей с жизнью, внедрение научных разработок и достижений в вузовскую и школьную практику, в повседневный быт советских людей является важной задачей и языковедческой науки, всей советской филологии.

Залогом выполнения всех наших планов был и остается мирный труд советских людей. Политика нашей партии, еще раз подтвержденная на XXVI съезде, направлена на мирное сосуществование государств, на борьбу за укрепление разрядки, за ослабление угрозы войны, обуздание гонки вооружений. «Отношения между государствами, — говорил на съезде Л. И. Брежнев, — исстари назывались международными. Но лишь в наше время, в мире социализма, они действительно стали отношениями между народами». Братский союз стран социалистического содружества, его дальнейшее укрепление — основа нашего исторического оптимизма, уверенного взгляда в будущее.

Советские ученые-языковеды, как и все советские люди, горячо одобряют решения XXVI съезда КПСС, положения и выводы, содержащиеся в Отчетном докладе и в заключительной речи Л. И. Брежнева. Они выражают готовность упорно, творчески и самоотверженно трудиться, чтобы планы и установки съезда были осуществлены на практике.

Решения, материалы XXVI съезда партии — могучий стимул для новых свершений во всех областях науки и техники, материальной и духовной жизни советского народа.

История
дореволюционной
педагогической мысли
и народного просвещения
России знает ряд
выдающихся педагогов
и организаторов
народного образования.
Среди них особое место
занимает
Илья Николаевич
Ульянов —
отец создателя
и вождя
нашей партии
и Советского
государства
В. И. Ленина

К 150-летию
со дня рождения
И. Н. Ульянова

ВЫДАЮЩИЙСЯ РУССКИЙ ПЕДАГОГ- ОРГАНИЗАТОР

И. Н. Ульянов родился 14(26) июля 1831 года в городе Астрахани. Родители его — выходцы из бедного деревенского и городского люда. Дед Василий Никитич Ульянов (Ульянин) был крепостным крестьянином. Он умер, не дожив до 40 лет и оставив младшего сына Николая, будущего отца Ильи Николаевича, в двухлетнем возрасте. Уже юношей Николай Васильевич, воспитанный старшими братьями, неоднократно уходил на оброк в разные уголки страны. В 1791 году (по другим данным несколько позднее) он прибыл в Астраханскую губернию, где и остался навсегда: сначала был приписан к «казенным крестьянам», а затем зачислен в «податное (относящееся к взиманию податей и других налогов) мещанское сословие». По профессии Николай Васильевич — мастер портняжного цеха. Матерью Ильи Николаевича была дочь мещанского старосты г. Астрахани Анна Алексеевна Смирнова.

Отец скончался, когда Илье Николаевичу было лишь пять лет. Семья осталась без средств к существованию. Всю заботу о больной матери, двух сестрах и брате принял на себя семнадцатилетний Василий Николаевич Ульянов. Он заменил Илье Николаевичу и отца, и воспитателя.

В 1850 году Илья Николаевич окончил в Астрахани I мужскую гимназию, получив первую в истории этого учебного заведения серебряную медаль и звание «почетного гражданина» города. Однако ему, как происходящему из «податного сословия», не предоставлялось никаких прав для поступления на службу. После долгих и тяжелых мятарств И. Н. Ульянов (сначала условно, а потом окончательно) в феврале 1851 года принят на физико-математический факультет Казанского университета. Это произошло только после того, как Астраханское мещанское общество выдало ему «свидетельство» об увольнении из общества и сообщило, что принимает на себя платежи податей (фактически их вносил Василий Николаевич) и отправление рекрутской повинности. Не последнюю роль в зачислении Ильи Ульянова в университет сыграли очень хорошая характеристика, данная гимназией, успешная сдача приемных экзаменов, а также, очевидно, поддержка ректора университета крупного русского ученого, астронома И. М. Симонова и помощника попечителя Казанского учебного округа великого русского ученого, математика Н. И. Лобачевского. Кстати, Н. И. Лобачевский собственной властью освободил И. Н. Ульянова от платы за учебу.

Студент Ульянов в течение всех лет обучения в университете находился «на своем коште» (на своем содержании), который складывался из двух источников — личных побочных заработков и помощи брата. В стипендии Ульянову, выходящему из «податных людей», было отказано. Младшая дочь Ильи Николаевича — Мария Ильинична Ульянова — в очерке об отце писала: «...отцу рано пришлось изведать материальные лишения, он рано стал самостоятельным, сам пробивал себе дорогу в жизни, и это закалило его характер, выработало большую трудоспособность, строгое отношение к выполнению своего долга (пример чего еще в детстве подавал ему брат Василий). Эти черты вместе с „большой настойчивостью в проведении намеченного плана всякой взятой на себя работы“ были характерны для Ильи Николаевича в течение всей его жизни».

В университете Илья Николаевич, как и в гимназии, имел отличные успехи. Ему выпало счастье слушать лекции и общаться с замечательными профессорами, крупными учеными-педагогами. Кроме И. М. Симонова, его уни-

---

верситетскими преподавателями и наставниками были такие известные деятели науки, как декан физико-математического факультета механик П. И. Котельников, математик А. Ф. Попов, астроном и геодезист М. А. Ковальский, физик и метеоролог А. С. Савельев, химик А. М. Бутлеров и многие другие. В 1851 году в университете впервые была создана кафедра педагогики под руководством талантливого ученого, выпускника Петербургского Главного педагогического института К. П. Ленстрема, у которого студент Ульянов получил много знаний по истории педагогики, дидактике, теории и методике воспитания.

И. Н. Ульянов закончил университет в 1854 году с отметками «5» («отлично») по главным предметам. Кроме того, он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Способ Ольберса и его применение к определению орбиты кометы Клинкерфюса». По оценке профессора М. А. Ковальского, И. Н. Ульянов в этой и других работах постиг сущность астрономических вычислений, которые требуют «особых соображений и приемов». Затем Илья Николаевич успешно сдал дополнительные испытания на право получения педагогической работы. С этой целью им были прочитаны две пробные лекции по математике и физике, а также написаны два «рассуждения» об этих предметах. А в мае 1855 года И. Н. Ульянов становится старшим учителем математики и физики в высших классах Пензенского дворянского института; назначение подписано Н. И. Лобачевским. Это очень важный период в жизни и деятельности И. Н. Ульянова — начало педагогической работы. В Пензе Илья Николаевич проработал 8 лет, а в 1863 году он переезжает в Нижний Новгород (ныне г. Горький), где становится учителем мужской гимназии.

С первых лет педагогической деятельности Илья Николаевич зарекомендовал себя высокообразованным, эрудированным, твердо знающим свое дело учителем, о чем довольно красноречиво говорят инспекторские акты по итогам проверок института, отзывы и воспоминания его учеников. А позднее, когда он работал в Нижегородской гимназии, слава о прекрасном педагоге распространилась очень широко. Вот какое заключение о работе Ильи Николаевича сделал инспектор Казанского учебного округа:

«Г. Ульянов, снискавший себе известность отличного педагога, по достоинству занимает принадлежащее ему место между лучшими преподавателями. Его мягкое и симпатичное обращение с воспитанниками, всегда ровный и благо-разумный такт привлекают к нему учеников и заставляют охотно заниматься. Самое его преподавание отличается ясным и толковым изложением и тем терпеливым внима-нием, которым он слабых и менее развитых учеников до-водит до полного усвоения преподаваемого».

Стоит также подчеркнуть, что работу учителя Илья Николаевич в течение всех этих лет сочетал с научно-ис-следовательской, методической и общественной деятель-ностью. Так, в пензенский период жизни он занимался метеорологией. Им написан научный труд, представленный в Казанский университет, — «О пользе метеорологических наблюдений и некоторые выводы из них для Пензы». На одном из торжественных актов в институте И. Н. Улья-нов выступил с большим докладом «О грозе и громоотво-дах», в котором в популярной форме изложил историю вопроса и сделал конкретные практические выводы. Кроме того, И. Н. Ульянов принял на себя обязанности препода-вателя, а затем распорядителя воскресной школы.

Работая в Нижегородской гимназии, он вел учебно-воспитательные занятия на землемерно-таксаторских кур-сах, в Мариинском женском училище и в дворянском институте. Некоторое время он являлся секретарем объе-диненного педагогического совета средних учебных заве-дений города. Мария Александровна, встречая после ра-боты мужа, порой говорила ему: «Голубчик мой, ты хоть и Илья, но не Муромец... Прошу тебя, ограничь службу гимназией...».

И. Н. Ульянов внес важный вклад в гимназическое об-разование. Он был сторонником не классического обуче-ния, которое в то время насаждалось министерством на-родного просвещения России, а реального направления, более отвечающего экономическому и техническому разви-тию. Илья Николаевич сам занимался подготовкой про-грамм для средних и начальных школ. Им, в частности, разработаны программы по алгебре, геометрии, тригоно-метрии, физике, естественной истории и другим предметам.

Как учитель, И. Н. Ульянов, прежде всего, творчески

применял педагогические принципы Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинского, Н. А. Корфа, методические советы, изложенные профессорами Казанского университета. Илья Николаевич был непримиримым врагом телесных наказаний детей, как пережитка домостроевщины, решительным противником начетничества, талмудизма и зубрежки; он всегда стремился развивать логическое мышление учащихся. На его уроках никогда не раздавались унижительные окрики: «на колени», «в угол», «за дверь».

И. Н. Ульянов при оценке ряда научных основ обучения близок к современной педагогической мысли. Это еще и еще раз свидетельствует о том, что наша средняя школа имеет хорошую основу, заложенную прогрессивными педагогами России прошлого столетия.

●

Для читателей «Русской речи», очевидно, интересно знать о роли И. Н. Ульянова в совершенствовании преподавания и изучения русского языка и литературы в общеобразовательной школе.

Еще обучаясь в Астраханской гимназии, молодой Ульянов приложил много усилий и прилежания к всестороннему овладению русской речью и словесностью. Тогда эти предметы преподавал видный педагог А. В. Тимофеев, один из лучших выпускников Казанского университета. А. В. Тимофеев — автор многих печатных трудов, в частности, таких: «О различных направлениях в русской литературе», «Краткая риторика», «О преподавании словесности в гимназиях», «Курс русской словесности в 5-ти частях». Талантливый педагог научил гимназиста Ульянова не только понимать, но и любить русский язык и русскую литературу. Впоследствии Илья Николаевич работал со своим учителем в Пензе и Нижнем Новгороде, был связан по совместной деятельности в Казанском учебном округе.

Три сочинения гимназиста Ильи Ульянова, как лучшие, были направлены в канцелярию Казанского окружного попечителя: «Объяснение некоторых синонимов», «О сатирическом направлении в русской литературе» и «О вдохновении». В архивах сохранился полный текст только одного

сочинения — «О вдохновении» и рецензия на второе. В рецензии подчеркиваются огромные знания и самостоятельность мышления автора. Так, в литературоведении того времени утверждалось, что в памятнике древнейшей литературы «Слово Даниила Заточника» имеются всего лишь «элементы юмора». А молодой Ульянов охарактеризовал его как одно из первых произведений сатирического направления. В сочинении «О сатирическом направлении в русской литературе» получили освещение сатира Кантемира, Сумарокова, Державина, Фонвизина, Гоголя.

Сочинение «О вдохновении» заканчивается следующими словами: «Вообще нет ни одного художественного произведения без вдохновения. Это есть основание произведений поэзии и начала искусства». На полях этого сочинения рукой попечителя учебного округа сделана такая запись: «Очень хорошее сочинение. Г. Ульянов сознательно рассуждает о предмете, им избранном».

Преподавание русского языка в школе было предметом повседневного внимания И. Н. Ульянова. Он был активным пропагандистом учебных книг «Родное слово» и «Детский мир» К. Д. Ушинского, постоянно требовал от учителей изучения в школе народной и литературной речи.

В одном из годовых отчетов И. Н. Ульянов писал, что гораздо успешнее идет в народных школах обучение родному языку, почти повсеместно оно ведется по звуковому методу письма-чтения, заменившему старую буквослагательную систему обучения. Чтобы показать учителям вред буквослагательного метода обучения, И. Н. Ульянов приводил в качестве иллюстрации чичиковского Петрушку из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя, который все «читал с равным вниманием; если бы ему подвернули химию, он и от нее бы не отказался. Ему нравилось не то, о чем читал он, но больше самое чтение, или, лучше сказать, процесс самого чтения, что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз черт знает что и значит».

И. Н. Ульянов приложил много усилий для внедрения в школу передовой методики объяснительного чтения, при этом был решительно отвергнут старый опыт бессмысленного заучивания текстов. Им обновилась также методика письма, правописания и чистописания. И. Н. Ульянову были хорошо известны научные и методические труды

Ф. И. Буслаева, пособия по грамматическим упражнениям выдающихся педагогов-русистов. А на одном из съездов учителей он советовал: научить школьников писать правильно, чисто, четко, без линеек. Думается, что эти и многие другие рекомендации И. Н. Ульянова не устарели до сих пор. Что же касается внешней стороны письма — каллиграфии, то здесь определенно не может быть иного мнения!

Старшая дочь И. Н. Ульянова — Анна Ильинична — вспоминала, как ее отец внимательно следил за художественным образованием своих детей: «Помню, что он подолгу толковал мне написанную варварским языком грамматику Говорова [Опыт элементарного руководства при изучении русского языка практическим способом. 1862—1917. Вышло 26 изданий] и имел терпение просматривать в планах или готовом виде все мои сочинения». Он рекомендовал детям прочитать, приносил домой лучшие произведения прозы и поэзии. В их доме была представлена художественная публицистика, детские журналы той поры — «Детское чтение», «Семья и школа» и другие. Илья Николаевич высоко ценил роль и значение школьных библиотек; им организована первая перепись этих библиотек в Симбирской губернии.

В сентябре 1869 года И. Н. Ульянов был назначен на должность инспектора, а в июле 1874 года — директора народных училищ Симбирской губернии. Главной заботой И. Н. Ульянова на новых постах являлось распространение грамотности среди населения, организация начального образования детей народных масс. И в этом он сделал многое. Достаточно привести следующие данные школьной статистики. При И. Н. Ульянове заново открыто 30 начальных школ, 7 двухклассных училищ, 4 уездных училища преобразованы в городские. За первые десять лет его работы в Симбирске построено 150 учебных школьных помещений; число учащихся в народных школах возросло в полтора раза. Илья Николаевич способствовал укреплению материальной базы школ: средства на их содержание возросли в три с половиной раза.

Однако всегда надо иметь в виду, что в условиях отсталой, полуфеодальной, нищенской России, в обстановке реакционного царского режима и церковного обскурантизма, которые особенно усилились в 80-е годы, крайне трудно было вести передовую просветительскую деятельность. По меткому выражению М. Е. Салтыкова-Щедрина, тогда «и просвещение, и продовольствие, и народная нравственность, и холера, и сибирская язва, и оспа — в одной горсти было». Надо было обладать большой силой ума и воли, цельностью характера, талантом организатора и передового мыслителя-гуманиста, чтобы не только не согнуться, но, выражаясь образным языком Н. А. Некрасова, «сеять разумное, доброе, вечное».

И. Н. Ульянов, преодолевая сопротивление реакционеров, приложил немало усилий к просвещению детей нерусских народностей, проживавших на территории Симбирской губернии, — татар, мордвы, чувашей. Он оказал большую помощь И. Я. Яковлеву — инспектору чувашских школ и чувашской центральной школы в Симбирске. Им была значительно расширена сеть нерусских школ.

Забота о подборе и подготовке учителей никогда не покидала И. Н. Ульянова. Он был организатором специальных двухгодичных учительских курсов при уездном училище, на которых сам некоторое время преподавал педагогику и арифметику. По его инициативе была создана первая в губернии Порецкая учительская семинария. В одной из докладных записок И. Н. Ульянов писал, что оспаривать специальную подготовку учителей — значит утверждать, что будущему врачу нет нужды изучать медицину, садовнику — садоводство и т. п. Этот вопрос, утверждал он, беспорен.

И. Н. Ульянов приложил немало усилий для организации и проведения учительских съездов и курсов как наиболее эффективной формы повышения квалификации. Только за десять лет в Симбирске и уездных городах губернии проведено 8 учительских съездов. На каждом съезде Илья Николаевич неуклонно, последовательно, с тактом прививал педагогам любовь к детям, бодрость духа, терпение, самообладание и энтузиазм в работе. Под руководством И. Н. Ульянова выросла целая плеяда замечательных педагогов — «ульяновцев», оставивших заметный

след в истории народного образования. Это В. А. Калашников, В. В. Кашкадамова и многие другие.

Воспитанник и последователь И. Н. Ульянова, педагог В. А. Калашников так отзывался о своем «учителе учителей»: «Илья Николаевич отличался своей простотой и приветливостью с учителями и учительницами. Он всех встречал со своей светлой, радушной улыбкой, и не было случая, чтобы он не ободрил павшего духом труженика на ниве просвещения». Вместе с тем следует отметить, что для И. Н. Ульянова как руководителя всегда были присущи высокая ответственность, требовательность и строгость. Он нередко говорил: «Праздность вредна», «Труд кормит». И в этом отношении до последнего часа биения своего сердца он показывал личный пример. Много времени И. Н. Ульянов провел в поездках с дорожной на тарантасе, перекладных, под звон бубенцов с ямщиками по далеким ухабистым дорогам обширной территории Симбирской губернии.

В. Н. Назарьев — член Симбирского уездного училищного совета, писатель-публицист вспоминал об Илье Николаевиче: «Он в течение многих лет безропотно скакал, голодал, рисковал жизнью и здоровьем, по целым неделям не видел семьи».

Очерк о жизни и деятельности И. Н. Ульянова будет неполон, если не сказать о нем как об отце замечательного семейства. История человеческого общества знает множество родителей, дети которых прославили свой народ. Но никогда и нигде не было такой семьи, как семья Ульяновых, вырастившая плеяду выдающихся революционеров, борцов, общественных деятелей, педагогов. И это не случайное, а закономерное явление, которое было результатом воспитания своих детей Ильей Николаевичем и его верной спутницей жизни, соратницей Марией Александровной (кстати, она имела свидетельство «домашней учительницы»). М. И. Ульянова писала: «Илья Николаевич был образцовым семьянином и между ним и матерью, к которой он был глубоко привязан, дети никогда не ви-

---

дали никаких ссор и семейных сцен. Они жили всегда очень дружно. Не было между ними и споров или несогласий в вопросах воспитания... и дети видели всегда перед собой „единый фронт“.

И. Н. Ульянов не был революционером, как его дети, или великим ученым-материалистом; более того, он был лоялен к «начальству», хотя с ним не стремился сблизиться. Он прилежно исполнял циркуляры и директивы министерства народного просвещения и управления учебного округа, если они в своей основе не противоречили его убеждениям и устремлениям. Но будучи умным, принципиальным и честным педагогом-организатором, впитавшим в себя прогрессивные идеи Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и Д. И. Писарева, «отца русской педагогической мысли» К. Д. Ушинского, выдающихся писателей и поэтов А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, Л. Н. Толстого, лучших своих наставников в гимназии и университете, многих других незаурядных людей России, он день за днем умело передавал свои знания детям.

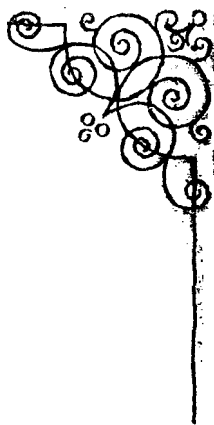
Являясь последовательным демократом и просветителем русского народа, Илья Николаевич (совместно с Марией Александровной) создал самую благодатную почву, на которой выросли беззаветные революционеры и страстные борцы за дело народа. В доме Ульяновых всегда звучало свежее слово о лучших произведениях художественной литературы, о крупных достижениях в мире науки и искусства, о важных политических событиях, происходящих в стране и за рубежом.

Жизненный подвиг Ильи Николаевича и всей семьи Ульяновых имеет непреходящее, историческое значение. На примере этой семьи советские люди учатся гражданственности, благородству и бескорыстному служению своему народу.

*Ф. Г. ПАНАЧИН,
первый заместитель министра
просвещения СССР*

Роль И. А. Крылова в демократизации русского литературного языка

В первые десятилетия XIX в., когда наиболее отчетливо определяются принципы единой нормы литературного выражения, вопрос о включении народно-разговорной лексики в литературный язык становится особенно актуальным.

Обостряются языковые споры о границах использования слов разного происхождения. Защитником старого церковнославянского «слога» и яростным противником обновления языка выступил А. С. Шишков, организовавший литературное общество «Беседа любителей русского слова» (1811—1816 годы). Программой установкой «Беседы» было отстаивание канонов классицизма в искусстве, употребление архаического языка, широкое применение библейской символики, стремление ограничить использование неологизмов и заимствований. Основными участниками заседаний «Беседы» были А. С. Шишков, Г. Р. Державин, С. А. Ширинский-Шихматов, А. А. Шаховской, С. П. Жихарев. Примыкали к «Беседе» И. А. Крылов, П. А. Катенин, А. С. Грибоедов, В. К. Кюхельбекер и некоторые другие.

Однако многие литераторы той поры видели источник дальнейшего развития национального языка не в книжно-славянской стихии, а в «языке общества», то есть в разговорной речи образованных людей. Призывы обратиться к «простому» языку раздавались в высказываниях писателей — Е. А. Баратынского, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина. И. А. Крылов обычно уклонялся от полемики. Но когда критика выступила с нападками на «ростонародный» язык пушкинского «Руслана и Людмилы», И. А. Крылов, взяв молодого поэта под защиту, написал эпиграмму:

Напрасно говорят, что критика легка.
Я критику читал «Руслана и Людмилы».
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно как тяжка.

Эпиграмма рецензенту поэмы
«Руслан и Людмила»

Позиция старейшего писателя вполне объяснима. Ведь «беседчик» И. А. Крылов в своей художественной практике широко использует народно-разговорную лексику, смело «проводит „просторечие” в басне» (Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968, с. 61). При этом он отбирает из устно-бытовой речи в литературный язык те лексико-фразеологические средства, которые составили бы коренные основы национального русского языка. Это было необычайно важно для пушкинской эпохи.

В первой трети XIX века очень остро ощущалась необходимость, с одной стороны, освободиться от резко грубых, вульгарных слов, а с другой — закрепить в литературе (а через нее и в литературном языке) те народно-разговорные слова, которые могли получить общенациональное признание.

Большая заслуга в решении данной проблемы принадлежала творчеству непосредственных предшественников и современников Пушкина, которые во многом способствовали утверждению народной основы литературного языка, уточнению места и роли народно-разговорной лексики в языке. В этом особенно убеждают произведения писателей реалистического направления, в первую очередь — Крылова.

Всемирная слава, столь быстро завоеванная Крыловым-баснописцем, свидетельствовала о том, что его басни знаменовали собой качественно новый этап в развитии русской литературы. «Крылов впервые не только у нас, но и во всей мировой литературе, — говорит Д. Д. Благой, — сумел превратить басню в подлинно реалистический жанр. Глубоко народные по всему своему духу, по „русскому уму“ баснописца, по его замечательному умению чисто по-русски видеть, воспринимать действительность и „прямо русской“ кистью ее зарисовывать, басни Крылова до предела народны и по своей форме, по самому своему художественному материалу — слову, языку» (Благой Д. Д. Великий русский баснописец И. А. Крылов. М., 1944, с. 21).

Жизненность, правдивость изображения, которой достиг писатель в баснях, создается самыми разнообразными средствами. Прежде всего, Крылов доводит до совершенства естественность и выразительность разговорной интонации, которая определяет весь строй басни. Иллюстрацией могут быть такие, например, строки из басни «Заяц на ловле»:

«Ба, ты, косой»,
Кричат ему: «пожаловал отколе?
Тебя никто на ловле не видал».

Мастерство реалистического повествования в баснях Крылова не только в их ритмико-интонационной системе. Для стилистической манеры баснописца характерны пословицы, поговорки, «крылатые» выражения, а также народно-разговорная лексика и фразеология.

Среди употребляемых писателем слов преобладают разговорно-непринужденные, например, *понатужить, слыть, соснуть* и другие: Тут, *выгнувши хребет и понатужа грудь* (Обоз); Пес дружества слывет примером с давних пор (Собачья дружба); Да коли хочешь, так сосни (Пустынник и Медведь).

Свободно вводит Крылов в свои басни различные наречия, а также глагольно-междометные формы, частицы и тому подобные вспомогательные слова — как экспрессивно-окрашенные, так и не обладающие экспрессией: *Глядь*, Он подлинно ушел (Обезьяны); Ай, Моська, *знать*, она сильна (Слон и Моська); *Наперерыве* ему наносит оскорбленье (Лев состарившийся); А если *непопад* залаю (Две Собаки); Им *поделом* была и честь (Гуси); Не смейтесь так *исподтишка* (Ларчик); Ушица, *ей же ей, на славу* сварена (Демьянова уха).

Особенный колорит живой разговорной речи создает Крылов, привлекая слова с уменьшительно-ласкательными и уничижительными суффиксами: *ворошок, коровка, коровушка, овечка, шалашик, легонький оброк, молоденький дубок, нищенский, близехонько, немножечко, поздненько, чинненько*, а также оценочные образования: *женишонки, сотняжка, курятинка* и мн. др.

Многочисленны у Крылова глаголы, разговорный характер которых определяется словообразовательными признаками. Например, глаголы со значением неполноты действия (с префиксами *по-, при-*): *позадуматься, прилечь, пошибть, пособрать*:

А если б ростом я с теленка только был,
То спеси бы со львов и с барсов я пошибл.

Осел

Так как бы, не тягча ни бедных, ни богатых,
Мне шерсти пособрать,
Чтоб не на голых камнях спать.

Лев

Глаголы со значением предельной полноты, исчерпанности действия (с префиксами *на-, по-, раз(о)-*): *наказать, наторговать*,

пованять, покрасть, погаскать, разосласть, а также глаголы со значением распределения действия среди ряда объектов (с префиксами *пере-, по-*): *передавить, пересечь, повыбить, повыгаскать, пораспугать*:

Им насказали поцуган
О дальних сторонах большую похвалу.

Пчела и Мухи

Какие-то честные торгоши
Наторговали денег гору.

Раздел

К ним примыкают возвратные глаголы со значением «дойти до состояния удовлетворения или насыщения действия» (с префиксами *из-* (изваляться), *на-* (наслоняться, накупаться, надивиться, накушаться), *о(б)* — (обобратиться): Лиса, курятинки накушавшись до сыта (Волк и Лисица); И ты б там слёз не обобрался (Вельможа);

Вокруг конюшен там и кухню наслонялась;

В сору, в навозе извалялась;

В помоях по уши досыта накупалась.

Свинья

Язык басен Крылова не свободен от грубоватых народно-разговорных слов, обладающих экспрессивной окраской или оценочных. Например: Как мы *мажнем* (Обоз); Иль чин иль место *схватит* он (Фортуна в гостях); Уж стали женихи *навертываться* реже (Разборчивая Невеста); Ты всем в деревне *насолил* (Волк и Кот); И связи общества *рвался* расторгнуть (Сочинитель и Разбойник); Около тех мест голодный *рыскал* Волк (Волк и Ягненок).

Все это слова, создающие нецелостное своеобразие «народного духа». Главное место в потоке разговорной речи у Крылова занимает лексика не грубая, не вульгарная. У него отмечены лишь немногие экспрессивно выразительные «низкие» слова *горланить, обжора, олух, треснуть, стянуть, таскаться, тащить, треснуться, хватить* (кого чем) и некоторые другие: Твой хор Горланит вздор (Музыканты); Ах, ты, обжора! ах, злодей! (Кот и Повар); С науги лопнула и — околела (Лягушка и Вол); Да в олухи-то, я не знаю, кто попал (Купец) и т. д.

Современники Крылова, например В. А. Жуковский, Ф. Ф. Вигель, единодушно отмечали близость языка его басен к живой разговорной речи и в то же время отсутствие у него тяготения к натуралистическому воспроизведению простонародной речевой

стихии. Это признают и современные исследователи творчества писателя. Показательно, например, утверждение: «Языковое новаторство Крылова свободно от той нарочитости „просторечия“, которое так характерно для писателей XVIII века, старавшихся передать искусственную грубость крестьянской речи» (Степанов Н. Крылов — баснописец. — В кн.: И. А. Крылов. Исследования и материалы. М., 1947, с. 136). Крылов уже не употребляет многих резко сниженных экспрессивных слов, а также экспрессивно нейтральных слов типа наречий *анадысь, гаперича* и т. д.

В языке крыловских басен встречаются, правда, отдельные слова, впоследствии вышедшие из употребления или сохранившиеся в диалектах, например *дубье, купчина, помога, навичный, огрузлый, смурый, тароватый, гуторить, запасть, испить* «попить», *(на)кликать, почать, скончать, супротив*: Бегут: иной с дубьем, Иной с ружьем (Волк на псарне); Купчина выстроил анбары (Хозяин и Мыши); Индийски редкие кристаллы В огрузлый сыплешь их карман (К счастью); Какой-де откущник и самый тароватый Не даывал секретарям (Синица); Куда на выдумки природа таровата! (Любопытный); Гуторя слуги вздор, плетутся вслед шажком (Муха и Дорожные); Куда ты там запал? Поди сюда скорей (Купец); А третий в жаркий день холодного испил И слег (Старик и трое Молодых); И стала супротив на каменной скале (Лев, Серна и Лиса) и другие.

Эти слова в большинстве своем были еще употребительны в пушкинское время и приводятся в Словаре Академии Российской (1806—1822) без ограничительных помет, например *испить, кликать, купчина, навичный, огрузлый, почать*.

Итак, отличительной чертой стиля Крылова является живость самого языка, обилие тех характерных народно-разговорных словечек, которые придают речи особую меткость и выразительность. Говоря о том, что Крылов в баснях «выразил целую сторону русского национального духа», В. Г. Белинский подчеркивал: «все это выражено в таких оригинально-русских, непередаваемых ни на какой язык в мире образах и оборотах; все это представляет собою такое неисчерпаемое богатство идиомов, руссизмов, составляющих пародную физиономию языка, его оригинальные средства и самобытное, самородное богатство,— что сам Пушкин не полон без Крылова, в этом отношении. О естественности, простоте и разговорной легкости его языка нечего и говорить» (Белинский В. Г. Басни Ивана Крылова.— Полн. собр. соч., т. 5, СПб., 1901, с. 265). Очень существенно и другое — резкое сокращение употребительности грубо просторечных слов. Именно отказ от них позволил народно-разговорной лексике получить свободный доступ в литературный язык. Это дает основание исследователям утверждать,

что художественная деятельность Крылова-баснописца «отвечала потребностям и задачам глубокой национализации и демократизации литературного языка» (Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, с. 217).

Писатель своим творчеством способствовал обогащению языка новыми выражениями, крылатыми словечками. Многие строки из басен Крылова вошли в литературный язык как устойчивые фразеологические обороты, стали пословицами или поговорками. Например: А вы, друзья, как ни садитесь, Все в музыканты не годитесь; А ларчик просто открывался; Кукушка хвалит петуха За то, что хвалит он кукушку; услужливый дурак опаснее врага; ср. также употребление названий басен: «Демьянова уха», «Тришкин кафтан» и мн. др.

Своеобразие языка и стиля Крылова состоит в органическом соединении литературно-книжных форм выражения с народно-разговорными. Например:

Ребенок, черепком наметя в Голубка,—
Сей возраст жалости не знает —
Швырнул и раскроил висок у бедняка.

Два Голубя

Сказанное свидетельствует о том, что «басня Крылова, несмотря на свою принадлежность к малым формам литературы, отражает все разнообразие стилевых средств русского литературного языка XIX в. и намечает новые пути их смешения и синтеза на широкой демократической основе» (Виноградов В. В. Язык и стиль басен Крылова.— Известия АН СССР, ОЛЯ, 1945, т. 4, вып. I, с. 33), подготовив Пушкину путь для плодотворного развития русского реализма и народности.

Необходимо, однако, подчеркнуть следующее. Хотя жанр басни к пушкинскому времени претерпел значительную эволюцию, существенно, что объем народно-разговорной лексики оказался очень широким в жанрах, традиционно допускавших изображение быта неприукрашенным, народным языком. Еще нужны были усилия, чтобы сделать народно-разговорную лексику достоянием нормы языкового употребления — вне зависимости от жанра, объекта и темы произведения. Эта проблема была успешно решена в творчестве основоположника национального русского литературного языка А. С. Пушкина.

Е. П. ХОДАКОВА

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листья...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

ЛИРИЗМ ЛЕРМОНТОВ- СКОГО СЛОВА

Стихотворение Лермонтова
«Горные вершины»

Исследователи искали в этом лермонтовском шедевре примечательные языковые, художественные особенности... и не нашли. Еще в 1935 году К. В. Дрягин в статье «Горные вершины. Опыт анализа лирического стихотворения» дал такую характеристику поэтической структуре произведения: «...простые слова, скупые фразы, примитивный ритм, шаблонные рифмы, отсутствие резко выраженной звуковки, только одна метафора, да и та широко употребляемая в обычном разговорном языке (вершины спят); только два эпитета и т. д.» (Натиск, № 7, 1935, с. 88).

Почему же все-таки так значительны эти непримечательные слова поэта, так сильно впечатление, которое они производят?

Вот одна строка стихотворения — «не дрожат листья...». В не-поэтическом тексте это звучало бы: *листья неподвижны*. Явление, передаваемое этим словосочетанием, строго очерчено, замкнуто в себе. В стихе эти слова заключают в себе не только значение «находиться в покое», но удерживают и первоначальный смысл отрицаемого действия: ведь почти всегда, даже при малейшем дунове-

нии, листья колеблются, словно легкая дрожь пробегает по ним. А вот теперь, наконец, настало полное затишье, и... *не дрожат листья*.

Вместо одного явления воображение рисует нам одновременно два, противостоящих друг другу. Первый из этих образов, в словесном выражении которого участвует отрицательная частица *не*, существует сейчас, в момент лирического рассказа. Другой — образ колеблющейся листвы — столь же реален, но уже по отношению к прошлому или будущему. Из контекста произведения мы узнаем, что ночь заставила природу погрузиться в сон. А совсем недавно, очевидно, минувшим днем кругом царило возбуждение, которое возобновится с рассветом.

Помещенный на первом плане образ затихшей листвы ведет нас к другому, не вполне ясному, образу впечатлительной души, остро отзывающейся на малейшее прикосновение.

Чтобы возникла такая сложная ассоциация, уже недостаточно одной строки. Дрожание листвы — лишь деталь, способная участвовать в создании настроения. Но когда и как в нашем сознании появляется образ человека, его души? Ответить на вопрос, понять, что же в этом случае управляет процессом восприятия, мы сможем, если обратимся к ближайшему словесному окружению рассматриваемой строки: «Не пылит дорога». *Дорога* — вот первое слово в произведении, «подводящее» к теме человека. Ясно эта тема проявляется в финале стихотворения — в обращении: «Подожди немного, Отдохнешь и ты», — на фоне которого только что прозвучавшие слова *не дрожат листья* связываются в нашем сознании с образом человека. Эта связь подчеркнута ритмом стиха.

Помимо ритмического единства, очень важна во второй части произведения объединяющая роль рифмы самых значительных слов: *листья — ты*. От упоминания о человеке («Подожди немного, Отдохнешь и ты») рифма возвращает нас к стиху («Не дрожат листья...»), и листья оживают, будто становясь одушевленным предметом. И тут же совершается обратная проекция на образ человека. Ему как бы передается свойственная листьям чуткость.

В следующем, 1841 году, поэт создаст стихотворение «Листок», в котором этот образ получит самостоятельное развитие, персонифицируется, обретет дар речи. А в стихотворении «Горные вершины» превращение еще не свершилось, хотя мир природы и мир человека становятся сопоставимы и, перекликаясь, начинают сближаться.

О человеке упоминается лишь в двух последних строках, но благодаря созданному ранее настроению, благодаря незримому присутствию прошлого и предчувствию скорых перемен, — в читательском воображении возникают ассоциации, создается представление о личности, ее душевном состоянии. Лирически-эмоциональ-

ный характер пейзажа предопределяет то направление, в котором устремятся память, мысль и фантазия читателя, создавая образы и представления, во многом индивидуальные, каждый раз новые, но общие в своей основе, например, представление о человеке (сердечное обращение — ты). Он гоним судьбой, вызывает глубокое сочувствие, которое так полно выразилось в слове «немного». Своим произведением поэт говорит и о себе, и о любом из нас.

Распространено мнение, будто стихотворение «Горные вершины» посвящено теме жизни и смерти, а мотив «отдыха» символизирует вечный покой, завершающий жизненный путь человека. Первоначально подобная трактовка, по всей вероятности, была привнесена извне. История ее происхождения связана с первым появлением стихотворения в печати под названием «Из Гёте». Указание «источника» подало повод отождествить лермонтовскую концепцию произведения с гетевской (в стихотворении «Ночная песнь странника»).

Принято считать, что в произведении немецкого поэта развивается мотив вечного успокоения — смерти, в философски обобщенном, поэтическом значении. Такая трактовка стихотворения Гете опирается на мемуарное свидетельство: «„Ночная песнь странника“ Гете написана в 1780 году карандашом на стене лесной сторожки. За год до смерти в 1831 году Гете вновь посетил сторожку и прочитал стихотворение. По словам его спутника Мара, слезы потекли по его щекам и он грустно сказал: „Да, подожди немного, отдохнешь и ты!“» (Гете. Собрание сочинений в 13-ти томах. М.—Л., 1932, т. I). В этом прощальном визите от самого автора трудно ждать равноценного восприятия его же собственного произведения, написанного в расцвете сил, когда ему было около тридцати лет. Настроение, с каким пятьдесят один год спустя читал он строки, оставленные на стене, было навеяно, вероятно, не столько их содержанием, сколько состоянием Гете, воспоминаниями об утраченной молодости, мыслями о старости и ее неотвратимом финале.

Так или иначе, послушное следование за авторитетом, хотя бы и самым могущественным, не было свойственно творческой манере Лермонтова. Совершенно самостоятельна его позиция в таких, например, шедеврах, считавшихся переложениями, как «Сосна» или трагически-философское «Они любили друг друга...».

*

Стихотворение Лермонтова «Горные вершины» может быть понято лишь из его собственной лексической, стилистической, образной системы с учетом особенностей творческой манеры поэта

в целом. Та последовательность, с какой воплощен в этом произведении прием параллелизма, позволяет утверждать, что с человеком в изображении поэта происходит то же, что с природой. Тому, что обещано человеку в финале стихотворения, есть свое соответствие — это состояние природы в настоящее время, в момент «рассказа».

Союз *и* в строке *отдохнешь и ты* вводит местоимение, обозначающее человека, — это своего рода знак равенства, уподобляющий одно явление другому: отдыхает природа и так же отдохнет человек. Ведь успокоение природы в «Горных вершинах» — это ночное затишье: «какое тихое, успокоительное чувство ночи после знойного дня веет в этой маленькой пьесе...» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. IV. М., 1954, с. 537). Воспринимая на этом фоне тему людской судьбы, мы представляем себе не вечный отдых — смерть, а тот отдых, который восстанавливает силы человека для нового дня.

Во второй части произведения трижды повторена внутренняя контрастность синтаксических единств, содержащих одновременно и отрицание и утверждение: *не — пылит, не — дрожат, подожди немного — отдохнешь*. Сходство в построении еще теснее связывает между собой три образа второй строфы, расположенных в порядке нарастающей сложности, содержательности (от природы — к человеку).

Вместе с тем внутренняя контрастность двух последних строк дополняется внешним противопоставлением их всему предыдущему во временном плане. В природе *было* беспокойство, в человеке оно — *сейчас*. Вокруг, в природе, *наступило* успокоение, к человеку оно придет *потом*. Временные сдвиги расширяют пределы отраженного в произведении мира. Такую же функцию выполняют и пространственные контрасты, выделенные рифмой: *вершины — долины*. Переносясь от горных вершин в долины, мы ощущаем грандиозные масштабы изображаемого. Значительная роль отведена рифме и в конце стихотворения. Следовательно, и рифма способствует эстетической насыщенности этого произведения.

Так можно вкратце охарактеризовать пути расширения образной, эмоциональной сферы тех представлений, какие возникают под воздействием поэтического слова лирических шедевров.

*

Сопоставим «Горные вершины» с гетевской «Песней». Вот как выглядит дословный перевод стихотворения Гете: «Над всеми вершинами — покой; на верхушках деревьев едва ощутишь дуновение; птички примолкли в лесу, — выжди немного, — скоро успокоишься»

и ты». При сравнении с произведением русского поэта прежде всего заметны новые, введенные Лермонтовым образы: «долины», «дороги», — и отсутствие гетевских «птичек» и «дуновенья на верхушках деревьев». Однако главное расхождение не в деталях, а в самой поэтике. Для немецкого поэта важна красота музыкального рисунка, мелодия, вместе с которой меняется и настроение. Попытку передать особенность ритмических вариаций подлинника осуществил В. Брюсов в своем переводе, который в образном отношении значительно уступает оригиналу:

На всех вершинах
Покой;
В листве, в долинах,
Ни одной
Не дрогнет черты;
Птицы спят в молчании бора.
Подожди только: скоро
Уснешь и ты.

Лермонтов не сохранил «напев» замечательного стихотворения Гете и, очевидно, не стремился к этому, отыскав другой путь. Он устранил гетевское название: «Ночная песнь странника», — возможно, потому, что в нем содержалось слово «песнь», которое указывало на музыкальность произведения Гете, имевшую существенное значение для самой основы поэтического замысла. Не лишено мелодичности и стихотворение Лермонтова (недаром оно переложено на музыку). Второй причиной отказа от гетевского названия могла быть некоторая конкретизация (образ странника), не отвечавшая замыслу Лермонтова.

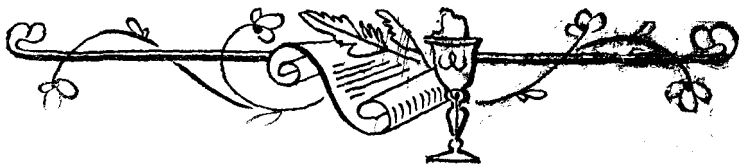
Внешне опираясь на творение Гете, русский поэт выдвигает иной «принцип» лиризма. Все построено у него на внутренних контрастах. Нерасторжимое единство противоречивых начал отражено и в структуре произведения, и в его смысловой основе.

При внешнем сходстве с гетевским произведением Лермонтова настолько самостоятельно, что его нельзя отнести к переводам.

Человек и природа противопоставлены друг другу, взяты в различных состояниях и в то же время едины. В тихой природе заложено движение, в страждущей душе человека таится жгучее желание покоя и мира, слияния с природой.

А. Д. ЖИЖИНА

Рисунок Ю. Кослякина

П. И. ЧАЙКОВСКОМУ

К отъезду музыканта-друга
Мой стих минорный тон берет,
И нашей старой дружбы фуга
Все, развиваяся, растет...

Мы увертюру жизни бурной
Сыграли вместе до конца,
Грядущей славы марш бравурный
Нам рано волновал сердца.

В свои мы верили таланты,
Делились массой чувств, идей...
И был ты вроде доминанты
В аккордах юности моей.

Увы! Та песня отзвучала,
Иным я звукам отдался.
Я детонировал немало
И с диссонансами сжился.

Давно без счастья и без дела
Дары небес я растерял,
Мне жизнь, как гамма, надоела,
И близок, близок мой финал...

Но ты, когда для жизни вечной
Меня заруют под землей, —
Ты в нотах памяти сердечной
Не ставь бекара предо мной.

Литературно-лингвистический
анализ стихотворения

Алексей Николаевич Апухтин, как известно, занимает в истории русской поэзии весьма скромное место. Тем не менее нельзя не согласиться с мнением М. И. Чайковского (первого биографа поэта), что «это был... необычайно тонкий наблюдатель, умевший высказываться ярко, картинно, с непередаваемым юмором» (Цитируется по вступительной статье Вс. Рождественского к сборнику А. Апухтин. Стихотворения. М., 1938, с. XVII). «Апухтину, — писал Вс. Рождественский, — неоднократно удавалось, стирая печать дилетантизма, подниматься до значительных художественных удач» (там же, с. XXII).

Одной из таких удач, как мы полагаем, можно считать послание «П. И. Чайковскому», написанное в 80-е годы. Это произведение родилось не случайно. Хорошо известны такие примечательные факты биографии поэта, как страстная любовь к литературе и музыке, сопровождавшая его всю жизнь, и длительная дружба с Петром Ильичем Чайковским, который был его сверстником и одноклассником по училищу правоведения.

В письме к брату П. И. Чайковский писал 13 февраля 1873 года: «Остроумно-милый тон моего письма вдохновлен моими частыми свиданиями с Апухтиным, который теперь находится здесь в более веселом состоянии духа, чем когда-либо», а 20 августа 1893 года в письме В. Л. Давыдову сообщает: «В ту минуту, как я пишу это, Лёлю Апухтина отпевают!!! [фраза кончается

тремя восклицательными знаками]. Хоть и не неожиданна его смерть, а все же жутко и больно. Когда-то это был мой ближайший приятель» (Чайковский П. И. Письма к близким. М., 1955). Влияние композитора на поэта было глубоким и сильным, об этом великолепно сказал он сам: «В свои мы верили таланты, Делились массой чувств, идей... И был ты вроде доминанты В аккордах юности моей».

Но было бы несправедливо отрицать и обратное влияние. Знаменитый музыкальный критик, а впоследствии профессор Петербургской, а затем и Московской консерватории Г. А. Ларош утверждал: «Я не могу предаваться своим воспоминаниям о Чайковском без того, чтобы сейчас же не заговорить о его литературных способностях и занятиях... Нет сомнения, что на эту его любовь к литературе повлияла и ранняя его дружба с Апухтиным» (Воспоминания о П. И. Чайковском. М., 1962). Действительно, известны некоторые литературные опыты композитора. Так, в письме к брату 15—27 декабря 1878 года Петр Ильич помещает текст сочиненного им стихотворения «Ландыши», которое он просит дать прочесть Апухтину и другим близким к нему людям.

Послание «П. И. Чайковскому» занимает в творческом наследии Апухтина особое место. Написанное в пору его творческой зрелости, оно не может не привлекать внимания исследователей как серьезностью выраженных в нем мыслей, так и необычной организацией языковых средств.

*

Попробуем раскрыть содержание его ключевых образов и средства их воплощения.

Композиционно произведение довольно легко делится на несколько частей. В первой — вступление ко всему стихотворению: называются основные мотивы его создания (отъезд музыканта-друга) и определяется его тональность (минорная), а также дается оценка тех отношений, которые связывают поэта с адресатом. Во второй — поэт мысленно возвращается к началу дружбы, прослеживает ее развитие, но здесь же он, оглядываясь на пройденный путь, подводит для себя неутешительный итог и, предчувствуя близкую кончину, обращается к другу с последней просьбой не забывать его.

Основной образ этого произведения — образ самого автора, и большая часть эмоционально-экспрессивных средств используется для его воплощения. Образ этот достаточно развернут и выступает в контрастном сопоставлении с образом адресата. В конечном итоге послание к другу — это исповедь о прожитой жизни. Начиналась

эта жизнь с больших надежд и устремлений. Вот как об этом пишет сам поэт:

Мы увертюру жизни бурной
Сыграли вместе до конца.
Грядущей славы марш бравурный
Нам рано волновал сердца.

Постепенно определились разные судьбы, и поэт вынужден признаться, что прежние идеалы он не сохранил.

Судьба поэта, который ожидает близкого конца, была типичной для части русской интеллигенции, поэтому здесь можно видеть художественно выраженную исповедь человека, который постепенно перестал интересоваться общественной жизнью, погружаясь все более «в лирику личного пессимизма и разочарования».

Эмоционально-экспрессивный строй анализируемого произведения создается прежде всего совершенно оригинальным использованием в нем специальной, в данном случае музыкальной, терминологии. Очевидно, обращение к ней было продиктовано, во-первых, тем, что стихотворение адресовано музыканту-композитору, а во-вторых, и тем, что поэт, как мы уже говорили, страстно всю свою жизнь любил музыку и хорошо знал ее терминологию. Музыкальные термины весьма органически входят в контекст произведения и служат здесь средством выражения главных идей: *фуга дружбы, аккорды юности, ноты памяти* и т. д.

С точки зрения доступности их неспециалисту они могут быть разделены на две неравные группы: большую из них образуют широко известные термины, поэтому они не разъясняются в примечаниях: *минорный, марш, нота, песня, музыкант*. Но поэт использовал и такие термины, которые нуждались в определении их значения: *детонировать, фуга, бекар* и под. Как правило, все термины имеют в послании не исходное (музыкальное) значение, а приобретают в контексте художественного целого различные переносные значения, которые отличаются яркостью и образностью.

Применение термина в необычном для него контексте способствует развитию метафорического значения. Особенно это справедливо по отношению к музыкальной терминологии, которая довольно часто используется в художественных произведениях. Природа самих слов *темп, ритм* находит весьма своеобразное соответствие в жизни человека: в этой жизни можно обнаружить известную ритмичность, вариации темпа и другие модификации. Именно это своеобразное соответствие и дало возможность А. Н. Апухтину создать произведение, в котором вся его жизнь выражена с помощью терминов музыки. Обратимся к анализу примеров.

«И нашей старой дружбы фуга Всё, развиваясь, растёт». Здесь

фуга выступает в качестве названия основного понятия, которое определяется с помощью слова *дружба*. Что же стоит за этим понятием? *Фуга* — это одна из основных форм многоголосого стиля в музыке, построенного на принципе повторения разными голосами одной темы. Применительно к дружбе (т. е. совсем иной понятийной сфере) *фуга* выражает все те сложные моменты в длительном общении двух людей, которые пережили вместе юность, зрелость и преклонный возраст. Таким образом, ответ (в виде намека) исходного значения этого термина здесь сохраняется, но благодаря новому словесному окружению претерпевает известную трансформацию. В целом образуется неперебиваемое на язык обычной прозы словосочетание, где достаточно отчетливо выступает так называемое поэтическое приращение смысла.

Академик В. В. Виноградов полагал, что такие случаи семантических сдвигов и смещений в художественном тексте представляют собой «употребление, которое следует отличать от языковых исторически сложившихся значений» (Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова. Вопросы языкознания. 1953, № 5, с. 22).

Такой же процесс трансформации исходного терминологического значения мы наблюдаем и в сочетании *ноты памяти сердечной*, которое входит в состав следующего четверостишия:

Но ты, когда для жизни вечной
Меня зароят под землей,—
Ты в нотах памяти сердечной
Не ставь бекара предо мной.

Ноты — это, как известно, запись звуков с помощью особых знаков. В приведенном контексте — это все то, что остается в памяти в виде своеобразного следа. Также весьма приблизительно можно определить и включенный в это же четверостишие музыкальный термин *бекар*, то есть знак, уничтожающий действие других знаков. В стихотворении *бекар* обозначает примерно то, что мы обычно выражаем с помощью следующих фраз: *не забывай меня, не предавай забвению*.

Не менее выразительные образы создаются поэтом и с помощью таких терминов, как *доминанта* и *аккорд*. Доминанта — это буквально господствующая нота.

В свои мы верили таланты,
Делились массой чувств, идей...
И был ты вроде доминанты
В аккордах юности моей.

В составе художественного контекста этот термин служит для выражения основного смысла данного четверостишия: признания

того огромного влияния, которое оказал на поэта друг-композитор. Исходное терминологическое значение явилось здесь базой создания яркого образа. *Аккорд*, как известно, — соединение нескольких одновременно звучащих музыкальных тонов. Как элемент сочетания «аккорды юности моей» данный термин наполняется емким содержанием. *Аккорды юности* — это те стремления и идеалы, которым следовал поэт.

Но, оглядываясь на пройденный путь, он вынужден признать, что многое в его жизни и творчестве со временем изменилось:

Увы! та песня отзвучала,
Иным я звукам отдался.
Я детонировал немало
И с диссонансами сжился.

Это горькое признание также строится с помощью музыкальных терминов *детонировать* и *диссонанс*. *Детонировать* — значит петь или играть с фальшивой интонацией. В приведенном контексте наблюдается значительное расширение первоначального смысла термина: ведь речь здесь идет не о фальшивых нотах в создании музыкального произведения, а о тех отступлениях в творчестве, которые допускал поэт, когда изменял идеалам юности. В этом же плане следует расшифровывать и термин *диссонанс* (негармоничное сочетание музыкальных звуков), то есть то, что вносит разлад в жизнь поэта, вступает в противоречие с его прежними устремлениями.

Таким образом, бóльшая часть музыкальных терминов выступает в послании со значительным поэтическим приращением смысла, оказывается перенесенной из сферы музыкальной в мир человеческих отношений, жизни во всей ее сложности.

Другую (меньшую) часть музыкальной терминологии составляют своеобразные эквиваленты (синонимы) привычных нам образований: *минорный* — грустный, печальный, нерадостный (К отъезду музыканта-друга Мой стих минорный тон берет), *увертюра жизни* — начало (Мы увертюру жизни бурной Сыграли вместе до конца), *финал* — конец (Мне жизнь, как гамма надоела, И близок, близок мой финал).

Итак, послание «П. И. Чайковскому» — одно из прекрасных созданий А. Н. Апухтина. Яркая экспрессия этого стихотворения в значительной степени связана с необычным использованием в нем музыкальных терминов, благодаря чему они становятся выразительным средством художественного воплощения.

Г. С. БОЯРИНЦЕВА
Саранск

Автора множества рассказов, повестей, пьес, нескольких романов Бориса Андреевича Лавренича хорошо знает советский и зарубежный читатель. Писатель всегда и во всем был со своими современниками.

Лучшие произведения Б. Лавренича — повести «Ветер», «Сорок первый», «Седьмой спутник», пьесы, десятки лет не сходящие со сцены, «Разлом», «Песнь о черноморцах», «За тех, кто в море» — принадлежат к числу достижений нашей социалистической культуры. В идеях, образах, языке этих произведений воплотились черты художественного метода советской литературы — метода социалистического реализма.

Писатель в 1955 году, вспоминая о создании пьесы «Разлом», сказал: «Я с самого начала своей писательской, особенно драматургической, деятельности, как говорится, сражался до последней капли крови за утверждение реализма в нашей литературе».

До последних дней жизни Б. Лавренич своим творчеством, своей публицистикой шел в ногу со временем, со своей страной. Он мечтал, чтобы его современники писали «с максимальной простотой и жизненной правдой, сочетая в работе романтическую приподнятость эпохи с трезвым, реалистическим изображением людей и характеров», как он сам стремился писать и писал.

Писателем Бориса Лавренича сделал Великий Октябрь. По его собственным словам, он начал писать, когда демобилизовался из Красной Армии после гражданской войны, пережив все страстное напряжение «высоких и мятельных дней»... Он навсегда запомнил слова отца, херсонского учителя: «Самое святое, что есть у человека, — это родина и народ. А народ всегда прав. ..Иди с народом и за народом до конца!» (Цитируется: Лавренич Б. А. Избранные произведения в 2-х томах, М., 1958).

Борис Лавренич навсегда остался с народом и Революцией. Он участвовал в боях с белогвардейцами на Украине и в Крыму, служил на Туркестанском фронте. Жизнь свела его с такими замечательными революционерами, как М. В. Фрунзе и Н. И. Подвойский. Впечатления тех лет легли в основу его рассказов и повестей, написанных в 20—30-е годы, зазвучали в знаменитой пьесе «Разлом», крупнейшем произведении советской драматургии. Именно Революция, ее пафос и суровая правда, стали основой творчества Б. Лавренича,

К 90-летию
со дня рождения
Б. А. Лавренева

ОРУЖИЕМ САТИРЫ

Одним из ведущих мотивов лавренивской прозы 20-х годов — воинствующее неприятие буржуазной действительности, ясное понимание ее обреченности, неизбежности ее конца. Б. Лаврениеву, захваченному, как и многие современные ему писатели, высокой романтикой революции, были смешны и отвратительны всякого рода «бывшие», новые мещане, нэпманы, трусливые провинциальные обыватели. С беспощадной и уничтожающей силой изображает их писатель в своих произведениях тех лет.

Меткое обличительное слово помогает ему создать целую вереницу сатирических портретов, подчас напоминающих броский плакат или ядовитую злободневную карикатуру. Яркая образность, метафоричность, вообще чрезвычайно характерные для стиля Б. Лаврениева, здесь, пожалуй, проявляются с особенной силой. Стремясь подчеркнуть бездуховность, никчемность подобных персонажей, Б. Лаврениев во многих случаях использует своеобразный прием «овеществления» человеческой внешности (или характерных черт). Нередко такая «овеществленная» черта превращается в некий символ данного персонажа. Чаще всего писатель достигает этого с помощью неожиданного сравнения или метафоры.

Так, основу портрета одного из «бывших» в повести «Седьмой спутник» составляет существительное *мяч*, употребленное в неожиданном, непривычном значении: «На коменданта накатился огромный мяч для кавалерийского поло. Под мячом были ноги в серых штанинах бульбовой ширины. Сверху мяч увенчивался апоплексически-бурой головой с выпяченными губами. Мяч был в чине тайного советника и звании сенатора». Существительное *мяч*, употребленное в одном контексте со словами, обозначающими части человеческого тела и принадлежности одежды (ноги, голова,

губы, штанины), создает яркий комический эффект: перед читателем возникает образ смешного и жалкого существа, раздувшегося от важности и чванства, пустого и никчемного.

Сатирические портреты нередко начинаются у Б. Лавренева с броского сравнения, поражающего воображение читателя и объясняющего смысл лавреневской метафоры. Так, в рассказе «Конец полковника Девишина» о его герое, белогвардейском офицере, всеми жизненными удачами и продвижениями обязанном своим удивительным усам, сказано, что у него — «голова сказочной редькой». Это сравнение раскрывает смысл метафоры, неоднократно возникающей в тексте рассказа: «В узкой редьке не помещались у Девишина мысли»; «Что он без усов? Посмешище! Не мужчина, а столб с редькой наверху!»; «У входа, нелепо вытянувшись, уставясь головной редькой в стену, лежал полковник Девишин...». Перед читателем предстает образ человека без интеллекта и души, человека-вещи.

Определяющим для облика Сергея Сергеевича Бегичева, бывшего владельца мануфактурного магазина (рассказ «Таракан»), является слово *вермишель*. Как и в предыдущих случаях, это — метафора, родившаяся из развернутого, детализированного сравнения: «...затряс бороденкой и усиками, похожими на вываренную вермишель, прилипшую из супа на губы и подбородок». Взятая из мира самой низменной, «кухонной» обыденности, метафора эта, неоднократно повторяясь и варьируясь в тексте рассказа («...высоко задрал вермишель бороденки», «вермишель зашевелилась», «вермишель бороденки царапала ему голую грудь»), становится как бы символом злобного и бессильного «таракана» Бегичева.

Своеобразным словесным контрапунктом портрета чванливого и бессердечного обитателя коммунальной квартиры пана Куциевского из рассказа «Мир в стеклышке» служат существительные *сковорода* и *горошины*. В контексте рассказа слова эти существуют также в необычном, не свойственном им значении: первое — это обозначение лица пана Куциевского, второе — его глаза. Этим лавреневским метафорам предшествует уже не просто сравнение, а целый рассказ, из которого становится ясен смысл приведенных метафор: «Запаятовала нерадивая домохозяйка очистить с медной сковороды пригорелую домашнюю лапшу, прилипла лапша рыжими нитками к томпаковой окружности, а промежду лапши застряли две мутно-зеленых горошины. Сверху лапшу ложкой выдрали — стала гладкая плешина.

Сковородка лежит на круглоболом огуречном бочонке, а бочонок поставлен на два осиновых кривых комля». Таков пан Куциевский: плешивый, низкорослый, с лоснящимся красным лицом и

мутными зелеными глазками, вечно заглядывающими в замочную скважину чужих комнат. Это уже не просто портрет — скорее карикатура!

С помощью подобных сравнений и метафор, продолжающих голевскую традицию сатирических портретов (достаточно вспомнить хотя бы Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем), Б. Лавренев намеренно снижает образы подобных персонажей до уровня самой низменной обыденности, подчас доводя их характеристику до абсурда. Такое овеществление человеческой внешности в рассказах и повестях Б. Лавренева ярко подчеркивает ничтожность и внутреннюю пустоту всех этих мелких, злобных, кичливых людшек, которые мешали строительству нового социалистического общества и которых писатель метко окрестил словом «моль».

Для успеха дальнейшей работы писателю необходимо было глубоко вникнуть в сущность происшедших перемен, определить черты нового революционного сознания. В конце 1924 года Б. Лавренев создал повесть «Сорок первый», которая получила всемирную известность. В повести показано столкновение двух враждебных миров. Побеждает правда поднявшихся на борьбу простых людей, таких, как «круглая рыбачья сирота» Марютка. В этой повести Б. Лавренев достаточно тонко и ненавязчиво использует тот же прием «овеществления» внешности героя в отношении сложного и противоречивого персонажа. Это — белогвардейский поручик Говорухо-Отрок, дворянин, бывший студент-филолог, сражающийся за «свою» Россию, волею случая оказавшийся в необычных обстоятельствах. Конечно, он враг и (окажись обстоятельства в его пользу) враг беспощадный. Но писатель намеренно намечает в его образе привлекательные, внушающие уважение черты: верность долгу, умение противостоять опасности, образованность и т. д. Да и внешне поручик красив: у него необыкновенно синие глаза, красивые руки...

Применительно к Говорухе-Отроку не может быть и речи о какой бы то ни было бездуховности. Но в описании глаз его есть что-то определенно настораживающее, некий знак предупреждения. Вот как описывает Б. Лавренев глаза поручика в момент его появления в отряде Евсюкова: «...глаза у поручика синие-синие, как будто плавали в белоснежной мыльной пене белка шарики первосортной французской синьки». Из этого сравнения в дальнейшем рождается многократно, настойчиво повторяемая метафора: *шарики* (т. е. глаза). Так закрадывается в портрет Говорухи-Отрока нотка «вещности»: его глаза как бы лишены той светлой точки, которая делает глаза человека живыми. Б. Лавренев стремится подчеркнуть то ли эгоцентризм поручика, его обращенность в себя, то ли душевную его слепоту. В этом лавреневском мотиве есть не-

сомненное ощущение обреченности поручика, просвечивающей в безжизненности его ультрамариновых шариков.

С самого начала привычное *глаза* совершенно исчезает из текста рассказа, когда речь идет о поручике: «В тени были синие шарики поручика...»; «...следил ультрамариновыми шариками...» «Были мутны и безумны поручиковы ультрамариновые шарики» и т. д. В одном случае Б. Лавренев как бы «сталкивает» слова *глаза* и *шарики*, противопоставляя жаркий блеск Марюткиных глаз безжизненным шарикам поручика: «Она открыла глаза и внезапно остановила желтые кошачьи зрачки свои на ультрамариновых шариках поручика».

Лишь однажды употребляет писатель существительное *глаза* в применении к Говорухе-Отроку. Как известно, Марютка спасла поручика от смерти, выйдя его, вылечив от тяжелой болезни. И тогда, словно знаменуя пробуждение в душе белогвардейского офицера неподдельной, чистой благодарности к своей спасительнице, возникает слово *глаза*. Более того. Оказывается, что глаза Говорухи-Отрока способны излучать сияние: он «...поднял на Марютку глаза. Они засияли недоумевающим светом».

Однако опрометчивый жест Марютки все ставит на свои места, обнажая непреодолимую пропасть, лежащую между героями повести. И тогда вновь возникает в тексте повести метафорическое *шарики*: «...подняла Марютка руку и ласково провела по волосам поручика. Он удивленно поднял на нее синие шарики». Так — уже до конца, пока и впрямь не превращается в некую вещь глаз поручика, выбитый метким сорок первым выстрелом Марютки: «В воде на розовой нити нерва колыхался выбитый из орбиты глаз. Синий, как море, шарик смотрел на нее недоуменно-жалостно».

Так от начала до конца повести, варьируясь в тексте, ведут свою лейттему существительные *глаза* и *шарики*, отмечая психологические повороты, подчеркивая тайные движения души Говорухи-Отрока. Пожалуй, такое применение приема «овеществления» человеческой внешности в прозе Б. Лавренева — редкость. Обычно писатель использует подобный прием для создания гротесковых, сатирических портретов, карикатуры, зло смеясь над мелочностью и злобностью обывателя времен нэпа, над занафталиненными тайными советниками и вышедшими в тираж фрейлинами императорского двора, над лишенными интеллекта белогвардейскими офицерами, беспощадно разоблачая бездуховность и мещанство.

Е. Н. ЭТЕРЛЕЙ

Рисунок В. Толстоногова

М. Ю. Лермонтов в 1832—1834 годах учился в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, где царил дух военной муштры, которая была ненавистна поэту. Но, кроме военных дисциплин, в Школе преподавались и общеобразовательные. Среди учителей были прогрессивно настроенные, знавшие и любившие свой предмет.

Сохранились тетради М. Ю. Лермонтова, которые находятся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Из этих тетрадей на литературной странице мы печатаем в отрывках записи М. Ю. Лермонтова о разных родах прозаических сочинений.

Частные правила разных родов прозаических сочинений. Письменное изложение мыслей, имеющее целью изобразить предметы существенные и истинные и действовать на разум человека, называется прозаическим сочинением. Прозаические сочинения разделяются на 6 родов: 1) описания, 2) исторические сочинения, 3) учебные, и^{ли} ученые, сочинения, 4) речи, 5) разговоры, 6) письма.

ОПИСАНИЯ

Определение описания. Описание есть изображение предмета в точном его виде для сообщения о нем понятия.

Собственно предметы описания суть местоположения, явления природы, произведения искусства, характеры, нравы и проч.

Ученые и простые описания. Так как описание состоит в исчислении качеств, действий и отношений предмета, кои суть или таковы, что сами собою чувствам представляются, или открывают средства размышлений, и посему описание бывает или *простое изображение*, или *ученое описание*.

Общее правило изображения состоит в том, чтобы предмет представлялся воображению читателя столь живо, как бы он видел оный пред собою. В ученых сочинениях предмет описываемый должен быть совершенно определен.

Описания произведений природы. Изображая произведения и действия природы, писатель должен выпускать из описания все, что может оскорблять вкус и чувство приличия.

Описания произведений искусства. Искусственные произведения изображаются совершенно в таком виде, в каком они в самом деле находятся, с присовокуплением, впрочем, оправдания удачных и обвинения неудачных черт произведения.

Описание народных нравов. При изображении нравов и образа жизни народов должно стараться представить как можно вернее частные или семейственные картины и связи, занятия, обряды и проч.

Путешествия. Так как путешествия суть собрания всякого рода описаний, то при составлении оных должно руководствоваться — и в расположении и в слоге — с показанными правилами; путешествия по цели бывают *ученые, просто описательные и чувствительные.*

О РЕЧАХ

Речь есть такое сочинение, которое при изустном произношении, научая ум, возбуждая чувства и воспламеняя воображение, склоняет волю слушателя согласно желанию сочинителя.

Каждая речь состоит из *приступа, предложения, изложения, возбуждения страстей и заключения.*

В *приступе* оратор, показывая верность предмета, старается обратить внимание слушателей к сему.

Предложение есть та мысль, к принятию которой приступ приготавливает слушателей.

Изложение, где оратор объясняет и доказывает истину.

Возбуждение страстей: в сей части речи для разгорачивания воображения представляется или добродетель во всем блеске или порок в гнусном его виде.

Заключение оканчивает речь. Здесь оратор <сосредоточивает> всю важность мыслей, силу чувствований и выразительность слов для совершенного достижения своей цели.

Впрочем, в речах коротки $\langle$ x $\rangle$ и вообще предполагающих

неприготовительность трудно, даже невозможно соблюсти все вышеизложенные правила.

Речи бывают *духовные, политичес^{кие}*, *судебные, академические, военные, похвальные* и т^{ому} подоб^{ные}.

Речи военные более всего требуют быстрого воображения, силу и отважность мыслей и чувствований. Слог должен быть живой, быстрый, краткий и сильный.

В сем роде сочинений оратор должен более пользоваться не столько правилами, сколько обстоятельствами и случаями.

В обращении к воинам должно в кратких словах напомнить все, что для него свято, все, что может довести его до самоотвержения.

О РАЗГОВОРЕ

Самый естественный способ выражения внутренних движений души есть разговор, который состоит во взаимном двух или многих лиц сообщении мыслей и чувств словами.

Письменный разговор, иначе называемый диалогом, есть подражание изустному и только тем отличен от сего последнего, что всегда и во всем должен иметь более правильности, ибо, во-первых, читателю удобнее заметить недостатки, нежели слушателю, во-вторых, предполагает большую обдуманность и, в-третьих, пишется обыкновенно о предметах важных.

Предметом разговоров могут служить произведения природы и искусства, исторические события и умственные истины.

Цель разговора письменного состоит в объяснении истины и устранении относительно ее недоумений; для сего избираются следующие средства: два или несколько лиц, смотря по числу разногласных об истине мнений, излагают друг другу взаимно и попеременно свои мысли, сохраняя при сем такой порядок, чтобы прежде отвечать на слова другого, а потом излагать и доказывать свое мнение или самым сим изложением опровергать мнения противника, дабы читатель сам видел недостатки и преимущества обеих сторон. Следовательно, предметом разговора бывает только истина спорная.

А как спорные истины находятся во всех отраслях познаний человеческих, посему разговоры по предметам бы-

вают философические, религиозные, исторические, общежитные, собственно литературные.

Сверх того, если разговор имеет прямою целью очищение истины от предрассудков и предубеждений по правилам логики, то оный называется *философическим*, а ежели он предполагает только изложение какого-либо действия, то разговор будет *драматический*.

Число разговаривающих лиц нельзя определить; впрочем для избежания сбивчивости должно стараться избегать множества оных. Лица сии могут быть вымышленные и исторические; характеры разговаривающих лиц должны быть различны, ибо от разногласия зависит ход, занимательность разговора.

Главные достоинства изустного разговора суть: живость, непринужденность и благородство, а как письменный разговор есть подражание изустному, то все сии качества неразлучно принадлежат и к письменному, а посему разговоры пишутся слогом смелым, живым, замысловатым, игривым, часто забавным, всегда остроумным, живописным и непринужденным; если же письменный разговор имеет целью убеждение, то слог его подходит до высшего красноречия.

О ПИСЬМЕ

Определение письма. Отсутствие, месторасстояние, иногда принимая и многие другие препятствия, часто возбуждают личные сношения или объяснения изустные; посему, удовлетворяя нужде и преодолевая препятствия, люди прибегли к письменным сношениям, в коих пишущий излагает свои мысли, предполагая от второго лица (к кому он пишет) вопросы, сомнения, возражения, и предваряет их с своей стороны ответами, решениями и опровержениями. Следовательно, письмо есть разговор с отсутствующим, в коем мысли и чувствования одного лица явно выражаются, а другого предполагаются.

Общие свойства письма и его содержание. Так как письмо заменяет изустный разговор, следовательно, о предмете и содержании пишем то же, что сказано о сем в разговорах; посему письмо должно иметь все качества разговора. Но как письмо не может иметь той силы, которая разговору сообщается выразительностью голоса и разными движениями, и как от пишущего более требуют во всем

строного отчета, то в письме должно наблюдать более выразительности, правильности и отчетливости.

Общие правила. Хотя для соч(ин)ения писем положить постоянных общих правил почти невозможно, однако можно показать те условия, которые должно соблюдать при каждом случае, именно: 1) необходимо надо знать отношения свои к тому, кому мы пишем; 2) в продолжение письма не выпускать из виду характера и душевного расположения второго лица, ибо не всякому может нравиться то, что нравится другому; 3) единство тона или чувства, оживляющего письмо, должно быть соблюдаемо во всей строгости; 4) расположение писем бывает почти всегда таково: первое место занимает *обращение*, которое по большей части заключает в себе титул второго лица; потом *приступ*, или *причина*, заставляющая писать; далее излагается та *причина*, которая заставила обратиться к нему, а не к другому; *изложение* самого дела и, наконец, *заключение*, то есть конечная причина письма. К сему нужно прибавить вторичное, как бы прощально(е) обращение с присовокуплением чувствований пишущего ко второму лицу. Из сего правила исключаются те случаи, когда в письмах излагается какое-либо большое литературное или ученое творение.

Роды писем. Письма по начальной своей причине бывают *упредительные* и *ответственные*; по количеству предметов они бывают *простые* или *сложные*. По содержанию письма разделяются на *описательные*, *философические*, или *ученые*, *литературные*, *общежитные*, [дружеские] *любозные* и проч. По случаям, на которые они пишутся: *извещательные*, *просительные*, *утешительные*, *благодарственные*, *поздравительные* и тому под(обные). По отношению лиц письма бывают к *низшим*, к *равным*, к *высшим* и *дружеские*.

Цитируется: М. Ю. Лермонтов.
Исследования и материалы, Л., 1979, с. 149—152

В поисках
эмоционального
СЛОВА

Еще ораторы древности большое внимание обращали на эмоциональность речи. Аристотель, величайший древнегреческий мыслитель, в своей «Риторике» писал, что слушатель всегда сочувствует оратору, который говорит с душой. Риторика, по его мнению, — это искусство убеждения: оратор стремится завладеть своими слушателями и воодушевить их.

М. В. Ломоносов, который много занимался теорией красноречия, также считал, что любое логическое доказательство должно всегда сопровождаться эмоциональной оценкой. Действие красноречия должно быть «велико, стремительно, остро и крепко», эмоциональность речи должна постепенно возрастать и укрепляться. «Глубокомысленные рассуждения и доказательства не так чувствительны, и страсти не могут от них возгораться...» (Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию. § 99, 100).

Эмоциональности пропагандистского слова уделял большое внимание М. И. Калинин. Он заметил: «Агитатор должен передать свою мысль ярко, чтобы она произвела впечатление, и именно такое, какое хочет агитатор». Высоко ценил эмоциональность речи и А. В. Луначарский:

«Если оратор говорит ярко, то есть апеллирует к воображению слушателей, говорит горячо, то есть апеллирует к чувствам, его речь становится художественной».

Убеждающая сила выступления связана с его логической и психологической сторонами. В первом случае имеются в виду методы доказательства, аргументации, во втором — эмоциональное воздействие на слушателей. Известно, что одних людей привлекает строгость, логичность изложения, других — оригинальность, необычность композиции, яркость выступления.

Как же создается эмоциональность речи?

Многие слова в нашем языке имеют так называемую эмоционально-экспрессивную окраску, то есть дополнительные стилистические оттенки, которые как бы наслаиваются на основное, предметно-логическое значение слова и выполняют оценочную функцию. Возьмем слово *глаза* — это обычное название, а слово *очи* имеет высокую стилистическую окраску. А вот слова того же значения со сниженной окраской: *глядялки, буркалы, зенки*.

Язык предоставляет в распоряжение пропагандиста огромное количество таких слов. Отличаясь большой выразительностью, они позволяют наиболее полно характеризовать явления или события. Сами виды эмоционально-экспрессивной окраски и средства ее выражения весьма многообразны. Например, слова с положительной оценкой — возвышенные, одобрительные, ласкательные, шутливые: *зодчество, грядущее, милостиво, любимый, вояка*; с отрицательной оценкой — неодобрительные, презрительные: *баракло, трепач* и др.

Основу же нашего языка составляют слова, которые лишены стилистической окраски. Эту лексику называют нейтральной. К ним можно отнести, например, *город, улица, дом, голова, человек, машина, область, строить*. Есть слова, которые в прямом значении нейтральны, в переносном же получают оценочность. Так, человека можно назвать *орел, медведь, ястреб, голубь, бегемот, дикарь*. Разную стилистическую окрашенность имеют слова, образованные с помощью особых приставок и суффиксов: *мальчонка, киношник, поговаривать, словечко, домик, домишко, большущий, здоровенный, высоченный, архиопасный, слабенький, модненький, минутка, неделька*.

Слова имеют и так называемую функционально-речевую (или функционально-стилистическую) окраску. Что это такое? Некоторые слова не прикреплены к определенному стилю речи. Они употребляются в научных и публицистических статьях, в официальных бумагах и в художественных произведениях, в непринужденной речи и в разных видах публичных выступлений. Эта лексика называется межстилевой; она совпадает с нейтральной, о которой мы уже говорили.

Выделяется также книжная лексика, связанная с определенными книжными стилями речи: научным, официально-деловым, газетно-публицистическим. Так, *черное золото*, *белое золото*, *люди в белых халатах*, *династия Сталиных*, *ледовая дружина*, *зеленый друг* относятся к публицистическому стилю; *нижеподписавшийся*, *довожу до вашего сведения*, *прошу принять во внимание*, *до настоящего времени* — к официально-деловому; *нефросклероз*, *девальвация*, *эксперимент*, *лингвистика* — к научному. В непринужденной беседе мы часто употребляем разговорные и просторечные слова: *одергивать*, *ослушаться*, *сногшибательный*, *столовка*, *сгущенка*, *подкованный*, *слазь*, *езжай*. Использовать в речи их следует очень осторожно, так как они характеризуются оттенком упрощения, сниженности, грубости.

Слова научного или публицистического стилей мы также употребляем в разговорной речи, но и там они сохраняют книжную окраску и свою принадлежность к этим стилям. Книжное слово *индифферентный* в обычном разговоре имеет значение «безразличный», «равнодушный». Например, во фразе: «Ты знаешь, Сапа у меня очень индифферентен» — оно вполне допустимо. А вот другой пример. Мастер обращается к рабочему с деловым поручением: «Пойди, посмотри, как там подается в трубы черное золото». Сочетание *черное золото* — публицистическая метафора, она несвойственна разговорной речи и поэтому неуместна в приведенной фразе.

Два вида стилистической окраски — эмоционально-экспрессивная и функционально-речевая — тесно связаны между собой. Чаще всего они совпадают в одном слове. Так, *превысить*, *презойти* — слова литературно-книжной и официально-деловой речи, слово же *перекрыть* имеет несколько сниженную окраску и употребляется в обиходно-разговорной, экспрессивно окрашенной речи.

Готовясь к выступлению, всегда нужно помнить об этом различии лексики. Ведь то, что используется в официально-деловой речи, бывает неуместно в речи научной или публицистической.

Вот, например, слова *родина*, *отечество*, *отчизна*. Все они обозначают страну, в которой человек родился и гражданином которой он является. Однако *отечество* и *отчизна* — слова торжественные, возвышенные. В предложении «Я люблю свое отечество» выражается отношение говорящего к родине. Вспомните строки из поэмы «Хорошо!» В. Маяковского

Отечество
славлю,
которое есть,
но трижды —
которое будет.

Но то же самое слово в другом, бытовом контексте этой поэмы звучит уже прозаически:

Жена,
да квартира,
да счет текущий —
вот это —
отечество, райские кущи.

Во фразе «Моя родина — город Рыбинск» лишь сообщается, где человек родился. Под влиянием контекста слово *родина* может принимать высокую стилистическую окраску и часто пишется с прописной буквы: «В новых ярких и талантливых книгах она [литература] отразит гигантский путь, пройденный страной, расскажет о жизни и труде миллионов тружеников нашей Родины, возводящих светлое здание коммунизма» (Михалков. Моя профессия).

Слова *теперь*, *сейчас*, *нынче*, *ныне*, *в настоящее время*, *в настоящий момент* объединяются одним значением «в настоящее, текущее время; в настоящий, текущий момент». Но они отличаются тонкими оттенками значения и стилистической окраской. Слово *теперь* чаще употребляется по отношению к настоящему, текущему времени, а *сейчас* — по отношению к данному, настоящему моменту. Оба эти слова в стилистическом отношении

нейтральны. *Нынче* употребляется преимущественно в общедно-разговорной речи, *ныне* — в литературной речи несколько приподнятого характера, обычно в тех случаях, когда содержится сопоставление или противопоставление чего-либо в данное время и в прошлом. *В настоящее время, в настоящий момент* имеют книжную окраску.

Слова *слушать* и *внимать* имеют значение «воспринимать, улавливать что-либо слухом». Первое слово — нейтральное, второе употребляется преимущественно в торжественной, приподнятой речи. Мы не скажем: «Внимай, что тебе говорят», а скажем: «Слушай, что тебе говорят». Но: «В этот торжественный момент и отец и мать, и сестры внимали ему».

Употребление фразеологизмов также способствует эмоциональности речи. Они могут быть книжными (*ахиллесова пята*), разговорными (*вогнать в краску*), просторечными (*лезть в бутылку*), грубо-просторечными (*ни кожи ни рожки*) и выражать определенную оценку. Наиболее явно обнаруживается оценочность в просторечных фразеологизмах. В других случаях она зависит от контекста или же иногда не выражается вовсе. Сравните две фразы: «Его выступление взволновало, захватило меня» и «Его выступление задело меня за живое». Конечно, вторая фраза с разговорным фразеологизмом более ярко передает наше состояние.

Можно сказать: «Он пытался выполнить сразу множество различных дел: покупал учебники, книги для чтения, карты, глобусы и другие необходимые для школы вещи». Но эту же мысль можно выразить более эмоционально и дать тем самым свою оценку действию: «Он *разрывался на части*: покупал учебники, книги для чтения...». Использование фразеологизма здесь имеет свои преимущества: во-первых, мысль выражена более сжато; во-вторых, возникает определенный образ; в-третьих (что для нас самое важное), он позволяет внести в речь эмоциональную окраску и дать нашу оценку действию или явлению.

Как же используется в выступлениях разговорная лексика и фразеология?

Это зависит и от цели речи, и от ее содержания, и от жанра, и от состава слушателей. Наконец, индивидуальные

речевые навыки говорящего влияют на весь стиль его выступления. Одни лекторы, пропагандисты свободно употребляют в своих выступлениях устно-разговорные слова, другие, наоборот, предпочитают книжную речь. Конечно, разговорные элементы в некоторых речевых ситуациях бывают необходимы: именно разговорность повышает восприятие речи, снижает тот психологический барьер, который иногда возникает между оратором и слушателями. Сравним отрывки из двух речей:

«Благодаря особенностям экономической структуры моей страны мировой кризис ни в коей мере не может влиять и не влияет на непрерывный подъем ее экономической жизни, что подтверждается отсутствием таких явлений, как перепроизводство товаров, накопление запасов, не находящих сбыта, безработица, увеличение внешней задолженности, банкротство, падение заработной платы... Имея полную возможность благодаря успешному выполнению первого пятилетнего плана развивать свое строительство, не завися от импорта с иностранных рынков, мое правительство тем не менее не имеет намерения отгородиться от внешнего мира экономическими барьерами и заключить себя в собственную экономическую скорлупу. В отличие от других стран, при огромном повышении собственного производства, мы не стремимся к автаркии и не отказываемся от выгодного ввоза иностранных товаров» (Литвинов М. Внешняя политика СССР. Речи и заявления. 1927—1937. М., 1937, с. 326). (Автáркия — политика хозяйственного обособления страны, создание замкнутой, самообеспечивающейся экономики).

А вот отрывок из речи первой в мире женщины-дипломата А. М. Коллонтай:

«Товарищи! Много перемен принесла с собой Великая Октябрьская рабочая революция! Поглядишь кругом и не узнаешь России! Нет царя, не стало помещиков... Поприехали попы, уже нагло не выклянчивают себе у крестьян, у рабочих подачки... Присмирели и купцы-кулаки, толстосумы, не смеют открыто обирать и притеснять народ. Сам трудовой народ встал у власти! Не помещики, фабриканты, богачи, не господа с туго набитой мошной управляют Россией, издают законы, судят и милуют, а свой же брат — рабочий, крестьянин — находится в Советах, пишет законы, следит за их выполнением, заседает в народном суде, распоряжается Красной Армией. Новая стала Россия, не по-

хожа на прежнюю» (Запись речи А. М. Коллонтай на граммофонной пластинке. 7 марта 1919 г.).

Как видим, стилистическая организация этих речей разная. Первая — книжная, официальная, воздействует в основном на интеллект слушателей. Эта разъясняющая и убеждающая речь строится на логических доводах, обоснованиях. Вторая — пронизана разговорностью, оценочностью и воздействует на эмоциональную сферу слушателей. Сила этой речи — в ее напряженности, страстности, проникновенности.

Восприятие слова — процесс, связанный с эмоциональной стороной речи, требует напряженного внимания в течение определенного времени. Яркая речь заставляет слушателей энергично воспринимать изложенное, запоминать его. Приведем еще один отрывок из речи А. М. Коллонтай на II Всероссийском съезде РКСМ 5 октября 1919 года:

«Так за работу же, товарищи, во всех областях жизни, в том смысле, чтобы поднять рабочую дисциплину.., чтобы каждый из вас применял бы все способности, которые вложены в него природой! Тогда работа перестанет быть для вас тягостью, крестом, а станет радостью, когда каждый из вас отдаст все свое время на то дело, которое он любит. И если нас спросят: „Как вы работаете?“ — мы скажем: „Разве мы работаем? Делаем дело нас интересующее“. Мы это осуществим только тогда, когда создадим новый мир, настроенный на творческом труде».

Эта речь эмоциональна, призывна. Здесь и словосочетания, имеющие несколько приподнятую окраску в данном контексте (*создадим новый мир, творческий труд*), и восклицательное предложение, и противопоставление (*работа перестанет быть для вас тягостью, крестом, а станет радостью*), и прямая речь, элементы диалога. Все вместе они создают действенную, яркую речь.

Эмоционально-экспрессивные слова весьма разнообразны. Их выбор и порядок использования в каждом конкретном случае связан со многими моментами — темой, временем, местом, условиями выступления. Они углубляют и расширяют ассоциации у слушателей, способствуют активному восприятию содержания.

Н. Н. КОХТЕВ

УПРАЖНЕНИЯ

1. Определите, какие слова в каждой синонимической паре имеют нейтральный, книжный или разговорный характер.

При выполнении задания пользуйтесь словарями.

Бегать — носиться, беспорядок — неразбериха, благодарить — выражать благодарность, взрослый (мальчик) — большой (мальчик), пройти — проследовать, опротиветь — опостылеть, наградить — удостоить, плакать — реветь, спонтанный — самопроизвольный.

2. В отрывке из речи М. И. Калинина, произнесенной 17 апреля 1941 года на собрании учащихся восьмых, девярых и десятых классов средних школ Ленинского района г. Москвы, найдите слова и словосочетания, имеющие разговорную окраску.

Правда, я был связан более или менее тесно еще с крестьянской молодежью. Но что можно рассказать вам о жизни крестьянской молодежи в те годы? Ничего тут интересного и поучительного не было. В массе своей крестьянские парни и девушки были обременены работой и домашними нуждами. Конечно, рабочей молодежи жилось тоже не сладко, но все-таки она имела известные преимущества хотя бы в том смысле, что ее горизонт был неизмеримо шире: она могла больше увидеть и узнать. А кругозор крестьянской молодежи был ограничен интересами села, и она немного знала, что творится за околицей. Едва человеку исполнялось 13—15 лет, как его уже впрягали в работу. А к 18—19 годам путь молодого крестьянина был уже окончательно определен: он женился, отделялся от отца и кое-как устраивал свое гнездо.

3. В отрывке из речи А. В. Луначарского «Максим Горький» найдите лексические средства, которые создают эмоционально-экспрессивную окраску текста.

Завод своим заревом освещает страну, завод дает того, кто выведет человека из тупика... Вот этот железный мессия, своей массивностью, коллективностью, организованностью, своим революционным темпераментом и силой своей народной, проникновенной, здоровой энергии, привел в восторг Алексея Максимовича,

И это заставило его, последнего пророка из тех, что только предсказывали переворот, и первого великого писателя, обратившегося к пролетарскому движению, сказать: «Ты грядешь в мир для того, чтобы его спасти!»

ОТВЕТЫ

1. Носиться — разг., неразбериха — разг., выражать благодарность — книжн., большой (мальчик) — разг., проследовать — книжн., опостылеть — разг., удостоить — книжн., реветь — разг., спонтанный — книжн. Остальные слова — нейтральные.

2. Тут, парень, обременены домашними нуждами, жилось не сладко, твориться, околица, впрягать в работу, отделяться, устраивать свое гнездо.

3. *Мессия* — книжн., устар., высок.: избавитель, неожиданно приносящий спасение от чего-нибудь. Прилагательное *железный* усиливает определяемое слово. Существительные с суффиксом *-ость* имеют книжную окраску: массивность, коллективность, организованность. *Пророк* — здесь: книжн., высок. *Грядешь* — книжн., высок. В этом отрывке нет разговорных слов.

Издательство политической литературы выпустило второе, дополненное издание сборника «Пропагандисты ленинской школы» (М., 1979). В сборнике помещены 18 очерков о выдающихся ораторах-ленинцах: В. В. Воровском, Ф. Э. Дзержинском, М. И. Калинин, С. М. Кирове, Н. К. Крупской, Г. В. Чичерине и др. Авторы очерков рассказывают об ораторском мастерстве пропагандистов ленинской школы. Опыт их публицистического творчества, советы агитаторам и пропагандистам, образцы речей будут полезны всем идеологическим работникам. Указатель источников, приведенный в конце каждого очерка, поможет им более подробно познакомиться с деятельностью того или иного пропагандиста.

Статьи сборника написаны интересно и популярно, они рассчитаны на широкий круг читателей.

НОРМЫ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ В ИХ ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Окончание. Начало см.: 1981, № 3

Общенациональный характер московского произношения был подкреплён ещё авторитетом М. В. Ломоносова, который писал: «Московское наречие не токмо для важности столичного города, но и для своей отменной красоты прочим справедливо предпочитается...» (Российская грамматика, § 115). [Конечно, надо помнить, что здесь имеется в виду разговорная речь, а не книжно-литературный язык.] Признание М. В. Ломоносовым нормативного характера московского произношения тем более показательное, что сам он был уроженцем Русского Севера с его особым архангельским диалектом.

П. А. Плетнев писал, что Пушкин и Дельвиг — москвичи по рождению — всегда этим гордились и утверждали, что «тот из русских, кто не родился в Москве, не может быть судьёю ни по части хорошего выговора на русском языке, ни по части выбора истинно русских выражений» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. III. СПб., 1896, с. 400). Н. Греч в «Практической русской грамматике» (1827) даёт раздел «Орфоэпия, или произношение слов», где не только указывает в качестве нормы старомосковское произношение *што, скушно, нарошно, желею, чёсы, шелун, щедить*, но и пишет, что правила произношения в грамматике даются «по употреблению, существующему в наречии Великороссийском (т. е. господствующем в губерниях Московской и смежных с оною) и принятому образованными людьми во всей России». Наконец, известный исследователь русского языка В. И. Чернышев (родом из

Владимирской области) писал: «Образованные люди во всех местах России говорят по-московски» (Законы и правила русского произношения. СПб., 1908, с. 10).

Приведенное выше высказывание М. В. Ломоносова относится к середине XVIII века, когда столицей России уже полстолетия был Петербург. [Правда, в императорской России всегда говорили о двух столицах, а о Москве как «первопрестольной столице». Сам Ломоносов называет Москву «столичным городом». Однако фактически столицей являлся Петербург, где было местопребывание царя, двора, правительства.] Возникает вопрос: почему перевод столицы России в начале XVIII века из Москвы в Петербург не оказал существенного влияния на общенациональные нормы русского произношения? Дело в том, что этот перевод произошел тогда, когда общерусские нормы языка в основных фонетико-морфологических чертах уже сложились. В новой столице в политическом и культурном отношении преобладали москвичи: московского происхождения была царская семья и большая часть ее окружения, боярства и приказных, многие из купечества, подрядчиков-строителей и т. д. Для остального же смешанного разнодиалектного населения в течение длительного времени московское наречие сохраняло свой образцовый характер.

Со временем московское произношение в Петербурге подвергается некоторым изменениям: под влиянием правописания в нем усиливаются элементы книжного, «буквенного» произношения. Этому могла содействовать петербургская бюрократия — высшее и среднее чиновничество, очень далекое от народа, среди которого было немало иностранцев, в особенности немцев. В мещанской и ремесленной среде старого Петербурга были немцы, а также карелы и финны. К числу буквенных произношений относятся такие, как *тих'ий, стрѣг'ий, тѣнк'ий; старѣл'са, старѣеш'са, мѣюс', пѣсс'а; что, конѣчно; дошт', дожд'а* (при старомосковском *дош'ш', даж'ж'а*) и др. Впрочем, буквенное произношение с ростом грамотности широких слоев населения постепенно стало распространяться повсеместно в городах. В Петербурге наблюдается также некоторое севернорусское влияние в связи с тем, что его окрестности, а отчасти и сам город, стали заселяться в основном выходцами из соседних северных областей.

К числу северных по происхождению черт, распространенных в Петербурге — Петрограде, относится одноступенчатая редукция гласной *о* после твердых согласных: *гѣръда, мѣл'ько*; скапье: *н'есу, в'еду, н'етак, т'ену*; твердые губные вместо мягких на конце слова: *сем, кроф, голуп, вкриф*; такие явления, как *мяк'к'ий, лѣк'к'ий*; произношение *ш'читать, ш'ч'от, сушность, худож'н'ик, през'д'е*. Отметим, что многие из этих черт были свойственны языку и

других крупных центров севера России: Вологде, Архангельску, Вятке, Ярославлю, Нижнему Новгороду, а некоторые из них имели место и в других краях.

Как видим, оба типа произношения не являются специфически петербургскими. Однако Петербург был столицей Российской империи. И вне зависимости от происхождения отдельных черт произношения, распространенных в Петербурге — Петрограде, противопоставление петербургского (петроградского) произношения московскому для своего времени было естественным. Петербургское произношение, правда, не стало орфоэпической нормой. Оно, в частности, не было принято русской сценой, наиболее ревностно оберегающей чистоту литературного произношения («московские» нормы господствовали и на петербургской сцене, и на провинциальной). Однако многие его особенности оказались весьма жизнеспособными и оказали заметное влияние на направление развития современного русского литературного произношения и в самой Москве, следовательно, имели общенациональное значение.

Таким образом, русское литературное произношение сложилось на исторической основе московского произношения. Поэтому орфоэпическим считалось то произношение, которое было свойственно московскому говору, хотя официального закрепления норм литературного произношения не существовало. При этом само московское произношение эволюционировало: впитав в себя некоторые черты петербургского произношения, утратив некоторые архаичные черты, оно переросло в общенациональную систему произношения. Так, например, под воздействием многих говоров, петербургского произношения (а также написания) форма 3-го лица множ. числа глаголов 2-го спряжения стала произноситься с *ът*: *гон'ът, нос'ът, таш'ш'ът* вместо старомосковского *гон'ут, нос'ут, таш'ш'ут*.

Любопытно, что коренной петербуржец А. Блок (впрочем, живший много и под Москвой в Шахматове) делает «ошибку» в своих Записных книжках (1965, с. 123): пишет *тащутся*. Писатель А. И. Эртель, связанный с югом России, видимо, не различал безударных окончаний 3-го лица множ. числа глаголов 2-го спряжения, чем объясняется его «ошибочное» написание *колышатся*. У Лескова встречается написание *кличат* вместо *кличут*. До сих пор в печати появляется написание *бoryтcя* вместо *бoryтcя*. Долгое мягкое *ж* уступает твердому под влиянием многих говоров, петербургского произношения и заложенных в самой фонетической системе причин. Сейчас преобладает произношение *вожжы, вижжат* и стало более редким старомосковское *вожж'и, виж'жат*.

Ввиду сказанного, нельзя в полной мере согласиться с Л. В. Щербой, который писал: «...в произношении будущего будет отме-

тено все чересчур местное, московское и ленинградское, орловское или новгородское, не говоря уже о разных отличительных чертах других языков...» (Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 111). Если можно было в какой-то мере противопоставлять московское и ленинградское произношение (поскольку Петербург — Петроград в течение двух с лишним столетий был столицей России), то ни в какой мере нельзя ставить в одном ряду Москву и Орел или Новгород, тем более русское произношение нерусских. Русское литературное произношение было и осталось в своей основе и главных чертах московским, переросшим после ряда изменений в течение XIX—XX веков в общенациональное.

До Великой Октябрьской социалистической революции орфоэпические нормы русского языка отстоялись преимущественно в языке московской интеллигенции (таких людей, как П. М. Третьяков, С. И. Мамонтов, К. С. Станиславский, И. М. Москвин, В. Я. Брюсов, Андрей Белый, С. И. Зимин, великая плеяда актеров Московского Малого театра и др.). Через эти круги орфоэпические нормы проникали в той или иной степени в язык культурных слоев населения.

Однако полной унификации литературного произношения все же не было, да его и не могло быть, поскольку есть разные стили языка, отличающиеся друг от друга и произносительными особенностями. Поэтому в определенных случаях существовали и существуют колебания — произносительные варианты, многие из которых имели или сейчас имеют разную стилистическую окраску.

Кроме того, несмотря на стремление литературного языка ко всеобщности и единообразию, отдельные крупные экономические и культурные центры, как было указано, нередко вырабатывали и свои особенности, не свойственные литературному произношению. Поэтому не только петербургское произношение несколько отличалось от московского, но имелись местные отличия и в произношении других крупных центров, таких, как Казань или Нижний Новгород (ныне Горький), Воронеж, Ростов-на-Дону и др. Местные отличия в произношении периферийного городского населения в определенной мере сохранились и до наших дней. Естественно, что они выходят за рамки литературного произношения.

В связи с общей демократизацией речи и широким развитием иканья во многих центральных говорах, в особенности в городских «полудиалектах» (говорах юга и центра), в разговорной речи Москвы развивается иканье, то есть совпадение гласных *e*, *o*, *a* в безударных слогах после мягких согласных в звуке, близком к *и*:

л'ес, н'ос, вз'ал (под ударением) и *л'исá, н'ислá, вз'илá* (в 1-м предударном слоге). Истоки иканья восходят к сравнительно далекому времени, но господствующее значение оно приобретает в Москве только с начала XX века. Таким образом, произношение *л'исá* может обозначать как «леса», так и «лиса», произношение *л'ила* — «мела» и «мила». Однако иканье характеризует нейтральный стиль речи, а также непринужденную разговорную речь. В высоком стиле, например в некоторых жанрах поэзии, сохраняется еканье и, следовательно, различие *е* и *и* предударных: *л'еса, н'есла, вз'ела*, то есть «леса» и «лиса», «мела» и «мила» в произношении не совпадает.

В Петербурге в разговорной речи еканье сохранялось довольно долго. Однако в настоящее время в Ленинграде господствует, как и в Москве, иканье, а еканье становится чертой высокого стиля. Л. В. Щерба и здесь ошибся, предсказывая, что будущая общенациональная норма будет «екающей». Доминирующим в Ленинграде стало также произношение *ш'ш'* на месте *щ* и *сч* (по крайней мере не на стыке ясно различных морфем), как в Москве: *ш'ш'и* — *щи*, *ш'ш'от* — «счет».

После Великой Октябрьской социалистической революции социальный состав носителей русского литературного языка значительно расширился. Литературный язык становится достоянием быстро растущей многомиллионной советской интеллигенции, а также постепенно и всего советского народа. Русским литературным языком пользуются самые широкие слои братских народов Советского Союза, русский язык стал языком межнационального общения народов СССР. В связи с этим орфоэпические нормы, выработавшиеся до Великой Октябрьской социалистической революции, не могли не пошатнуться: колебаний и произносительных вариантов, которых было достаточно много и ранее, стало больше. Однако в дальнейшем, по мере роста культуры советского народа, повысилась также и культура речи.

Ранее установившаяся произносительная система сохранилась в основных чертах. Эта система культивируется на сцене, ей стараются следовать радиовещание и телевидение, ей должно учиться подрастающее поколение в школе. Из нее выпали некоторые устаревшие черты, заменившиеся новыми. В отдельных случаях рядом со старыми нормами стали употребляться новые, укрепившиеся за последнее время. Однако русская произносительная система как одна из сторон литературного языка представляет собой исторически сложившееся явление. Утрачивая постепенно одни

особенности и вырабатывая другие, она в то же время в целом остается без существенных изменений.

Из всего сказанного вытекает, что в настоящее время уже едва ли есть необходимость говорить о московском и ленинградском произношениях, тем более других культурных центров, хотя разное диалектное окружение может придавать речи определенного круга населения ту или другую местную окраску. В Москве и повсюду укрепляется в ряде явлений произношение, соответствующее написанию; местные грани интенсивно стираются.

Естественно, что на русское произношение представителей народов Советского Союза, для которых русский язык является вторым родным языком, накладывает свою печать также родной, материнский язык («иноязычный акцент»). Все это означает, что повышение культуры русской устной речи является важной задачей общества в целом, в особенности школы, высшей и средней, а также театра, радио, телевидения, задачей, требующей длительной, терпеливой работы.

Р. И. АВАНЕСОВ

СРЕДИ КНИГ

Л. И. Скворцов

ПРАВИЛЬНО ЛИ МЫ ГОВОРИМ ПО-РУССКИ?

Любой из нас пишет, читает и говорит. Живое слово будит нашу мысль, проникает в душу. Но когда слышишь: «километр», «квартал», «взаимобразно» или «играть значение» вместо *километр, квартал, взаимобразно и иметь значение*, то испытываешь досаду, становится неудобно за говорящего.

В письме одной читательницы говорилось: «Небреж-

ность в языке — все равно, что неряшливость в одежде». Возможно, это и так, только отношение к той и другой неряшливости неодинаково. Чувство неловкости за оторванную пуговицу знакомо многим, а вот стыда за исковерканное слово практически не существует. Вероятно, потому, что человек привык говорить так, ему и в голову не приходит, что он ошибается. Поэтому, чтобы не выглядеть нелепо перед сослуживцами, на вузовской кафедре или на трибуне, необходимо постоянно, изо дня в день проверять свою привычку говорить так, а не иначе.

Прекрасным помощником в проверке себя в этом отношении является справочное пособие по произношению, ударению и словоупотреблению «Правильно ли мы говорим по-русски?» (М.: Знание, 1980)

Л. И. Скворцова, этого активного популяризатора русского слова, пополнившее семью книг по культуре речи. Работа посвящена памяти замечательного советского ученого С. И. Ожегова, основателя науки о культуре речи. Рассказывая об этой науке во введении, Л. И. Скворцов подчеркивает, что повышение культуры речи является важным звеном повышения всей культуры развитого социалистического общества. И нельзя не согласиться с его утверждением, что «правильность речи — это основа речевой культуры, основа, которая позволяет беспредельно совершенствовать свое индивидуальное языковое мастерство, искусство слова. Для этого нужны лишь настойчивость и знания, большое желание, интерес и любовь к родному языку!».

Книга состоит из четырех разделов: 1-й — Что надо знать о культуре речи; 2-й — Правильно произносите слова; 3-й — Правильно употребляйте слова и выражения; 4-й — Справочный листок.

Раздел «Правильно произносите слова» представляет собой краткий словарь по произношению и ударению. Например: *абзац* (не *абзац*), *пулвер* (не *полувёр* и не *пуловёр*), *созыб* (не *созыв*), *упадочнический* (не *упаднический*), *сэссия* (произносится *се*) и т. п. В комментарии к этому разделу автор подчеркивает, что литературное произношение — важный показатель общекультурного уровня человека, а правильная постановка ударения — необходимый признак и важнейшее условие грамотной речи.

Третий раздел пособия

(«Правильно употребляйте слова и выражения») посвящен нормам словоупотребления, то есть точности выбора слова и уместности его применения в тех или иных сочетаниях с другими словами. Приведем некоторые примеры:

Индустрия. Восходит к латинскому *industria* — буквально «деятельность», затем — «промышленная деятельность», «промышленность».

В связи с тем, что в содержание слова *индустрия* входит понятие «промышленный», избыточно (тавтологично) выражение *промышленная индустрия* на месте литературных *промышленность* или *индустрия*.

Редкий — *редкостный*.

Эти однокоренные прилагательные имеют известные отличия в оттенках значения и употребления.

Редкий (наречие *редко*) — значит «необычный», встречающийся не часто. Например: *редкие виды растений и животных; редкий талант; редкая возможность*.

Редкостный (наречие *редкостно*) — значит «необыкновенно редкий, являющийся редкостью; выдающийся в своем роде». Например: *редкостное явление природы; редкостная красавица; редкостный экземпляр тропической бабочки* и т. п.

Завершает книгу обширный перечень различных словарей и изданий по культуре речи, насчитывающий более 60 названий. При своей компактности книга содержит богатейший справочный материал. Это настоящее массовое издание, рассчитанное на самый широкий круг читателей.

Н. А. РЕВЕНСКАЯ

Чужое —

Все-таки чужое

О стилистической роли
заимствований

**«ЧУЖОЙ СТРАНЫ ЯЗЫК
И ПРАВЫ...»**

В каждом литературном языке есть особый тип заимствованных слов, которые остаются чужими в новой языковой среде. В этом сила их выразительности, оправданность или, наоборот, неоправданность случайных вторжений в русскую речь.

Слова, намеренно выделенные как чужие, вкрапливаются в описания чужих стран, чужой жизни и чужих прав как особые, локальные (свойственные данной местности) приметы. Например: В субботу утром хозяйка дома отправляется на машине в ближайший супермаркет за продуктами на целую неделю; От Канберры до Мельбурна восемь часов езды на автомашине. Узкая дорога не похожа на американский фривей... (Новый мир, 1975, № 6). Американизмы *супермаркет* (магазин без продавца, магазин самообслуживания, универсальный, очень большой) и *фривей* (современная дорога для автотранспорта без ограничения скорости движения) типичны для чужого быта, в данном случае — быта австралийских городов.

Чужие слова, сообщающие национальную окраску описанию, связаны с бытом, культурой той или иной страны, того или иного народа. Подобные слова называют экзотизмами. Термин *экзотизм* восходит к греческому *εχθικός* — чуждый, иноземный, необычный. Как видим, экзотизмы имеют вполне определенную смысловую и стилистическую функции: позволяют создать «эффект присутствия», локализовать описание. Однако связь с какой-либо одной страной у экзотизма может ослабляться, как, например, у американизмов *супермаркет*, *фривей*. Слова же, утратившие определен-

пую локальную окраску, именуют варваризмами (от греческого *barbarismos* — иноязычный, чужой). Но и экзотизмы, и варваризмы не теряют смысловую изоляции в заимствующем языке, своей «чуждости». Именно в этом их стилистическая функция: «эффект присутствия», «эффект отчужденности».

ЧУЖДЕ СЛОВО: О ЧЕМ ГОВОРIT И ЧТО МОЖЕТ СКРЫВАТЬ?

Обычно отмечают, что заимствующий язык активно принимает чужие слова, подчиняет их своей фонетической, семантической и грамматической системе (см. об этом: Брагина А. А.— Русская речь, 1976, № 6; 1979, № 2). Но есть чужие слова, стойко удерживающие свое особое место в заимствующем языке.

Такие слова могут выполнять роль своеобразной маски, прикрывающей непосредственность чувств, о которых почему-либо трудно говорить. Вспомним, как мучится Анна, думая о бале, Вронском и Кити, перед которой она чувствует себя виноватой. И па слова Долли «У тебя все в душе ясно и хорошо» Анна отвечает: — У каждого есть в душе свои *skeletons*, как говорят англичане.

— Какой же у тебя *skeletons*? У тебя все так ясно.

— Есть! — вдруг сказала Анна... (Толстой Л. Анна Каренина).

Skeletons (тайны; душевные раны) — зарождающееся в душе Анны чувство к Вронскому, о котором она не может, не позволяет себе говорить. И вот спасительное чужое слово как бы отделило от нее то, что хотелось так отстранить от себя. Функция подобных слов особенно ярка: требуются, даже необходимы, слова чужие, которые приобретают особую стилистическую функцию. Здесь не нужна замена «своим» словом, так как это грозит потерей определенного оттенка в значении чужого слова.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ СЛОВА

Иная роль у обычно непереводаемых — греческих, латинских — изречений или метких выражений из английского, французского, немецкого и других языков. Например: лат. *mutatis mutandis* (с соответствующими поправками); франц. *tête-à-tête* (с глазу на глаз, наедине, буквально: голова к голове); нем. *aus einem Guß* (из одного слитка; единым дыханием); англ. *last but not least* (последнее, но отнюдь не последнее по важности). Изречения такого рода интернациональны и являются средством выразитель-

ности. Эквивалент-синоним в родном языке снимает в данном случае не столько национальную, сколько уже сложившуюся интернациональность непереводаемого выражения. Н. К. Крупская вспоминает, как В. И. Ленин, чтобы подчеркнуть важность спора, прибежал к французскому выражению *du choc des opinions jaillit la verité* (из столкновения мнений вытекает истина). Или восклицание *qui vivra,— verra* (поживем — увидим): «В первую половину ссылки, должно быть, больше смотрелось назад, а теперь — вперед. Ну, *qui vivra,— verra*» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55, с. 108).

Такие интернационализмы обычны и для современной языковой практики. В дискуссионных публикациях «Язык и время» на страницах «Литературной газеты» можно было прочесть: ...не следует путать сознательную, то есть жанровую темноту литературного текста «кок-а-лян», как говорят французы, ибо «есть речи — значение темно пль ничтожно, но им без волнения внимать невозможно», с темнотой невольной, которая не отражает ни в коей мере таинственность жизни, но лишь авторскую неумелость... (Литературная газета, 1976, 20 окт.). В подстрочной сноске дано пояснение: *соq-à-l'âne* — бессвязная речь. Если бы это французское выражение было абсолютно равно русскому «бессвязная речь», то незачем было бы его и употреблять. Однако оно означает не просто бессвязную речь, а речь непоследовательную: внезапно перейти от одной темы к другой, внезапно начать говорить о другом (дословно: перейти с петуха на осла).

Для понимания, правильного осмысления и употребления подобных выражений (чужих, но ставших уже интернациональными) особое значение приобретает «Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода» (в двух книгах) А. М. Бабкина и В. В. Шендецова (М.—Л., 1966). «Чужие выражения» такого рода в нашей речи не инородные, а органические вкрапления, свидетельства культурных и языковых контактов, культурно-исторической осведомленности (см.: Филин Ф. П.— Вопросы языкознания, 1974, № 6. с. 5).

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА

Но есть еще группа заимствований, которую обычно выделяют и объединяют в словарях иностранных слов. Что же это за слова? В предисловии к 6-му изданию «Словаря иностранных слов» (М., 1964) читаем: «В данный словарь включены слова и термины, образованные из элементов древнегреческого и латинского языков или заимствованные из них, а также слова, вошедшие в русский

язык из иностранных языков и языков народов СССР, наиболее часто встречающиеся в печати. Значительная часть их составляет фонд международной лексики, напр. слова: анализ, синтез, класс, революция, коммунизм, конституция, социализм и т. д.».

Группа эта постоянно пополняется специальными словами и терминами «в связи со стремительным подъемом науки и техники, полетами человека в космос», как например: *батискаф* (глубоководная камера, снабженная аппаратурой для наблюдения и механизмами для передвижения под водой), *кибернетика* (искусство управления, наука о системах, формах, методах и средствах управления, т. е. организации и реализации целенаправленных действий в машинах, живых организмах и обществе), *нуклеотиды* (составная часть *нуклеиновых кислот*... имеют большое значение в процессе обмена веществ в животном и растительном организмах) или *космонавт*, *космодром*.

Следующее, 7-е издание «Словаря иностранных слов» придерживается того же направления в отборе и оценке лексики. Следовательно, в словари иностранных слов включаются разные слова: по характеру образования, происхождения, функционирования в русском и других языках. В этом можно легко убедиться, сопоставив такие интернационализмы, как *революция*, *коммунизм*, *социализм*, *кибернетика*, или специальный термин *нуклеотиды*, или возникшие в русском языке из древнегреческих элементов *космонавт*, *космодром*. Последние слова заимствуются другими языками как русизмы-советизмы (ср. американское наименование космонавта — *астронавт*).

Однако такие иностранные слова имеют одну общую черту. Они, как правило, книжные, специальные. Слова, и активно вошедшие в русский язык, и даже родившиеся в русском языке (*космонавт*), и ограниченные узкой специальной областью употребления, требуют правильного осмысления, точного истолкования. Этой цели и служат словари иностранных слов.

Именно о таких словах Я. К. Грот заметил: «Из полного русского словаря нельзя исключать весьма многочисленного у нас отдела заимствованных иностранных слов». И при этом он сослался на «авторитет употребления» чужих наименований, выдвинутый И. И. Срезневским, который писал, что слово, «какое бы оно ни было, коренное ли наше русское, или иноземное..., должно быть в словаре...» (см. об этом: Предисловие к Словарю русского языка. СПб., 1891). Это утверждение справедливо и по отношению к активно заимствуемым словам, и к словам, которые, употребляя, мы все же ощущаем как чужие.

ЖИЗНЬ В ОТЧУЖДЕНИИ? ПОЧЕМУ?

Путь иностранного слова от чужого к своему, то есть к полному усвоению его заимствующим языком, показывает зависимость такого процесса от жизни общества и от языка этого общества. Даже оставаясь иностранным, слово становится элементом языковой системы с определенным значением, функцией, формой.

В 30-е годы в русский язык входит слово *эскимо* из французского языка (от *эскимос* — названия одного из северных народов, по ассоциации с холодом, морозом, льдом; см.: Толковый словарь русского языка. Под редакцией Д. Н. Ушакова). Так назывались «замороженные конфеты» (мороженое, глазированное шоколадом и насаженное на деревянные палочки). Проходит время и новое слово вживается в русский язык. Способствует этому распространение реалии, самого предмета — *мороженого*, и словообразовательные связи слова с уже существовавшими в русском языке однокоренными *эскимос* — *эскимосы* — *эскимосский* (Словарь Толля, 1864). В то время как слово *бриошь* (сдобная булочка особой формы), зарегистрированное русскими словарями еще в XIX веке (Словарь Михельсона, 1869), остается мало известным: не распространена реалия, нет словообразовательных связей.

В лингвосоциальном плане интересно сравнение жизни слов *цейтнот*, *смог*, *буклёт*, *вэстерн*, *комикс*, *бффис*, *коллэж* в русском языке. Все они воспринимаются как нерусские, иностранные слова. Но их осмысление и частотность употребления различны.

Термин *цейтнот* (недостаток времени на обдумывание ходов в шахматной или шашечной партиях) — от немецкого *Zeit* (время) + *Not* (нужда) — получил распространение благодаря популярности шахматной игры. Впервые он был зарегистрирован «Словарем иностранных слов» в 1937 году, а в 1965-м отмечено его переносное значение — «очень сильно ощущаемый недостаток времени» (17-томный Словарь). В этом значении *цейтнот* не знает стилевых ограничений; вот, например, такое употребление: «Цейтнот на картофельном поле» — о недостатке времени для уборки урожая (Комсомольская правда, 1971, 24 окт.).

Во второй половине XX века с развитием промышленности и автомобильного транспорта *смог* (густой туман, смешанный с дымом, копотью) перестал быть «привилегией» Англии: В один из июльских дней смог в японском городе Осака оказался достаточно силен, чтобы убить шестнадцать кроликов... В последние недели сообщения о смоге во многих городах просто устрашающи (Неделя, 1970, № 34); Смог висит над крышами., ползет по западно-

германским улицам (Неделя, 1971, № 14); Атака на смог.. На территории Советского Союза не было ни одного случая смога и тем не менее ведутся большие работы, связанные с этим настоящим бедствием нашей планеты (Известия, 1975, 26 февр.). Для русского языка термин *смог* — неологизм (см.: Новые слова и значения. М., 1971), кроме того, интернационализм. Распространение и такое восприятие слова обусловлено самой жизнью.

Буклет, вестерн, комикс, оффис (офис) — тоже неологизмы, они отмечены на страницах словаря «Новые слова и значения», а *коллаж* еще не попало в словарь. А вот какова их роль в русском языке. *Буклет* (от франц. *bouclette* — колечко, пряжечка) — издание, отпечатанное на одном листе, который складывается параллельными сгибами и раскрывается в виде ширмы; в «Словаре иностранных слов» отмечено в 60-е годы, свое распространение это слово получает с развитием туризма, организацией выставок, то есть с различными практическими потребностями (путеводители, рекламные и информационные листки).

Вестерн — приключенческий ковбойский кинофильм, обычно на материале жизни западных штатов США в прошлом веке; *комикс* — повествование в картинках с сопроводительным текстом, главным образом, приключенческого содержания; *оффис* и *офис* — контора, канцелярия, служба (в некоторых капиталистических странах). Эти слова имеют в русском языке чужую локальную окраску (подобно *фривей* или *супермаркет*). Попытка объяснить *оффис* словосочетанием *деловые здания* ограничена немногими контекстами: Не пора ли подумать о создании проектов «оффи-сов»?.. об облике «деловых зданий»... (Литературная газета, 1974, 24 июля).

С распространением и популяризацией искусства коллажа (создание картин-композиций методом аппликации) распространяется слово *коллаж* и производное *коллажист*: коллажи — то есть иллюстрации, созданные самим Превером с помощью фотомонтажа (Литературная газета, 1966, 10 марта). Здесь уже в самом термине *коллаж* присутствует чужая локальная окраска. Но вот сообщение — «Рассказ о клубе коллажистов» (Правда, 1971, 22 окт.) — переносит слово *коллаж* в русский язык; можно сказать, что оно приходит в наш язык как интернационализм. История распространения того или иного слова связана с историей явления, «вещи», историей общества и его жизнью (см. также о словах *битлз*, *битник*, *фолькник*. — Русская речь, 1967, № 3, 5).

Специальное значение большинства иностранных слов держит их в определенных стилевых, контекстно обусловленных границах, сохраняет их изолированность от бытовой речи и авторитет «ученого», «книжного», «специального» слова.

МОДА? ПРЕСТИЖ? ПОТРЕБНОСТЬ?

Издавна создавалась особая престижность иноязычного слова, авторитетность его скрытой информации. Вместе с тем вырабатывалась оценка чужих слов и, главное, чрезмерного, неоправданного употребления их ради моды, ради ложного престижа. Увлечение чужим словом создавало особый язык — «смесь французского с нижегородским», как назвал его А. С. Грибоедов. Еще ранее такой язык был прозван «щегольским наречием». Это был язык щеголей и петиметров, рабски подражавших французской моде. Их жестоко осмеивали сатирические журналы XVIII века — «Трутень», «Пустомеля», «Живописец», «Кошелек» (см. об этом: Горшков А. И. Язык «действительной живописи». — Русская речь, 1979, № 3, с. 54).

Для иноязычных слов, употребляемых без нужды, существует специальный термин — макаронизм — от собственного имени, названия комической поэмы Т. Фоленго «Baldus o Macaronia» (1517). В этой поэме латынь соединялась с живой итальянской речью. «Но так шутили в афинском, народном по происхождению, театре, смешивая языки „скифский“, „персидский“ и даже птичий. Так смешивал наречия Мольер в комедиях» (Шкловский В. Тетива. М., 1970, с. 285). Так шутил и наш поэт И. П. Мятлев (1796—1844) в своей знаменитой юмористической поэме «Сенсация и замечания госпожи Курдюковой за границей, дан л'этранже», написанной в макароническом стиле:

Чтобы видеть *сон эфе*, [его впечатление]
Когда солнце *тут а фе* [совсем]
Ляжет...

Как пришли мы — на столе
Суп стоял. *Ком ву вуле*, [как вам угодно]
Есть минуты, есть и *журы...* [дни]

В русском языке «избыточность» чужого слова тонко обыгрывали И. Ильф и Е. Петров. Вот только один пример: ...из мусорного ящика несло запахом фиалки и супа пейзаж (Двенадцать стульев). Словосочетание *суп пейзаж* претендует на высокий стиль и вступает в противоречие с контекстом *мусорный ящик, несло* (дурно, отвратительно пахло). Тем самым и создается эффект комического.

Разного рода макаронизмы проникают, к сожалению, и в нашу речь, виною тому или чувство «культурного престижа», или жела-

ние создать локальный колорит: ...чистый негородской воздух сабурбии (американского пригорода) в Уилтоне... (Комсомольская правда, 1971, 11 дек.). Suburbia — сабурбия (не совсем в точной буквенно-звуковой передаче) — это уничижительное название лондонского пригорода. В газетной статье так назван американский пригород (в Уилтоне) — уничижительно или нет? Локальные оттенки не раскрыты, тем самым чужое слово излишне, неоправданно, не нужно.

Воспитание культуры речи в каждой языковой ситуации имеет свои особенности. «Если недавно научившемуся читать простительно употреблять, как новинку, иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40, с. 49).

АВТОРИТЕТ УПОТРЕБЛЕНИЯ: «НАДОБНОСТЬ» ПРОТИВ «НЕБРЕЖЕНИЯ»

Во всех случаях столкновений или добрых встреч с чужим словом об обогащении языка возможно говорить, разумеется, лишь тогда, когда заимствование не противоречит норме, а выполняет определенную смысловую и стилистическую роль. И хотя чужое слово остается все-таки чужим, оно незаменимо в данной речевой ситуации. Именно поэтому такое слово оправданно, в нем есть «надобность». Подобные слова можно рассматривать как элементы интернационализации, как особые межъязыковые стилистические приемы выразительности, как органические вкрапления.

«Авторитет употребления», необходимость могут определить отношение к чужому слову и защитить родной язык от «небрежения», от «неприличностей», как называл М. В. Ломоносов ненужные, необдуманные заимствования. Употребление заимствованных — чужих, иностранных — слов должны определять социально-языковая потребность и целесообразность.

А. А. БРАГИНА

*К 75-летию
со дня рождения*

**Тимофей
Петрович
ЛОМТЕВ**

1906—1972

ОДИН из видных представителей советского языкознания, лингвист-теоретик, доктор филологических наук, профессор Тимофей Петрович Ломтев родился 2 октября 1906 года в селе Кочерга Новохоперского района Воронежской области. Окончив педагогический техникум в Новохоперске, затем Воронежский университет и аспирантуру при Институте красной профессуры, Тимофей Петрович с 1931 года был доцентом Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина.

В августе 1933 года ученый переезжает в Минск. Здесь Т. П. Ломтев в разное время работал в Институте языкознания и Институте языка и литературы АН БССР, в Белорусском госуниверситете, был заведующим отделом школ ЦК компартии Белоруссии. В эти годы формируются основные научные интересы Т. П. Ломтева, особенно в области синтаксиса. В 1944 году Т. П. Ломтев защитил докторскую диссертацию «Исследования в области истории белорусского синтаксиса», которая явилась значительным вкладом в разработку исторического синтаксиса белорусского языка, а также и других славянских языков. Ученый с широким диапазоном лингвистических интересов, в 1946 году он был избран профессором Московского университета и переехал в Москву.

Т. П. Ломтев опубликовал более 140 научных работ, в том числе 16 монографий. В «Очерках по историческому синтаксису русского языка» (М., 1956) им впервые представлена система русского синтаксиса XI—XVII веков. В монографии «Основы синтаксиса современного русского языка» (М., 1958) был выдвинут метод системного анализа, который требует изучения всех возможных связей и отношений отдельных элементов синтаксиса. Развивая и совершенствуя этот метод, ученый создал оригинальные синтаксические построения, по-новому трактуя спорные вопросы синтаксиса.

В последние годы жизни Т. П. Ломтев много внимания уделял разработке новой теории, которую он назвал комбинаторной методикой. Он отмечал, что содержание имени имеет два компонента: предмет и смысл. Смысл имени есть способ понимания предмета и может быть построен из отдельных дифференциальных элементов, семантических множителей. Например, словом *отец* называют определенное лицо, выделяемое с помощью следующих элементов: 1) лицо мужского пола, 2) родитель, 3) кровный родитель, 4) родитель в первом поколении. Этот набор дифференциальных элементов образует смысл слова *отец*.

Материалы, описанные по комбинаторной методике и подготовленные программистами, могут быть использованы при машинной обработке информации. Тимофей Петрович считал эту теорию очень перспективной. В личных беседах со своими учениками он неоднократно подчеркивал, что с помощью комбинаторной методики возможно описание языка на всех уровнях. К великому сожалению, неожиданная смерть помешала ученому завершить намеченные планы. В последние дни своей жизни Тимофей Петрович со всей присущей ему энергией и умением руководил работой по составлению Словаря языка В. И. Ленина в Институте русского языка АН СССР.

Посмертно опубликованы три монографии ученого: Предложение и его грамматические категории (1972), Фонология современного русского языка (1972), Структура предложения в современном русском языке (1979). Т. П. Ломтев предполагал также написать работы о словообразовании и лексической семантике.

Т. П. Ломтев пользовался большим авторитетом среди ученых других стран. Он был участником многих лингвистических конгрессов, на которых не только выступал с докладами, но и руководил секциями. С особым энтузиазмом он занимался с молодыми специалистами и студентами. Т. П. Ломтев был наставником по природе, добрым, уважительным и чутким, умел анализировать

результаты научной работы в их единстве с жизнью, мыслями и поступками человека. Он пользовался популярностью как лектор в студенческой аудитории и как научный руководитель аспирантов. Многие ученые в ряде национальных республик творчески выросли под его руководством. Он поддерживал постоянную связь с учеными Тбилисского, Воронежского, Днепронетровского, Тартуского, Алма-Атинского, Одесского, Самаркандского и других университетов. Воспитанные Т. П. Ломтевым более 30 кандидатов и докторов филологических наук работают во многих вузах и научно-исследовательских институтах нашей страны.

Научную и педагогическую деятельность Т. П. Ломтев всегда умело сочетал с общественной. В 30-е годы, работая в Москве, он выполнял ряд научно-организационных обязанностей, являлся редактором языковедческого отдела журнала «Язык и литература в политехнической школе», затем, будучи профессором Московского университета, участвовал в работе экспертной комиссии и секции языкознания научно-технического совета Министерства высшего и среднего специального образования СССР, Советского комитета славистов, много лет был ответственным редактором журнала «Филологические науки».

*

Чем дальше мы отходим от живого Тимофея Петровича, тем глубже начинаем постигать мудрость этого человека и ученого. Тимофей Петрович Ломтев — наш современник, он по-прежнему участвует в развитии советской науки.

В. Н. ТУРКИН, А. Н. ШИЛОВСКИЙ
Днепронетровск

СРЕДИ КНИГ

РУССКАЯ ГРАММАТИКА

Вышла в свет академическая «Русская грамматика» (М.: Наука, 1980). Она состоит из двух томов: т. I — Фонетика, Фонология, Ударение, Интона-

ция, Словообразование, Морфология; т. II — Синтаксис. В «Русской грамматике» дано всестороннее и полное описание грамматического строя современного русского литературного языка. Последняя по времени академическая «Грамматика русского языка», опубликованная в 1952—1954 годах, «подводила итоги тому, что было сделано в русской грамматической науке в предшествующие десятилетия» (см. Пре-

дисловие к «Русской грамматике»). «Грамматика современного русского литературного языка» (М., 1970) носила экспериментальный характер и явилась необходимым этапом подготовки новой грамматики.

Хронологические рамки современного языка в «Русской грамматике» понимаются широко — от Пушкина до наших дней. Следовательно, эта книга отражает не только язык наших дней, тот русский язык, на котором мы сегодня говорим и пишем, но и язык русской классической литературы XIX века. Разумеется, литературная норма всегда подвижна и динамична. То, что еще недавно было ненормативно, сегодня может стать нормой, а то, что было нормой, сегодня может перестать быть нормативным.

«Русская грамматика» не только описывает современный русский литературный язык, но и отражает соответствующие его изменения, учитывает их в своих рекомендациях. Она представляет явления, живые для нашей эпохи, а также устаревшие, но требующие объяснения (они даны в специальных примечаниях). В частности, много таких разъяснений читатель найдет в главах об ударении. Так, например, среди односложных существительных мужского рода с неподвижным ударением на окончании во всех падежных формах приведено слово *холм* (с. 513): *холма́, холму́, холм, холмо́м, о холме́, холмы́, холмо́в, холма́м, холмы́, холма́ми, о холма́х*. В примечании, которое дано за списком слов, говорится, что в XIX веке слово *холм* могло иметь ударение и на корне; ср. у Пушкина: И видят: на холме, у берега

Днепра, Лежат благородные кости (Песнь о вешем Олеге). В то же время правила, стилистические квалификации и запретительные пометы в «Русской грамматике» отражают языковое состояние 70-х годов XX века: какие возможности словообразования, формы слов и их акцентные характеристики, синтаксические конструкции являются единственно правильными, а какие — допустимыми.

Нормативность «Русской грамматики» проявляется в последовательном применении помет, указывающих на сферу употребления тех или иных слов и форм. В некоторых случаях вводится помета «просторечное»; ее цель — предупредить возможную ошибку в образовании формы слова, в употреблении той или иной конструкции. Например, в страдательных причастиях прошедшего времени глаголов *на-лить* следует избегать ударения на корне: *нали́та, долли́та, сли́та*, поскольку литературная норма — *налита́, долита́, слита́*. Варианты форм или ударения, широко распространенные в профессиональной речи, приводятся с пометой «специальное»: *шпри́цы* и (спец.) *шприцы́*.

«Русская грамматика» служит также серьезным справочным пособием, дающим ответы на самые разнообразные вопросы по русскому языку. Каждый раздел ее имеет специальное введение, в котором определяются основные понятия, категории и принципы описания. Все разделы «Русской грамматики» органически взаимосвязаны. Фонетика и фонология (звуковая организация языка) обращены ко всем вопросам грамматики: образо-

вание слов подчиняется звуковым законам; звуковое строение и сочетаемость морфем (область морфологии), правила ударения связаны со словообразованием и формообразованием (морфологией). Предложение как отдельная единица не существует без особой, присущей ему интонации (интонационной конструкции). При помощи интонации выделяется та часть предложения, которая наиболее важна для говорящего. Вот почему первый том «Русской грамматики» открывается главами о звуках и звуковых единицах языка, об ударении и интонации.

Новой, по сравнению с предыдущими грамматиками, является глава об отрицании в структуре предложения: место отрицания в разных формах предложения, его роль в выражении различных субъективно-модальных значений и т. д.

*

Изложение в «Русской грамматике» сопровождается общающимися таблицами, схемами, графиками. Так, в таблицах содержатся сведения по фонологии, типы ударения, распределение слов по частям речи, типы склонения и спряжения, структурные образцы предложения; специальные схемы показывают разные типы русской интонации.

В грамматике имеется тщательно составленный предметный указатель, который является ключом к содержанию книги. Благодаря ему читатель будет иметь возможность возвращаться к прочитанному, сопоставляя трактовку того или иного вопроса в разных разделах, в различных контек-

стах и в применении к разному материалу. Грамматика снабжена также достаточно полной книжной библиографией.

*

«Русская грамматика» — важное пособие не только для специалистов: она сыграет большую роль в пропаганде культуры русского языка среди широких кругов нашего общества.

М. С. СУХАНОВА

В. П. Жуков

ШКОЛЬНЫЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

Фразеология, сложившаяся как лингвистическая дисциплина только в последние десятилетия, теперь изучается в курсе русского языка как в вузе, так и в средней школе. Первое знакомство с фразеологизмами начинается в V классе. Дальнейшая работа по обогащению словарного запаса школьников образными выражениями продолжается во всех остальных классах на уроках и языка, и литературы.

Существенным помощником учащихся в овладении этими языковыми самоцветами ста-

нет «Школьный фразеологический словарь русского языка» В. П. Жукова (М., Просвещение, 1980). В словарь включены наиболее употребительные фразеологизмы (около 1800), используемые в устной литературной речи, в художественной, публицистической и научно-популярной литературе. Эти обороты должны составить активный словарь учащегося.

Рассматриваются также и некоторые устаревающие или устаревшие фразеологизмы, встречающиеся в различных литературных текстах, с которыми школьники так или иначе знакомятся в ходе учебного процесса. Такие выражения: *барашек в бумажке, почить в бозе* и др. имеют помету «устарелое». В словарь вошло и несколько новых, недавно появившихся выражений: *на всю (полную) катушку; стоп машина; тянуть резину* и др.

При описании фразеологизмов даны необходимые сведения об их форме и содержании, например, грамматическая и стилистическая характеристика, орфография, ударение, закрепленная за фразеологизмом синтаксическая функция: *при царé Горбхе*. Обст. Разг. Шутл.-ирон. Очень давно; неизвестно когда; *как пить дать*. Обст. Разг. Употр. при глаголе-сказ. сов. вида. Обязательно, наверняка.

Пристальное внимание уделяется употреблению фразеологизмов в речи с точки зрения языковой нормы. Показаны их грамматические и лексические особенности: *быльём поросло* (наст. вр. не употр.); *взятки гладки с кого, с чего; ни жив (-á, -ы) ни мёртв (-á, -ы); ни живóй (-áя, -ыё) ни мёртвóй (-áя, -ыё)* — (в соче-

тении с глаголами *быть, сидеть, ходить, стоять* и т. п). Сказ. Разг. Употр. при подлежащем со значением лица.

Такая всесторонняя характеристика фразеологизмов, несомненно, будет содействовать предупреждению ошибок при их употреблении оборотов в речи.

Большинство фразеологизмов наделено яркой эмоционально-экспрессивной окраской, в словаре при таких выражениях дается стилистическая помета: шутливое, ироническое, одобрителное, пренебрежительное, уничижительное, презрительное, ласкателное, фамильярное и т. д. Фразеологизмы получают оценку и с точки зрения их стилистической «высоты» или сниженности: книжное, высокое, разговорное, просторечное. При многих сниженных оборотах приводится несколько помет: *после дождичка в четверг* (разговорное, шутливо-ироническое); *тянуть резину* (новое, разговорное, неодобрительное); *наломать дров* (просторечное, неодобрительное). Многие фразеологизмы, утратившие экспрессивную выразительность, стали стилистически нейтральными; они в словаре не имеют помет.

Значение и употребление фразеологизмов в словаре иллюстрируется примерами из классической и современной русской литературы, а иногда, для сравнения, и из текстов XVIII века. Во многих случаях словарная статья завершается историко-этимологической справкой или указанием на источник происхождения заимствованных фразеологизмов.

И. Я. ЛЕПЕШЕВ
Гродно

Словопроизводные словари Российской Академии 30—40-е годы XIX века

Российская Академия (1783—1841) сыграла выдающуюся роль в истории отечественной культуры и просвещения. За время ее существования изданы словари, «Российская грамматика» П. И. и Д. М. Соколовых, сотни книг отечественных и зарубежных авторов. Ведущее место среди этих работ занимают словари. Известно, что особое значение в истории русской лексикографии имеют «Словарь Академии Российской», его переработанный вариант, «по азбучному порядку расположенный», Словарь П. И. Соколова. Но одновременно с их изданием Российская Академия разрабатывала и другие направления в изучении и описании русского языка. В частности, большое внимание привлекали вопросы общности славянских языков, место и роль каждого из них в родственной семье, их связь со старославянским и церковнославянским языками.

Уже при создании «Словаря Академии Российской» (1789—1794), слова которого расположены по гнездовому, словопроизводному принципу, встали серьезные и сложные проблемы историко-этимологического характера. Это потребовало глубоких исследований по истории русского и церковнославянского языков.

Издание Словаря было выдающимся событием не только для отечественной лексикографии. В первом отклике на этот труд —

в статье, опубликованной в «Геттингенском указателе», — выражалась надежда, что «Словарь Академии Российской» станет базой для всего славянского языкознания. Рассматривая русский язык как одно из наречий общеславянского языка, автор рецензии призывал к проведению работ по созданию общего лексического славянского фонда. Это мнение нашло отражение и в дальнейших работах лексикографов, которые считали, что одна из основных задач, стоящих перед филологами, — составление общего словопроизводного словаря славянских наречий.

Такая необходимость диктовалась научными задачами, а также стремлением зарубежных ученых к тесному культурному сотрудничеству с Россией. Именно поэтому работы над общеславянским словарем велись не только в России, но и в других странах. Чешские и словацкие ученые Й. Добровский, В. Ганка, П. Шафарик, Ф. Челаковский, польский лексикограф С. Линде, сербский просветитель В. Караджич, русские филологи А. Х. Востоков, П. И. Соколов, А. С. Шишков, Д. И. Языков — вот неполный перечень имен энтузиастов этого дела.

В России работу над словарем возглавила Российская Академия. В 1813 году президентом Академии был избран А. С. Шишков (1754—1841). Еще раньше он занимался вопросами происхождения русских слов, а теперь все свои усилия сосредоточил на проблемах этимологии. На работы Шихкова оказали влияние западноевропейские грамматисты XVIII века, которые рассматривали язык как живой организм — особое «царство природы».

С 1815 года стали издаваться «Записки Российской Академии» (в них печатались в основном работы А. С. Шихкова). Уже первые его статьи — «Некоторые замечания на предполагаемое вновь сочинение Российского словаря», «Опыт славянского словаря», «Опыт славянского языка или объяснение силы и знаменования коренных и производных русских слов» — явились своеобразной программой деятельности Академии. Основная идея этих статей — составление словопроизводного словаря с широким привлечением материала из славянских языков.

Шишков прекрасно понимал, что нельзя заниматься историей слов только на материале русского языка. Использование же общеславянского материала позволит раскрыть смысловые связи слов, дать их семантическую и словообразовательную характеристику в историческом аспекте. Задачам словопроизводства служили и его многочисленные статьи о «корнесловии». Однако в своих исследованиях А. С. Шишков часто приходил к ошибочным выводам. Так, в одной из своих работ он отождествлял русский язык с хорватским и пытался доказать, что «всякое крайнее [хорватское] слово есть чисто русское».

Новый устав Российской Академии, принятый в 1818 году, предусматривал составление нового словопроизводного словаря и словаря всех славянских наречий. Понимая, что своими силами вести такую большую работу трудно, А. С. Шишков решил привлечь к составлению словаря В. Ганку, П. Шафарика, Ф. Челаковского. Но приглашенные ученые не смогли приехать в Россию, и им было предложено работать в Чехии. В 1833 году они составили план общеславянского этимологического словаря. В нем подчеркивалось, что это мероприятие задумано для успешного развития славянских языков и литератур, а также «для облегчения литературных сношений между разъединенными ветвями славян».

Будущий словарь должен был состоять из двух частей: сравнительно-исторической (в 6-ти томах) и алфавитного перечня слов каждого языка (в 4-х томах). Предполагалось, что описательным языком будет русский. Составители плана считали удобным издать словарь в Праге. Они просили прислать одного или двух помощников из России; вся работа была рассчитана на 5—8 лет. Но начинание так и осталось только проектом. Попытками реализации общего плана применительно к отдельным языкам можно считать, по всей вероятности, Словарь польского языка С. Линде и словарь Ф. Шимкевича «Корнеслов русского языка...».

В эти же годы составлением словопроизводного словаря занимался и А. С. Шишков. В Ленинградском отделении Архива АН СССР хранится экземпляр его последнего лексикографического труда. Основой для нового словаря послужило первое издание «Словаря Академии Российской». Кроме изменений и исправлений в словарных статьях, связанных с обычным улучшением издания, Шишков привлекает материалы многих славянских языков. Обращается он к этим языкам и в своих этимологических изысканиях, а также для подтверждения общеславянского происхождения некоторых слов, представленных в «Словаре Академии Российской» как иноязычных. Так, учитывая данные польского языка, Шишков утверждает, что слово *брак* (порча) не заимствовано, а исконно славянского происхождения. Слово *колонна* представлено в Словаре как заимствование из французского, а Шишков возводит корень этого слова к польскому *koło* (круг). О слове *колика* он пишет: «Почему латинское слово? Ведь то же, что и *колотье*, то и другое с чувством укола».

Изучение словаря А. С. Шихова показало, что ученый привлекал довольно широко материал славянских языков для этимологических разысканий и определения корней. Однако он предполагал составить словарь, полностью построенный на своей системе «корнесловия», которая научно была несостоятельна. Это ему и не позволило довести работу до конца.

Нельзя не упомянуть и два других лексикографических труда, которые неоднократно обсуждались на академических заседаниях: «Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или этимологический лексикон русского языка» в двух томах (СПб., 1835) Ф. Рейфа и «Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками» в двух частях (СПб., 1842) Ф. Шимкевича. В их основе также лежит принцип гнездового расположения слов. Хотя в этих словарях обнаруживается много ошибочных толкований, в научном отношении они стоят значительно выше словаря Шишкова.

Наиболее удачным из двух работ является «Корнеслов русского языка...» Ф. Шимкевича. Небольшой по объему, он включает в себя лексику, сохранившуюся в употреблении к середине XIX века, но в нем полностью отсутствуют заимствования. Достоинством словаря является широкое привлечение материалов из многочисленных славянских источников. По своей структуре «Корнеслов русского языка...» приближается к определенному типу общеславянского сравнительного словаря. Например, поясняя значение слова *баран*, Шимкевич подчеркивает его славянское происхождение, а в качестве примера приводит данные из русских летописей XIV века и чешских литературных памятников XV века. Действительно, современные этимологические словари подтверждают общеславянское происхождение этого слова.

Таким образом, интерес к истории русского языка, к изучению связей слов, к различным этимологическим изысканиям привели к созданию словарей, в которых слова располагались по гнездовому принципу. Это словари Ф. Рейфа, Ф. Шимкевича, а также неизданный словарь А. С. Шишкова. Составление же общего этимологического словаря славянских языков не было осуществлено. Причины неудачи, вероятно, можно объяснить трудностью самого предприятия, отсутствием достаточно подготовленных сотрудников в самой Российской Академии, а также недостатком денежных средств для организации такой большой работы. Тем не менее, сама идея создания общеславянского словаря была в высшей степени актуальной и плодотворной, а в дальнейшем этот опыт был использован В. И. Далем и И. В. Ягичем.

М. Ш. ФАЙНШТЕЙН
Ленинград

РУССКИЙ ЯЗЫК
КАК СРЕДСТВО
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО
ОБЩЕНИЯ

СЛОВО
ИМРАНА
КАСУМОВА

СРЕДИ сфер использования русского языка как средства межнационального общения важное место занимает публицистика с ее разнообразием жанров, с ее удивительными сочетаниями особенностей разговорной речи, литературного изложения и художественной выразительности.

Наглядным и убедительным примером являются выступления писателей республик Советского Союза, адресованные многоязычной аудитории. Эти выступления часто связаны с событиями культурной жизни, со знаменательными литературными датами, которые по своему значению выходят далеко за пределы отдельной республики и отмечаются во всесоюзном масштабе.

Опыт такой ораторско-публицистической практики мы рассмотрим на примере выступлений Имрана Касумова — народного писателя Азербайджана, известного драматурга. Актуальность речей Касумова определяется не их хронологической приуроченностью к определенной дате, но постоянным и обостренным чувством современности. В азербайджанской литературе далекого прошлого, в творчестве национальных авторов средневековья, о которых говорит Касумов, обнаруживаются явления, делающие этих писателей подлинно современными, Великие поэты Восто-

ка предстают не только как талантливые стихотворцы, но и как борцы за идеи, роднящие все передовое человечество — идеи гуманизма, духовной свободы, высокого нравственного долга.

Таковы выступления Касумова, посвященные 250-летию Вагифа, творчество которого питали корни классической традиции и фольклора, и 600-летию Насими, чья философская лирика была утверждением прав человека на земле. Эти два выступления имеют единообразную композицию.

Вначале оратор указывает на значение их творчества в современной общественной жизни, подчеркивая неразрывность связи этого наследия с землей, породившей поэтов, с Азербайджаном наших дней. Когда Касумов говорит о Вагифе, данный тезис излагается следующим образом: «Вагиф художественным и гражданским подвигом своим вошел в сокровищницу главных духовных ценностей азербайджанского народа.

Эта сокровищница была бережно пронесена народом через исторические бури и потрясения, и если сегодня мысленно окинуть взглядом азербайджанскую землю, так изумительно, так чудесно преображенную за советские десятилетия, если пройти по нефтяным эстакадам, возведенным над вечно беспокойными водами Каспия, побывать в обретших вторую молодость древних городах и великолепных городах новых, выросших на глазах одного поколения, заехать в любое из живописных сел, поднявшихся к неведомым доселе высотам, быть на стройках и на курортах, в научных центрах и на заводах, — можно всюду обнаружить незримого, но властно присутствующего во всей этой кипучей современности страстного, изящного и нежного Вагифа».

На первый взгляд контекст представляется излишне усложненным для устного выступления: «нанизывание» следующих одно за другим условных предложений, включающих причастные обороты. Но именно эта «сложность» позволяет передать нарастающую эмоциональную напряженность, охватить разные стороны общественной жизни современного Азербайджана, подвести к заключительной фразе, смысл которой обусловлен всем предыдущим содержанием отрывка. Обилие определений [*чудесно преображенная (земля), беспокойные (воды), великолепные (города)*], их частичная инверсия [*в ...древних городах... и городах новых*], перечисление фактов и явлений, характеризующих Азербайджан наших дней, — все эти приемы позволяют сделать заключение, выраженное сочетанием *кипучая современность*. И на фоне этой целенаправленной экспрессии, в унисон ей выступают те эпитеты, которые определяют индивидуальность поэзии Вагифа, — *страстный, изящный и нежный*.

По содержанию и построению с приведенным отрывком сближается начало речи, посвященное Насими: «Эти большие литературные торжества, начавшись на моей удивительно живописной азербайджанской земле, красиво вписавшиеся в современную панораму ее стальных эстакад, перерезавших синюю гладь Каспия, и в очертания гигантских заводских корпусов, в белые массивы хлопковых полей, в гущу плодоносных садов, в облик больших городов и самых маленьких сел, вышли на бесконечные просторы всей нашей Советской Отчизны». Касумов и здесь в описании Азербайджана использует главным образом прием перечисления, мобилизуя средства языка, передающие зрительные ощущения. Подбор лексики осуществляется с целью передать два признака — масштабность и цвет. Первый признак в основном находит выражение в разнообразии самих понятий (словах, словосочетаниях), соотносимых с областями производственной и культурной жизни республики (эстакады, гигантские заводские корпуса и т. д.). Вторым признаком передается прилагательными, характеризующимися «постоянством» при том или ином понятии в литературном языке (*синяя* гладь Каспия, *белые* массивы хлопковых полей).

Общая эмоциональная приподнятость вступления подготавливает рассказ о судьбе поэта, которому посвящена речь. Начиная повествование о Вагифе, Касумов использует то имя, которое вошло в состав пословицы («Грамотеем может стать каждый, но не каждый — *Молла Панах*»): «Судьба *Молла Панаха* — уроженца маленького селения в северо-западной части Азербайджана (в нынешнем Казахском районе республики), избравшего псевдонимом для себя слово «Вагиф», что значит «сведущий», — была драматичной, полной конфликтов и тяжелых испытаний.»

Последующее изложение биографии Вагифа — поэта, государственного деятеля, ратовавшего за союз с Россией, — дается на фоне грозных исторических событий, потрясавших Азербайджан. Здесь выступление Касумова приобретает черты историко-публицистического стиля, сочетающего констатацию фактов с некоторыми традиционными образными элементами языка: «(...) не только своим поэтическим творчеством, но и государственной деятельностью Вагиф оказался провозвестником лучших дум и чувств родного народа.

Тем не менее над этим народом продолжали сгущаться *мрачные грозные тучи*, и в 1795 году *эти тучи* разверзлись в опустошительное нашествие полчищ Ага Магомеда Каджара».

Особую эмоциональную силу приобретает речь Касумова тогда, когда он, рассказывая о пленении Вагифа, о грозящей ему жестокой казни, делает своего рода отступление, сближающееся с внутренним монологом: «Мы не знаем, о чем думал Вагиф в ту

давнюю летнюю ночь, заточенный в темницу, в ожидании исполнения приговора.

Вспоминал ли он счастливые часы вдохновения, рождающие на свет жемчужные строки его стихов, или глаза людей — своих слушателей и поклонников, влюбленно вбирающих в себя мелодии его газелей, прекрасное ли лицо любимой, орошенное слезами предстоящей разлуки... Вспоминал ли он страницы книги многострадальной истории своей трудолюбивой, гостеприимной страны? А возможно, он, зная, какого рода пытка предстоит ему с первыми лучами встающего солнца, вспомнил и древнюю легенду о властелине и кузнеце».

Монолог строится в том лирическом ключе, который определяется интонацией риторического вопроса и семантикой сочетаний, типичных для несколько архаизированного литературно-книжного языка: счастливые часы вдохновения, жемчужные строки его стихов, лицо любимой, орошенное слезами. К особенностям книжного языка может быть отнесен и метафорический оборот, состоящий из последовательно взаимосвязанных форм родительного падежа: страницы книги многострадальной истории своей гостеприимной страны. Заключительная фраза этого контекста служит переходом к легенде, так чудесно совпавшей с судьбой Вагифа. Касумов меняет стиль повествования: содержание легенды укладывается в два предложения — только факты: «Легенда эта очень коротка: владыка под страхом смертной казни велел кузнецу приготовить за одну ночь сорок тысяч гвоздей для подков коней своего войска. Кузнец, понимая несоразмерность задачи с его возможностями, приготовился принять смерть, однако утром разнеслась весть о кончине владыки, и от кузнеца потребовали всего четыре гвоздя, чтобы заколотить гроб господина.

*

Почему именно эту легенду? Да потому, что именно так и случилось с Вагифом. С зарей в темницу вошли стражники и сообщили, что Каджар убит в своей опочивальне, а Вагиф свободен».

Приведенный контекст стилистически нейтрален: здесь нет ни той приподнятости и лиричности, которыми отмечен предыдущий отрывок, ни сочетаний, отражающих общий эмоциональный тон, да и сама эмоциональность в ее лексическом выражении отсутствует. И все же экспрессия сохранена и в данном случае. Но она переносится в иной план — в план содержательный, в план сопоставления подлинных фактов жизни поэта с фактами легенды. Эта же кажущаяся нейтральность стиля сопутствует заключительному тезису в рассказе о жизни Вагифа, — и подчеркнуто конг-

растно, высоко торжественно звучат слова оратора о судьбе художественного наследия Молла Панаха: «В том же 1797 году, в год своего фатального спасения, Вагиф был казнен по приказу военачальника ханского двора: вместе с сыном сброшен со скалы в пропасть, а произведения его были преданы огню. Так умер главный визирь азербайджанского ханства Карабах — Молла Панах Вагиф, но всепожирающий огонь, превративший в пепел его рукописи, оказался бессильным — есть истины, которые не тускнеют от повторения: поэт, тем более большой, тем более великий, — умереть не может».

*

Талант петленен! Эта мысль страстно и убежденно развивается Касумовым в речах о творчестве великих азербайджанских поэтов. Она красной нитью проходит в его выступлении на празднике, посвященном Насими — «одного из выдающихся рыцарей мировой поэзии», как называет Имадеддина Насими оратор. Понятие «рыцарства» выступает как постоянный признак, сопутствующий образу поэта — бескорыстного, отважного, отвергающего компромиссы: «Нравственный и духовный подвиг Насими — это *рыцарственная, дерзновенная* попытка вырваться из мертвящих пут ортодоксальной религии, из оков господствующей в ту эпоху идеологии», — подчеркивает Касумов.

Рассказывая о Насими, писатель иногда прибегает к словам, которые в современном русском языке имеют стилистически «высокий» оттенок. Например: «(...) там, далеко, в XIV столетии, начинается тернистая, полная мук, лишений, страданий *стега* выдающейся человеческой судьбы, *стега* упорного поиска идеала, пронизанная верой в победу разума и неустанной борьбой за справедливость, за достоинство, за духовное раскрепощение личности». Значение слова *стега* толкуется как *дорога, путь*. В контексте это существительное приобретает подчеркнутую торжественность, создаваемую его переносным употреблением (*стега* выдающейся человеческой судьбы), его сочетанием с рядом распространенных определений, которые в своей совокупности конструируют содержание контекста. Сравним употребление данного слова с существительным *дорога*, имеющим метафорический перенос в речи о Вагифе: «Он шел по своей поэтической *дороге* с высоко поднятой головой, прославляя чудо природы — женщину, пел любовь, мужество, верность, дружбу, красоту».

Вместе с тем само понятие «дороги» постоянно сопровождает повествование о Насими. Оно находит выражение в использовании писателем семантически близких существительных и глаго-

лов, передающих движение. Вехи жизни Насими в речи Касумова переплетаются с высоко экспрессивной оценкой творчества поэта как деятельности прежде всего общественной: «Начинается его долгая и трудная *одиссея — странствия* на юг, где его ждут азиатские степи, аравийские пески, в далекий сирийский город Алеппо, где его поджидает невероятно жестокая гибель. Он *идет* по Турции, Ирану, Сирии не как гонимый судьбой скиталец, а как глашатай и провозвестник высоких гуманистических идеалов. (...) и его *путешествие* было *дорогой* пророка, *дорогой*, чреватой лишениями и бедами, требующей истинного мужества, стойкости, самоотверженности».

Завершая рассказ о жизни Насими, Касумов, как и в речи о Вагифе, обращается к легенде, согласно которой поэта по приказу мамлюкского султана предали мученической казни, заживо сдирая кожу с его тела. Но если в речи о Вагифе оратор использовал прием имитации внутреннего монолога, то здесь он непосредственно включает прямую речь поэта так, как она сохранена в легенде: «То же предание гласит, что один из палачей глумливо спросил у истекавшего кровью поэта: „Ты сравнивал себя с богом, почему же бледнеет твое лицо?“ Поэт гордо ответил: „Я солнце, взошедшее на небосклоне великой любви. А солнце блекнет, идя к закату“».

Утверждая непреходящую ценность творчества Вагифа и Насими для настоящего времени, Касумов выходит за пределы рассмотрения процессов национальной литературы. Еще и еще раз он подчеркивает огромную роль, которую играет художественное наследие в нашей общественной жизни. Опираясь на временные признаки, писатель прибегает к противопоставлению, основанному на образном употреблении слов. Так говорится о Вагифе: «Он входит в современность не мертвой, пусть даже очень дорогой музейной ценностью, он влетает в мощные и сложные ритмы нашего сегодня». Словосочетания *мертвая... музейная ценность и мощные и сложные ритмы нашего сегодня* противопоставляются как понятия статичности и динамики, неподвижности и движения, прошлого и настоящего.

Сходное противопоставление отмечено в речи о Насими, но здесь оно выражается более наглядно по своей грамматической оформленности в составе предложения: «(...) Насими бесконечно дорог нам, его потомкам, принимающим творчество давнего стихотворца *не как археологическую редкость, а как неотъемлемую часть своего внутреннего обихода*. Противопоставление усиливается при использовании слов-антонимов временного значения: *«Когда-то, гонимый судьбой из края в край, из страны в страну,*

терия дом, близких, друзей, Насими назвал себя «не имеющим места», теперь это место определено навечно. Оно в сердцах миллионов».

В целом ораторско-публицистический стиль Имрана Касумова характеризуется высоким пафосом. Это находит отражение в синтаксически сложной организации предложений, в особенности в описательных частях его выступлений, в обилии эмоционально-оценочных определений (отдельных прилагательных и словосочетаний), в использовании некоторых лексических единиц, относящихся к разряду архаичных. Но этот пафос заключается не только в мастерском владении словом. Слово служит формой выражения по-настоящему гражданственных мотивов, которые присущи советской литературе и публицистике в целом и которые находят свое воплощение в индивидуальном языке Имрана Касумова как деятеля социалистической культуры. О празднествах, посвященных замечательным национальным поэтам прошлого, писатель говорит как о событиях, общих для всех народов СССР: «... сопричастность интересов и деяний советских людей стала неотъемлемой нормой всего нашего современного бытия, она присутствует во всех сферах человеческой деятельности на нашей Родине, и тем не менее, поскольку речь идет о литературном наследии, я вспоминаю еще один юбилей — 800-летие Низами Гянджеви, проведенное в 1941 году в осажденном Ленинграде, (...) когда героические защитники города, истощенные блокадой, истекая кровью, напрягали последние силы, чтобы сдержать варварский натиск, и все-таки нашедшие час в лютую стужу, не снимая шинелей и ватников, собраться в одном из залов Эрмитажа, отдать дань уважения азербайджанскому волшебнику поэзии.

Я вспоминаю об этом как о незабываемом свидетельстве духовного взаимослияния советских людей, когда и где бы они ни находились, о неразделимости их чувств и помыслов».

Н. Г. МИХАЙЛОВСКАЯ

РУССКИЙ ЯЗЫК В ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВАХ ЧЕХОСЛОВАКИИ

В Институте русского языка им. А. С. Пушкина успешно прошла защита докторской диссертации нашим коллегой из ЧССР Йозефом Скацелом. Тема диссертации — социально-лингвистические проблемы развития общественных функций русского языка в ЧССР в условиях социалистической экономической интеграции. Заслуживает высокого признания то, что автор предпринял попытку приблизить языковую подготовку работников промышленности к потребностям социалистической экономической интеграции в рамках СЭВ, что осуществляется в ЧССР впервые.

Необходимо отметить, что широкий круг вопросов, связанных с функционированием русского языка как у нас в стране, так и за рубежом, привлекает все большее внимание многих ученых. Тот факт, что столь важная проблематика является предметом изучения в социалистических странах, где русский язык находит все более широкое применение, вселяет уверенность в успешности и многоплановости дальнейшей ее разработки.

Диссертация Й. Скацела представляет собою солидный труд, в котором поставлены и успешно решаются многие актуальные вопросы социалистического характера. При этом хочется подчеркнуть чрезвычайную важность проблем, взятых для исследования. Ученый, наряду с общетеоретическими, освещает вопросы и конкретно-практические (например функционирование русского языка в 20-тысячном интернациональном коллективе завода), увязывая это с рассмотрением роли русского языка в международных организациях (СЭВ), то есть включая в поле зрения функцию

этого языка как языка международного значения, как мирового языка.

Возникновение новой категории языкового развития человечества — категории «мировой язык», — возникшей в наш XX век, справедливо связывается с научно-технической революцией, бурным экономическим и культурным развитием, широким использованием средств массовой коммуникации и с рядом других факторов. Русский язык стал одним из общепризнанных мировых языков и по праву занимает это почетное место. Освещение же этой роли русского языка на конкретных фактах из жизни братской социалистической республики представляет большую ценность.

Работа И. Скацела является составной частью большой комплексной темы государственного плана исследований ЧССР под общим названием «Общественные функции русского языка в развитии социалистической экономической интеграции». Эта широкая исследовательская программа разрабатывается под руководством автора диссертации группой специалистов, в состав которой входят, кроме лингвистов, также экономист, философ, педагог, психолог, историк и специалист по информационным системам. Объединение усилий представителей общественных наук разных профилей создает благоприятные творческие предпосылки для получения высоких результатов в решении задач всего комплекса исследований.

В главе первой «Теория общественных функций языка в социалистическом обществе» рассматриваются такие важные социолингвистические вопросы, как соотношение общества и языка, язык как составная часть общения, общественная значимость и общественные функции языка, его роль в общественном сознании, в сфере идеологии. Говоря об идеологическом аспекте, автор пишет: «После Второй мировой войны мы становимся свидетелями того, как русский язык входит в «клуб мировых языков» и одновременно становится интегрирующим звеном социалистического содружества. И в этом смысле он орудие и объект идеологической борьбы».

Автор выясняет причины интенсификации общественных функций языков при социализме, в числе которых — бурное развитие производительных сил, что, в свою очередь, вызывает более разносторонние языковые отношения, активизацию общественно-производственных процессов, различных сфер жизнедеятельности в материальной и духовной областях. При социализме имеет место подлинный демократизм в получении образования и использовании языков, широкая разработка вопросов их изучения, централизованное и масштабное планирование языковой жизни общества.

Автор справедливо отмечает, что в эпоху НТР повышается значение планирования и управления в сфере функционирования языков, а развитие процессов общения в условиях экономической интеграции социалистических стран приводит к существенным изменениям языковой ситуации. По этому поводу в диссертации сказано:

«Языковая ситуация социалистических государств все больше обуславливается тем, что возникают всякого рода институты международного сотрудничества, прежде всего в области экономики...

Составной частью социалистической экономической интеграции является и сближение наций социалистической системы. При этом процессы экономической интеграции не проходят путем ограничения общественных функций национальных языков или путем их ликвидации. Советская лингвистика, развивающаяся в условиях социалистического общества уже более 60 лет, выдвинула для этих проблем решение, обозначаемое термином *в а и м о о б о г а щ е н и е* *я з ы к о в*... При этом, с одной стороны, повышается роль интегрирующего языка всей социалистической системы. Эту роль все больше выполняет русский язык, особенно в области науки и техники. С другой стороны, с развитием социалистической культуры отдельных наций, специфики их образа жизни, происходит и бурное развитие их национальных языков. Они при своем развитии в условиях социалистической экономической интеграции и всестороннего сотрудничества социалистических стран заимствуют некоторые элементы функционирования и развития из русского языка и тем самым обогащаются во всех своих аспектах. Одновременно русский язык впитывает в себя элементы и способы функционирования национальных языков, вместе с которыми он выполняет общественные функции — и таким образом сам обогащается».

Во второй главе «История развития общественных функций русского языка в Чехословакии» диссертант в историческом плане прослеживает развитие общественных функций русского языка в пределах территории современной ЧССР с древности вплоть до настоящего времени, рассматривая общественно-политическую, экономическую и культурную сферы жизни.

Наиболее полно освещен вопрос о развитии общественных функций русского языка в ЧССР в период с 1945 года по семидесятые годы, что соответствует главным задачам данного исследования. При этом автор убедительно показывает, что освобождение Чехословакии Советской Армией явилось сильным стимулом бурного развития в этой стране общественных функций русского языка.

При помощи русского языка начинается всестороннее сотрудничество ЧССР и СССР во всех сферах общественной жизни.

Русский язык становится одним из обязательных предметов обучения в общеобразовательной школе. Кроме того, развивается обучение русскому языку на разного рода курсах. В этом разделе обосновываются предпосылки процесса развития общественных функций русского языка. Главная среди этих предпосылок указывается совершенно точно — это социалистический путь развития страны. Здесь же подробно говорится о значении русского языка в поступательном ходе общественно-экономической жизни республики на конкретно изученном материале Оставской промышленной области ЧССР.

В третьей главе «Современное состояние развития общественных функций русского языка в ЧССР» автор осуществляет синхронный анализ внешних общественных функций русского языка на материале производственно-экономической сферы в условиях социалистической экономической интеграции.

В своей работе Й. Скацел рассматривает пять типов общения в следующих формах использования русского языка: научно-техническая документация, делопроизводство, непосредственное общение с советскими специалистами, чтение русской литературы, периодики (например, технических журналов), международные мероприятия — совещания, конференции, симпозиумы и т. п. — где рабочим является русский язык. Анализ функционирования русского языка в производственной сфере сопровождается указанием на достигаемый экономический эффект как результат успешного овладения русским языком, его применения в трудовых коллективах Чехословакии.

В четвертой (заключительной) главе диссертации — «Принципы планирования общественных функций русского языка в производственно-экономической сфере ЧССР и управление их развитием» — Й. Скацел подробно останавливается на рассмотрении вопросов языкового планирования, отмечает его связь с научным прогнозированием и управлением общественными процессами.

В исследовании Й. Скацела с достаточной научной убедительностью рассмотрены важные социолингвистические вопросы теоретического характера в тесной связи и единстве с жизненными потребностями. Важно, что результаты этого комплексно-целевого исследования, как свидетельствует автор, сразу же получили выход в практику и применяются в настоящее время на заводах Оставской промышленной области, являющейся центром тяжелой промышленности ЧССР.

И. Ф. ПРОТЧЕНКО

ЗАМЕТКИ О РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ XVII ВЕКА

В практике работы над старинными русскими переводами иногда приходится иметь дело с одновременными переводами одного и того же текста, существенно отличающимися друг от друга. Ленинградская исследовательница Е. М. Иссерлин, сравнивая, например, польский оригинал книги писателя Шимона Старовольского «Описание двора турецкого султана» с шестью ее русскими переводами, заметила, что каждый переводчик проявил в работе личное творчество в отношении лексики, заменяя одно и то же слово в польском тексте разными синонимами (подробно см.: Иссерлин Е. М. Лексика русского литературного языка XVII в. Материалы к курсу «История русского литературного языка. М., 1961»). Можно сослаться и на переводы английской «Печатной вестовой тетради» (хранится в Центральном государственном архиве древних актов), повествующей о казни английского короля Карла I Стюарта (1649).

Сравнение двух списков этого перевода дает интересные данные по истории русского языка XVII века и технике перевода того времени. Оба списка относятся примерно к 1649 году, но выполнены разными переводчиками. Один из списков хранится в фонде вестей-курантов (назовем его условно — курантский список), другой — в фонде Госархива. Анализ материала позволяет сделать вывод, что каждый из этих списков адресован был определенному читателю, что и обусловило различия в выборе лексических средств перевода. Так, слово *стул*, заимствованное из немецкого, известно памятникам древнерусской письменности с начала XIV века (см. об этом: Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1958; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971). В курантском списке оно заменяет смытое ис-

конно восточнославянское слово *колода*, известное ранним памятникам древнерусской письменности (по данным «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского). В списке Госархива вместо слова *стул* мы встречаем *плаха* — слово, которое знают древнейшие памятники русской письменности и которое в данном контексте наиболее подходит по значению (сравним предложение из вестей-курантов 1649 г.: «аглинского короля соемные люди велели казнить к плахе топором»). Таким образом, сравнение списков позволяет выстроить ряд синонимов: *стул* — *колода* — *плаха*, свидетельствующих о раннем этапе освоения значения заимствованного *стул*.

Другое слово курантского списка — *сойма* (заимствовано из польск. *sejm*) в списке Госархива заменено на выражение «большой собор». Непереведенное *синт* (из англ. *saint* «святой», перед именем произносится как сокращенное *sint*, то есть данное написание можно рассматривать как передачу произношения, как случай транскрипции) имеет в списке Госархива передачу *стго* (*Святого* и *Свягаго* с окончанием, свойственным церковнославянскому языку). Сопоставьте выражения: «чепь с синтом Геориум» и «рыцарской признакъ стго Егоргия стратотерпца», в которых наблюдаем также замену *Геориум* (ср. англ. *George* — Джордж, Георг) на более близкое русскому читателю — *Егоргий*.

Слово *фицирой* (из фр. *vice-roy* «вице-король») в списке Госархива получает любопытное толкование: «ирлянского фицироя по руски наместника и воеводы», сравним значение слова *вице-король* как «королевский наместник с большими полномочиями», данное в «Словаре современного русского литературного языка» (М., 1951). Разъяснение новейшего заимствования *фицирой* с помощью древнерусского *воевода* и более позднего *намес(т)ника* свидетельствует о незавершившемся процессе семантического освоения иноязычного слова.

Любопытное явление прослеживается на примере разночтений *кирги* (курантский список) — *церкви* (список Госархива). Это явление заключается в том, что заимствования из одного и того же языка, разделенные длительным промежутком времени, могут становиться взаимозаменяемыми средствами. Что касается слова *церковь*, то М. Фасмер, приводя разные точки зрения на происхождение слова, считает исторически более оправданной древневерхне-немецкую этимологию (из древневерхне-немецкого *chirihha*), в то время как слово *кирга* (следует читать *кирха*) — из нововержне-немецкого *Kirche* «церковь» (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка). Причем *кирха* — это не *церковь* вообще, а «лютеранская церковь». Слово *церковь*, будучи давним германским заимствованием, входившим в праславянский лексический фонд и

сохранившим изначально особенности произношения иноязычного слова-источника (см. об этом: *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 3., М., 1976, с. 198—199*), пережило несколько столетий существования в русском языке и в XVII веке воспринималось как свое исконное слово, в силу чего могло заменяться новым заимствованием *кирга* [*кирга*].

Глагол *вздеть* в значении «надеть (об одежде)», употребленный в списке Госархива на месте глагола *положить*, свидетельствует о том, что переводчик тяготел к просторечным формам: «какъ он [король] тое шапку вздел», «вздел на себя епанчу»; в курантском списке: «какъ шапку на голову положил», «положил япанчу на себя». Слово *вздеги* было известно древнерусскому языку XI—XIV вв., судя по данным «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, только в значении «воздеть, поднять». Значение «надеть» фиксируется Словарем русского языка XI—XVII вв. только с начала XVI века, среди примеров начала XVII века приводится выдержка из «статейного списка» (отчета посла о поездке за границу), в котором отражается приказной язык, близкий к разговорному.

Слово *вздевать* отмечается «Толковым словарем живого великорусского языка» В. И. Даля, а в «Словаре современного русского литературного языка» в значении «надевать одежду, обувь, головной убор и т. п.» имеет помету: *в просторечии*.

В «Словаре русских народных говоров» отмечается отглагольное существительное *вздевалка* — «род рубахи».

Отметим также в курантском списке замену восточнославянского слова *волосы* (с полногласием) на церковнославянское неполногласное *власы*, слова *наплечник* (в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля: «всякое украшение и часть одежды на плечах») — на сочетание *наплечное платье*, наконец, написание *щастья*, как несомненная дань произношению, в списке Госархива.

Приведенные примеры сопоставительных разночтений двух списков или правки и словесных пояснений в одном из них (плаха — колода — стул, большой собор — сойма, святой — синт, Егоргий — Геориум, наместник — воевода — фицирой, церковь — кирга, вздеть — положить, волосы — власы, наплечник — наплечное платье) показывают, что список Госархива явно был ориентирован на широкий демократический круг читателей, в то время как курантский — на образованные круги царского двора.

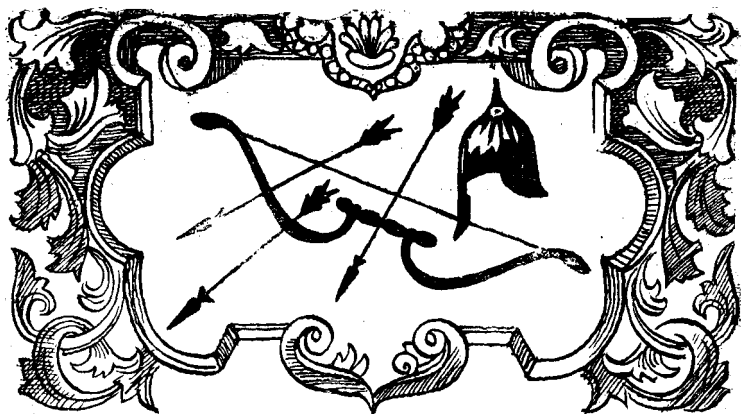
В. Г. ДЕМЬЯНОВ

«Повесть временных лет» — величественный памятник древнерусской культуры, обобщивший исторический и литературный опыт русского летописания за предшествующее столетие. Написанный в начале XII века монахом Киево-Печерского монастыря Нестором, он в течение следующих пяти веков служил «исходящем мудрости» для русских книжников, помещавших его в начале своих летописей. История Руси, записанная Нестором, дошла до нас в большом количестве списков более позднего времени, древнейший из которых — в Лаврентьевской летописи 1377 года.

Как ни парадоксально, огромная популярность произведения у древнерусского читателя явилась одной из причин возникновения большого количества ошибочных чтений, толкований и переосмыслений текста, вплоть до коренной переработки идеологического содержания отдельных мест памятника. К сожалению, в искажение подлинника внесли свою «лепту» и исследователи памятника: каждый переписчик, редактор и издатель «улучшал» и объяснял чтение «темных» мест хроники, приближая их к своему времени.

Можно с уверенностью сказать, что наибольшей порче в списках «Повести временных лет» подверглись личные собственные имена. Между историческим событием и его отражением в письменных памятниках в древности зачастую проходили десятки и сотни лет. Поэтому вполне понятно, что имена участников прошлых событий, особенно, если они были редкими или иноязычными, изменялись до неузнаваемости. В собственное имя могло превратиться любое незнакомое переписчику слово и неправильное чтение испорченного места памятника, что вело к появлению мнимых героев летописи.

Громадное количество разночтений и толкований вызвали, например, необычные имена русских послов, заключивших в 945 году мирный договор между Русью и Византийской империей. Так, в начале списка читаем: *Искусеви Ольги княгини; Слуды Игоревъ, неги Игоревъ*, то есть посол *Искусеви от княгини Ольги; Слуды от Игоря, племянника Игоря* (Повесть временных лет, ч. I, М.—Л., 1950). В. Н. Татищев забытое древнерусское слово *негий* понял как собственное имя и прочитал этот текст так: *и Ольги княгини Игоревы слуга Негий* (История Российская, т. 2, М.—Л., 1963). Интересно, что И. Н. Болтин в работе «Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том Истории князя Щербатова» (СПб., 1793, с. 232) слово *негий* комментирует как «название достоинства, первого по боярех». Правильное толкование значения слова *негий* — «племянник по сестре» раскрыл Н. М. Карамзин (История Государства Российского, т. 2, СПб., 1818).

Типичной ошибкой, связанной с процессом письма, является возникновение в рукописи имен-«великанов» (см.: Лихачев Д. С. Текстология, М.—Л., 1962). Личные имена-«великаны» и имена-«карлики» могли появиться в списках «Повести временных лет» в результате повторения букв, слогов или, наоборот, пропуска выносных букв, титлов над словами, например: *Водимиръ, Володиръ, Вололодимиръ* вместо *Володимиръ*; *Всеводъ* вместо *Всеволодъ* и другие (Полное собрание русских летописей).

Имена-«великаны» возникали также в результате неправильного деления на слова нерасчлененного первоначального текста, чаще всего такие ошибки встречаются в перечнях незнакомых имен. Лучшей иллюстрацией сказанному служит список русских послов под 945 годом. В «Повести временных лет» по Лаврентьев-

скому списку, вышедшему под редакцией академика Е. Ф. Карского, среди имен послов есть *Либиаръ Фастовъ*, а в указателе издания найдем имя русского посла *Либи* от князя *Арфаста*. Фаст превратился в Арфаста, по-видимому, под влиянием чтения Ипатьевской летописи, изданной под редакцией академика А. А. Шахматова, где находим *Либи Аръфастовъ*, хотя сам А. А. Шахматов в реконструированном тексте «Повести временных лет» (1916), учитывая данные Хлебниковского списка, читал *Либиаръ Фастовъ*. Такое же деление сохранено в последнем академическом издании «Повести временных лет» (1950). Мы рассматриваем имя *Фастъ* как наиболее вероятное, но не располагаем сегодня достоверными данными для исключения из научного оборота имени-«великана» — *Аръфастъ*.

В других случаях мы можем, опираясь на языковые данные, безошибочно восстановить первоначальный облик имени. Лаврентьевская летопись под 1103 годом рассказывает, что во время победоносного похода в дикую степь русские убили в бою половецких князей *Урусобу Кчия Аръсланоуки Таноу Кумана Асуна Куртка Ченегрену Сурьбаря и прочая князии*. Ипатьевская летопись дает несколько иное членение имен: *...Кочия Ярославну Китанону...* Подлинность последнего деления не вызывает сомнения, так как в тюркских сложных именах вторым компонентом часто выступает термин родства *-опа/-оба* в значении «дядя». Сравните: имя *Урусоба* в этом же списке убитых половцев, где так же легко вычленяются *урус-* (так называют русских тюркские народы) и *-оба*.

Имена *Аръсланопа (Яросланопа)* в передаче Ипатьевской летописи приближены к русским именам Ярослав, Ярополк. В основе их популярное у половцев название — *арслан* «лев». Составной частью имени *Китанопа* является *китан* (очевидно, родовое имя), употребляющееся в качестве личного имени и самостоятельно. По «Повести временных лет» Китаном звали половецкого князя, вероломно убитого Владимиром Мономахом в 1096 году.

Как видим, за ошибочными именами-«великанами» стоят реальные лица.

«Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку под 992 годом рассказывает, как некий русский богатырь победил в единоборстве Печенежина, и обрадованный князь Владимир заложил на том месте город и назвал его Переяславлем, «за не переяславу отроко ть». Радзивиловский, Московско-академический, Воскресенский списки летописи объясняют название города не тем, что отрок перенял (отнял) славу у печенегов, а «за не Переяславь отроку тому имя». Ошибочное объяснение названия города Переяславля по личному имени Переяслав очень легко установить.

Во-первых, Переяславль, тогда единственный город с таким названием на Руси, был известен в летописи задолго до 992 года; во-вторых, Никоновская летопись под 1004 годом сообщает, что отрок тот остался служить в дружине Владимира и звали его Яном (Иваном).

Появление мнимых героев иногда связано и с тем, что при передаче чужеземных названий летописец мог их не переводить, а транслитерировать (передавать средствами русской графики).

«Повесть временных лет» под 1107 годом сообщает, что во время успешного похода объединенных сил русских князей в половецкую степь «убиша же Таза, Бонякова брата, а Сугра яша и брата его». Обычно это место переводили так: «убили же Таза, брата Боняка, а Сугра взяли в плен и брата его». Летописи больше нигде не говорят о Тазе, брате Боняка, — известного половецкого хана, имя которого в летописях сопровождается иногда эпитетом *Шелудивый*. И. Г. Добродомов установил, что *Шелудивый* является переводом тюркского прозвища *Таз*, означающего «шелудивый, паршивый, лысый». Летописец, употребляя без перевода имя и прозвище Боняка Шелудивого, оставляет неизменным и тюркский порядок следования определения (прозвища) и определяемого существительного (имени) — *Тазъ Бонякъ*. Налицо создание мнимого героя летописи, поэтому цитируемое место необходимо переводить: «убили брата Таза Боняка» (Добродомов И. Г. Из половецкой ономастики).

Было бы наивно объяснять превращение распространенного в тюркских языках слова *таз* в имя собственное неизвестностью его исследователям. Основная причина появления мнимого героя, очевидно, в том, что, включив личное наименование *Тазъ Бонякъ* в русское предложение, летописец создал очень своеобразный контекст.

Всю важность изучения окружения незнакомого слова показывает история возникновения еще одного мнимого героя. При описании похода Святослава на Хазарию под 965 годом читаем: «Иде С(вя)тославъ на козари слышавше же козари изид(о)ша противу съ княземъ своимъ каганомъ». Титулом *каганъ* именовался хазарский правитель, но Е. Ф. Карский при издании Лаврентьевской летописи включил слово *каганъ* в указатель собственных имен, хотя со времен В. Н. Татищева (История Российская М.—Л., 1963) известно значение этого слова. Восприятие Е. Ф. Карским титула как имени собственного, видимо, было продиктовано аналогичным контекстом, где встречается имя собственное и титул: «со княземъ своимъ Маломъ», «при Фаравошъ ц(ес)ари еюпеть-стѣмъ» и т. п. (Полное собрание русских летописей. Т. I). Если понимание титула египетского фараона как личного имени *Фараон*

правомерно и объясняется временной удаленностью, то Нестору было хорошо известно значение слова *каганъ*. Как показывают современные исследования, не только правителей Хазарии, но и киевских князей до Святослава Ярославича, княжившего в 1073—1076 годах, часто называли восточным титулом *каганъ*. Варяги, находившиеся на русской службе, именовали киевских князей «каганами Руси» еще в 839 году (Памятники истории Киевского государства, Л., 1936). Таким образом, слово *каганъ* ни в XII веке, ни в новое время не понималось как собственное имя. Современные исследователи различным образом объясняют стечение двух титулов в тексте 965 года. А. С. Львов в книге «Лексика «Повести временных лет» (М., 1975) утверждает, что слово *князь* было введено позднее при переписывании исторического труда. И. Г. Добродомов исходит из того, что у хазар была своеобразная форма двоевластия: Верховным правителем, объектом всеобщего поклонения, был каган, а реальной властью обладал его заместитель, обычно командовавший войсками. Исследователь полагает, что в войне со Святославом во главе хазарского войска выступили и каган и его заместитель. Можно думать, что в тексте 965 года было сделано редакционное изменение, при котором изъят сочинительный союз *и* (Добродомов И. Г. Этимология, контекст, значение. — В кн.: Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974).

Древнерусские книжники, создавая новые летописные своды, как правило, переписывали и редактировали старые, то есть собственноручно записывали прочитанное. Редкий пример возникновение мнимого личного имени, появившегося, очевидно, в результате неточного восприятия текста на слух, находим в «Записках о московских делах» (СПб., 1908) посла германского императора в Москве барона Сигизмунда Герберштейна. Немец-дипломат, живший в XVI веке при русском дворе, написал большую работу о политическом и экономическом положении России, об истории страны, для чего привлек и русские летописи. Герберштейн описывает события в Киевской Руси накануне крещения: «Этот Владимир поставил в Киеве много идолов. Первый идол по имени Перун был с серебряной головой, остальное же было у него из дерева. Другие идолы назывались Услад, Корса, Дасва, Стриба, Симергла и Макош». В «Повести временных лет» читаем, что Владимир «постави кумиры на холму вне двора теремнаго. Перуна древяна, а главу его сребряну а усь златъ и Хърса Дажьб(ог)а и Стриб(ог)а и Симарьгла и Мокошь».

Как видим, в «Записках о московских делах» Герберштейна текст русской летописи передан не точно: вместо истинного *усъ златъ* появилось новое имя собственное — *Услад*,

Как известно, в немецком языке нет противопоставления звонких и глухих согласных. Вспомним, как говорил Вральман из комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль»: «Тай фолю этим слатеям... капы не самарили ефо на ушенье...». Очевидно, и наши примеры объясняются этой причиной. Действительно, в словосочетании *усъ златъ* звуки *с* и *з* слились в произношении и уподобились друг другу.

Дипломат, выходец из восточной Австрии, владел разговорным словенским языком, в котором слово *ус* звучит как *vös*. Можно предположить, что в результате неразличения глухих и звонких Герберштейн сблизил незнакомое название с корнем «слад», в результате чего появилось конечное *д* в имени *Услад*. Написание названий кумиров у Герберштейна *Дасва* и *Стриба* вместо *Дажь-бога* и *Стрибога* говорит о том, что в списке летописи могли отсутствовать или стерлись титла над словами.

Так в летописных списках (а позже — в печатных изданиях) «Повести временных лет» появились мнимые герои, реальность существования которых не опровергалась, а укреплялась поспешностью выводов исследователей. О бережном обращении с рукописным текстом говорил еще автор древнейшего дошедшего до нас списка «Повести временных лет», монах Лаврентий: «Оже ся гдѣ буду описалъ (ошибся) или переписалъ или не дописалъ. чтите исправливая б(ог)а дѣля (бога ради) а не клените, занеже книги ветшаны, а умъ молодѣ. не дошелъ».

Г. К. ВАЛЕЕВ

Рисунок В. Комарова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Каково значение слова *бесталанный*?»

З. Умарбекова, Ташкент

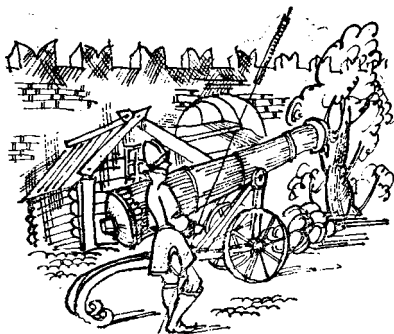
4-томный «Словарь русского языка» АН СССР дает следующие значения прилагательного *бесталанный*:

1. Лишенный таланта; бездарный. «Петр Игнатьевич трудолюбивый, скромный, по бесталанный человек» (Чехов. Скучная история).

2. Народно-поэтическое. Несчастный; неудачливый, обездоленный. *Бесталанная головушка*.

В наше время слово *отрок* воспринимается как некий литературный архаизм, с несомненным поэтическим ореолом, но довольно расплывчатым предметным значением. Гораздо отчетливее выступает производное от него — *отрочество* «возраст между детством и юностью» (см.: Ожегов С. И. *Словарь русского языка*. М., 1978).

Наши писатели (особенно Юрий Нагибин) прилагают немало стараний, чтобы не дать исчезнуть *отрочеству* из языка художественной литературы. Но в публицистике и педагогике оно встречается все реже. Слово же *отрок* употребляется только как стилистически и эмоционально окрашенное, в значении «подросток, юноша» (см.: Советский Энциклопедический Словарь. М., 1979).

ПЕРВОНАЧАЛЬНО слово *отрок* имело значение «не имеющий права участвовать на родовой сходке или племенном совете». Префикс *от-* в слове *отрок* употреблен в значении, близком к отрицанию «не». Корень *-рок-* находим в глаголе *реку* — «говорю» (чередование *е — о*) (ср.: отрекаться, отречение). Таким образом, слово *отрок* имело значение «не говорящий», «не имеющий права высказываться». Именно поэтому *отроками* именовались несовершеннолетние юноши-подростки. Об этом писал известный историк-лингвист Л. П. Якубинский (см.: История древнерусского языка, М., Учпедгиз, 1953).

О. Н. Трубачев к значениям древнерусского слова *отрок* — «дитя, подросток, юноша, дружинник, воин, слуга, раб, работник» дает интересные параллели: латинское *infans* (буквально «не говорящий»), чешское *otrok* — «раб» (Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов

Строй,

ОТРОЧЕСТВО...

общественного строя. М., 1959, с. 46—47). Здесь в *отроке* на первое место выдвигается социальная функция. Л. П. Якубинский считал, что лишь впоследствии образовалось уменьшительное *отроча* в значении «дитя», «относящееся к тому времени, когда первоначальная социальная функция слова была забыта».

О древнейшей социальной функции слова писал В. О. Ключевский: «Высшим классом этого общества, с которым князь делил труды управления и защиты земли, была княжеская дружина. Она делилась на высшую и низшую: первая состояла из княжих *мужей*, или *бояр*, вторая — из *детских* или *отроков...*» (Ключевский В. О. Сочинения. Т. I. М., 1956, с. 164).

На протяжении веков, вплоть до пушкинского времени, не было четкого и ясного разграничения понятий «юноша», «дитя», «младенец». Но существенно важно, напротив, родовое, племенное, служебное, а позднее и сословное положение молодого человека — его место в общественной структуре. Впрочем, так было не только в древней Руси. Историки объясняют, что средневековая европейская мысль в целом довольно безразлична к возрастным градациям, и, тем более, к органическому развитию отдельной личности: все возрасты равно зависимы от некоего «сверхличного» начала, в конечном итоге реализуемого в определенной феодальной или церковной иерархии.

Вспомним известный рассказ из «Повести временных лет» о мести Ольги: «В лето 6459. В се же лето рекоша дружина Игореву: отроки Свенельжи изоделися суть оружием и порты, а мы нази: поиде, княже, с нами в дань, и да и ты добудеши, и мы» [В тот

год (951 по нашему летоисчислению) сказала дружина Игорю: отроки Свенельдовы раздобыли себе оружие и одежду; ступай, князь, с нами за данью, и ты добудешь, и мы]. Совершенно ясно, что речь идет о зрелых, опытных воинах, для которых ратный поход не только дело чести, но и средство существования.

Чутко воспринимавший дух старорусского языка, Н. С. Лесков писал: «Отрок» (...) не выражал поры его возраста, а это было его звание, или, лучше сказать, его сан духовный» (Лесков Н. С. Печерские антики).

*

Социальное значение слова *отрок* со временем исчезает за счет усиления личностного начала; это процесс длительный и неравномерный. Различные модификации социальной функции *отрока* причудливо наслаивались в течение веков. Их древнейшее значение сохранилось и после того, как уже оформилась количественно-возрастная характеристика. В самом деле, уже после того, как Словарь Академии Российской отметил, что *отрок* — «вышедший из младенческого возраста и не достигший еще юношеского», а позже уточнил — «дитя от семи до пятнадцати лет», — все последующие словари опускают возрастной момент, отмечая исключительно исконное социальное значение в различных его аспектах: работник, слуга, младший дружинник и т. п. Характерно, что большинство словарей подчеркивает многозначность слова *отрок* и дает эти понятия *раздельно*, под самостоятельными рубриками, а Большая Советская Энциклопедия представляет их *совокупно*, как различные грани некоторого исконного исторического и семантического гнезда.

То обстоятельство, что на различных этапах реальной истории «работник», «раб», «слуга», «младший дружинник» и т. п. обозначались одним и тем же словом *отрок*, свидетельствует об очень гибком переходе этих состояний в княжеско-боярской, а позднее и в церковно-монастырской среде, о подвижных границах социальных традиций, на одном полюсе которых — полное бесправие, на другом — доверенное лицо князя в ратном, посольском или хозяйственном делах.

Можно предположить, что смысленные и преданные люди из числа военнопленных быстро входили в доверие князя, боярина или посадника. Вероятно, в Киевской Руси старшие дружинники и сам князь, не забывая о неполноправности отроков (или недавнем их рабском положении), не давали им это почувствовать, не унижали их. «Вы, отроки-друзи, возьмите коня», — говорит князь в известном стихотворении А. С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге». Обращение *отроки-друзи* понятно; всякий дружинник был прежде всего членом

ратного содружества. Хорошо известен рассказ из Ипатьевской летописи (под 1169 годом) о князе Владимире Мстиславиче. Он задумал поход против родного племянника. Старейшины воспротивились. Тогда князь указал на стоящих рядом отроков (в тексте «детские»): «А се будут мои бояре...» Другими словами, — «вот эти молодые всегда заменят вас в качестве воинов и советников». Здесь слово «детские» — почти синоним с «отроки».

Отроки исторически представляли собой обширный резерв для самых разнообразных социальных категорий, все более разветвлявшихся на протяжении веков.

*

В эпоху Московской Руси «институт» княжеско-боярских отроков отмирает. Но слово *отрок* оказывается жизнеспособным. Появляется производное от него — *отроковица*. Тем самым выявляется ранее приглушенная индивидуально-возрастная семантика общего понятия «отроки». Сама эта парность знаменует передвижку слова из одной социально-языковой категории в другую. Иначе говоря, *отрок* уже не является термином языка обиходного; теперь это слово литературной речи, притом высокого стиля.

При этом *отрок* (и уменьшительное *отроча*) получает еще одну добавочную «нагрузку» — оттенок психологической характеристики. Так создается необходимая предпосылка для позднейшего образования «отрочества». В «Летописной книге» (начало XVII века) читаем: «Царевич Федор, сын царя Бориса, отроча зело чюдно, благолепием цветуще...», за «отроком» следует описание «отроковицы» Ксении, «дщери» царя Бориса, с перечислением ее высоких нравственных достоинств.

Тем не менее *отрок* не становится словом нейтральным. Социальные связи не обрываются. Они делаются многообразнее и шире, потеряв свою исконную узко-сословную локальность.

Во времени Пушкина *отрок* окончательно потерял первоначальный характер социально значимого слова (за исключением среды церковной и служебно-церковной обрядности). Уже давно *отрок* перекочевал из обихода княжеского двора или монастырского подворья в речь сугубо книжную, литературную, притом высокого, преимущественно поэтического звучания. В повседневном быту имело хождение нейтральное слово *мальчик*, а в канцелярском делопроизводстве, применительно к определенной среде, — *недоросль*. Для поступления в Царскосельский лицей двенадцатилетнему Пушкину (возраст «отрока») понадобилась официальная бумага, удостоверявшая, что «недоросль Александр Пушкин есть действительно законный сын служащего в Комиссариатском штате VII-го класса

С. Л. Пушкина». Эмоционально-экспрессивное осмысление *недоросля* как олицетворения невежества (у Фонвизина) не отменило давнего «петровского» значения слова как термина чисто служебного («дворянский недоросль, не старше 16 лет, коему надлежит готовиться к гражданской или военной службе»).

Совсем по-иному звучит *отрок* в русской поэзии:

Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря;
Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.

Пушкин. Отрок

Пушкин создает образ юного Ломоносова — мальчика, помогающего отцу. Но когда поэт говорит о великом будущем сына рыбака, то употребляет уже другое слово — *отрок*. Не всякий мальчик — *отрок*, а только тот, кому выпала высокая историческая миссия.

Высокого поэтического звучания достигает слово *отрок* у А. Блока:

Я, отрок, зажигаю свечи,
Огонь кадильный берегу...

Блок.
«Я, отрок, зажигаю свечи...»

Судьбы слов прихотливы. Не все слова долговечны. *Отрок* является нам пример особый. При всех причудливых многовековых модификациях в нем проглядывает изначальное смысловое ядро, весьма привлекательное для «уха, глаза и ума». И кто знает, не предстоит ли ему второе рождение? *Отрок* этого стоит.

Ю. Е. БИРМАН

Рисунок С. Гавриловой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Как правильно говорить *сливовый* или *сливбвый* компот?

Е. И. Дроздова, Киев

В слове *сливовый* (не *сливбвый*) ударение ставится на и.

Из московских челобитных
XVII века

Великой княгине Евдокее Лукьяновне подает челобитную постельница Авдотьяца Богаткова (постельница — лицо, занимавшееся шитьем платья и белья царю). Случайно ли постельница называет себя Авдотьяцей, а великую княгиню — Евдокеей Лукьяновной? Вряд ли. Можно взять наугад любую московскую челобитную XVII века и увидеть, что везде имя челобитчика (или челобитчицы) употребляется только в уничижительной форме. Почему? Обратимся к источникам.

Московские челобитные XVII века — деловые документы, не только дающие возможность познакомиться с жизнью москвичей этого периода, но и служащие неиссякаемым источником сведений для изучения антропонимических формул имени.

В отличие от большинства разновидностей деловых документов челобитные не только были предназначены для сообщения определенной информации, но и ставили своей целью воздействовать на

чувства того лица, к которому обращались с просьбой, жалобой, искомым заявлением. В связи с этим челобитные изобиловали существенными с суффиксами уничижительного значения: *короვენко, женщишка, деревнишка, дворишко, платьишко* и др.; с этими суффиксами употреблялись в челобитных и личные имена.

От других видов деловых документов XVII века челобитные отличаются своей эмоционально-экспрессивной завершенностью и элементами художественности. Они, пожалуй, единственные среди деловых документов, в которых челобитчик сам себя именуется, что позволяет нам узнать, как называли сами себя представители народных низов и как они обращались к представителям правящей знати (царю, князю, боярину).

Антропонимический материал московских челобитных XVII века не только позволяет установить соотношение между официальной и народной формой имени (Евдокия-Дунька, Дмитрий-Митька и др.), но и дает возможность выявить связь имени с социальной принадлежностью носителя.

Прежде всего обращает на себя внимание форма имен челобитчиков в начальном протоколе (начальная запись в челобитных).

К какой бы социальной группе ни принадлежал челобитчик — будь он князем или боярином, ремесленником или купцом, помещиком или холопом — личное имя его в начальном протоколе употреблялось только в уничижительной форме: *Ивашка, Петрушка, Филька, Дунька* и т. п.

Называя себя, челобитчик часто указывал здесь свое социальное положение и профессию. Так, князь Иван Андреевич Голицын в начальном протоколе называет себя «Ивашка князь Ондреѣв сын Голицын»; стольник Иван Андреевич Бутурулин — «Ивашка Андреев сын Бутурулин»; стольник Савва Лукьянович Васильчиков — «Савка Лукьянов сын Васильчиков».

Бьют челом и люди, стоящие на низшей ступени социальной лестницы. Здесь и задворный конюх Петрушка Федотьев, и Мастерской палаты сторож Ивашко Тимофеев, и завязочный мастер Ивашко Фирсов, и часового дела мастер Максимко Онкудинов и многие другие.

Чем объясняется употребление уничижительной формы имени в начальном протоколе? Для царя (а все челобитчики обращались к «царю государю и Великому князю») и князь, и боярин, и стольник, и воевода, и сторож, и сапожный мастер были холопами, зависимыми от царской воли Ивашками, Петрушками, Мишками. Уничижительная форма имени как бы подчеркивала эту зависимость.

Перед нами челобитная стольника князя Михаила Романовича Гагарина от 8 января 1675 года. Князь Гагарин, который «службы

служит невмоч за старостью и за увъчемъ» и который не может «с мѣста ворохнутца рука да нога у меня холопа твоего отнелас» в начальном протоколе своей челобитной, обращаясь к царю с просьбой освободить его от службы, пишет: «царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержцу бьет челом холоп твой Мишка княж Романов сын Гагарин». Грозный феодал, тиран тысяч людей, а перед царем — всего лишь ничтожный холоп Мишка!

Антропонимические формулы имени в просительной части челобитной разнообразны и объясняются рядом причин. В частности, кто кого называет (люди одинакового социального положения или различного: помещик именуется холопа или холоп помещика; князь ли называет своих дворовых людшек или они обращаются к нему); с какой целью упоминается имя того или иного лица (с целью пожаловаться на него или как свидетеля по делу); в каких отношениях (родственных, дружеских, враждебных) с упоминаемым в челобитной лицом находится челобитчик. Так, князь Голицын в челобитной от 3 июня 1625 года называет беглых людей своего дяди именами в уничижительной форме с отчеством без *-вича*: «поворы Захарка Кондратов да Илюшка Иванов да портные мастера Петрушка Клементьев да Офонка Понкратов»; а дядю своего, князя — именем в полной форме и отчеством с *-вичем*: Иван Васильевич.

Форма именования соответствовала социальному рангу называемого. Так, в челобитной А. Бермацкого от 7 июня 1633 года упоминается боярин князь Хилков, которого челобитчик называет *боярином князем Андреем Васильевичем Хилковым*. Стрелецкий голова Петр Красной называет свидетелем по своему делу *боярина Федора Ивановича Шереметева*. «...Пожаловать патриарших певчих дьяков» — приказывал *боярин князь Алексей Михайлович Львов*, Стольник Савва Васильчиков, обращаясь к царю с просьбой разобраться в его деле, упоминает имя боярина Троекурова, которого называет *князем Иваном Борисовичем Троекуровым*. В решении по челобитной Е. Татариновой (она просит перенести слушание своего дела из Приказа холопья суда в другой приказ) дьяк записывает: «государь... велѣли то дѣло... взят в Новгородской приказ и указ учинит боярину князю Василью Василевичю Голицыну с товарищи».

Именем в полной форме (отчеством с *-вичем* + вторым наследственным именем в форме притяжательного прилагательного) именуются в челобитных князья и бояре. А называют их так люди, стоящие на низких ступенях социальной лестницы (дьяки, ремесленники, холопы). Можно думать, что высокое социальное положение носителя требовало только такой формы обращения,

В той части челобитной, где излагается жалоба или просьба, челобитчик стремится возможно полнее охарактеризовать тех людей, на которых жалуется или от которых зависит ход дела, то есть назвать не только имя, отчество и фамилию обидчика, но и указать его социальное положение и профессию: «а имал тот товар на подячей Прокофее Борисов сын Протопопов садовник Иван Иванов сын Соломенцов...».

Часто в челобитных упоминаются люди, которых называют именем в полной форме и отчеством (со словом «сын»). Боярин Андрей Никитич Самарин-Квашнин обращается к царю Алексею Михайловичу с жалобой, обвиняя «смолян Невежу Дмитриева сына и Михаила Федорова сына» в том, что они «называютца нашими Самаринами Квашниными и тем меня холопа твоего и весь наш родиска бесчестят». Здесь употребленная боярином формула именованья вполне оправданна, так как жалобщик намеренно не хочет называть смолян-самозванцев фамилией Самарины-Квашнины.

Имя в полной форме с отчеством (со словом «сын») встречается часто в подписях к различным челобитным: «к сей челобитной Алешка Яковлев и вмѣсто Любима Алеандрова сына... руку приложил»; «к сей челобитной Филька Василев вмѣсто Матвея Симанова сына пирожника и вмѣсто мещенина Лаврина Илина сына приложил».

Именем (в полной или уничижительной форме) и отчеством со словом «дочь» именуют в челобитных женщины: «вмѣсто вдовы Овдоти Богдановы дочери по ее вельню руку приложил»; «девка Агашка Федорова дочь»; «женка Улитка Исаева дочь» и др.

Широко распространены в челобитных имя в полной форме с отчеством без *-вича* и имя в уничижительной форме с отчеством без *-вича*. Среди людей, названных так челобитчиком — крестьянин Бориска Алексеев, караульный солдат Федосейка Стаханов, площадный подьячий Сенька Игнатев, сусальник Андрюшка Никифоров, белая мастерица Анютка Маслова, пестрядинник Оверка Елизарев, задворный конюх Петрушка Федотев, то есть люди различных профессий и социального положения, в основном, простой народ.

*

Вполне естественно, что с просьбами к влиятельным особам могли обращаться и женщины. Однако формулы женских имен отличались от мужских. Женщин называют через имена мужа и отца: Микифорова жена Басаргина Орина Федорова дочь; Сидоровская женишка Кондратьева сына Татарина Варька Иванова дочеришка; Ивановская женишка Торопова вдова Пелагеица; Григорьевская же-

нишка Иванова вдова Марья Евсеева дочь; Ивановская женишка Андреевича Бутурулина Степанидка.

Материал челобитных дает возможность проследить, как меняется формула именованя челобитчицы Авдотьи Татариновой в зависимости от того, сама ли она себя называет или ее называют другие люди. Челобитная от 21 октября 1683 года: «бьет челом раба ваша Василевская женишка Татаринова вдова Дунка» или «к сей челобитной... площадный подячей Якушко Федоров вместо вдовы Авдотьи и посяе веленю руку приложил». Того же года 23 ноября Авдотья Татаринова подает еще одну челобитную, в начальном протоколе которой называет себя так же, как и в предыдущей челобитной: *Василевская женишка Татаринова Дунка*. На этот раз к челобитью «руку приложил дворцовых крестьянских дел стряпчей Трифонко Антишьев», который называет челобитчицу «Овдотья Богданова дочь», то есть по имени отца, а не мужа, как она себя называет. В следующей челобитной, которую Татаринова подала 29 июля 1684 года, она включает в собственное имя и имя своего отца: «Василевская женишко Татаринова вдова Дунко Богданова дочь».

Мастер Серебряной палаты Л. Афанасьев подает 18 октября 1683 года челобитную с жалобой на Татаринову, в которой называет ее «Василевская жена Татаринова вдова Авдотья». В этой же челобитной Афанасьев называет Татаринову и просто по имени: «и ее Авдотью к суду поставить».

Таким образом, и «Василевская женишка Татаринова Дунка», и «Овдотья Богданова дочь», и «Василевская женишко Татаринова вдова Дунко Богданова дочь», и «Василевская жена Татаринова вдова Авдотья» — все это один человек: Евдокия Богдановна Татаринова. Так мы называли бы ее сегодня. Но в челобитных XVII века формулы женских имен такого типа были невозможны (до тех пор, пока женщина не получила юридических прав, в частности права распоряжаться своим имуществом, покупать и продавать земли). Но уже в документах XVIII века увеличивается количество женских имен, а характер их записи приближается к формулам мужских имен.

Итак, наблюдения над материалом московских челобитных XVII века показывают, что формула имени четко отражает социальную иерархию общества, служит своеобразным знаком принадлежности его носителя к известной ступени этого общества.

Н. Е. САДЫХЛЫ

Баку

Рисунок Б. Захарова

На трассе БАМа

Все мы часто слышим по радио и телевидению, встречаем в газетах и журналах названия, связанные со стройкой века — Байкало-Амурской магистралью. Одни из них нам понятны, иные нет. Когда появились и что означают наименования *Усть-Кут*, *Таюра*, *Улькан* и другие? На эти вопросы дадут ответы небольшие материалы новой рубрики «На трассе БАМа».

Город Усть-Кут — начальный пункт западного участка Байкало-Амурской магистрали. Он расположен при впадении реки Куты в Лену.

Появление населенного пункта Усть-Кут связано с освоением русскими землепроходцами в начале XVII века Приленья.

Главной дорогой на Лену был путь по рекам Верхней Тунгуске, Илим и Куте. Основной формой «закрепления» на новых землях являлась постройка острогов (укреплений) и зимовий, главным образом, на местах, пригодных для хлебопашества,

Первым на Лене из Енисейска был послан в 1628 году десятник Василий Бугор. Идя по реке Илиму, по его правому притоку Игирме, он вышел к реке Куте, затем — «к славной в свете и великой реке Лене» (Серебренников И. И. Покорение и первоначальное заселение Иркутской губернии. Иркутск, 1915).

После него в 1630 году на Лене из Енисейска был послан с казаками атаман Иван Галкин. В том месте, откуда должен был начаться переход сухим путем с Илима на реку Купу (приток Куты), он построил несколько зимовий. Это было первое русское поселение на пути к Лене, получившее название *Ленский волок*. Весной 1631 года Иван Галкин подошел к реке Лене. В устье реки Куты он построил зимовье, ставшее острогом.

Русские, осваивая Приленье, не вытесняли местных жителей с обжитых земель, а поселялись на свободных землях. Их приход в эти края не внес какой-либо коренной перестройки в уже сложившуюся топонимию. Русские наименования были даны только тем географическим объектам, которые были безымянными или имели неустойчивые названия.

По речным магистралям Ленского бассейна в период раннего его освоения (на территории нынешних Усть-Кутского и Киренского районов) и значительно позже кочевали эвенки.

Топоним *Кута* — эвенкийского происхождения, он означает «трясина», «болото», «заболоченное место»; *кутакан* — «речка».

Построенный в устье реки Куты острог получил название *Усть-Кутский*. *Усть* (*устье*) — «место впадения реки в море, озеро или другую реку». Таким образом, наименование острога (затем и города *Усть-Кут*) буквально означало (и означает) «расположенный на берегах реки Куты у впадения ее в Лене». Причем интересно, что первая часть названия (*усть*) употреблена в первичной своей форме (существительное *устье* образовано от *усть* при помощи суффикса *-и*). В этой форме слово *устье* закреплено в составе некоторых других сложных географических наименований Приленья: *Усть-Ильгинская* (слобода), *Усть-Киренга* и т. д.

Во второй половине XVII века Усть-Кутский острог становится административным центром волости, которая именуется в архивных документах начала XVIII века *Усть-Кутским острогом* и очень редко *Усть-Кутской волостью*. Сам же острог назывался по-разному: *Усть-Кутским острогом*, *Усть-Кутском*, *Усть-Кутой*.

Нередко современный город Усть-Кут называется жителями окрестных деревень Усть-Кутой.

Сразу же с момента своего возникновения (1631) Усть-Кутский острог (как укрепление и как волость) приобрел важное сельскохозяйственное, промышленное и транзитно-транспортное значение. После его основания в устье реки Куты в конце 30-х годов

XVII века появляются пашни. Одним из первых земледельцев этих мест был знаменитый русский землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. Отсюда в 1649 году он отправился в поход на Амур, снарядив за свой счет в плавание суда и обеспечив содержание 150 человек команды.

«Илимская пашня», куда входили и земли Усть-Кутской волости, к концу XVII века становится житницей Ангаро-Ленского края. На Куте строятся дощаники и кочи (суда морского типа) для сплава провианта, пороха и людей «для якутской службы». Усть-Кут представляет в Якутск соль, вино.

*

В наше время Усть-Кут — важный транспортный узел по перевалке грузов с железной дороги на реку Лену и обратно, порт на Лене, имеющий крупную судоверфь.

Т. В. СЕРГЕЕВА
Иркутск

Рисунок В. Комарова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«В современной разговорной речи употребляется в качестве универсального обращения к женщинам-продавцам, кассирам, кондукторам и другим работникам сферы обслуживания слово *девушка*. Правильно ли такое обращение или лучше его заменить? Только чем?»

И. К. Воеводин, Сочи

В литературной речи со словом *девушка* уместно обращаться (в официальной обстановке) только к молодым женщинам или подросткам. В иных случаях применяется слово «товарищ» с названием должности, звания или фамилии (например, товарищ продавец, товарищ кондуктор).

Просторечными являются обращения к незнакомым лицам типа: *женщина, дама*.

По Золотому кольцу России

Путь от Костромы до Иваново проходит по территории двух областей — Костромской и Ивановской.

*

Неподалеку от Костромы, там, где кольцевой туристский маршрут идет вдоль Волги (правда, на некотором удалении от нее), находятся *Козловы Горы*. Такое имя носит не деревня, не поселок, не два-три холма, а целая местность — берег Волги, где расположено много здравниц. Горами на Волге называются не отдельные возвышенности, а высокий правый берег (см.: Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. М.: Наука, 1969). Бытует предание, по которому топоним *Козловы Горы* ведет свое происхождение от прозвища. Якобы в конце XVI века именно в этих местах скрывался со своими людьми гроза бояр и царских приспешников атаман Козел. Однако документальных подтверждений этому нет.

Река Волга дала свое имя многим городам, поселкам и деревням, стоящим на ее берегах. К числу их относится и расположенный на «Золотом кольце» *Волгореченск*. Поселок возник в 1964 году в связи со строительством Костромской ГРЭС.

На левом берегу Волги, почти напротив поселок *Красное-на-Волге*. В его названии также имя реки. Когда-то этот населенный пункт назывался просто *Красное*. Село Красное было старинным центром ювелирного промысла и известно еще с XVII века. Почему *Красное*? Точно на этот вопрос ответить трудно. Прилагательное *красный* достаточно часто входило в состав русских географических названий, причем в разных значениях. В одних топонимах *красный* могло соотноситься с цветом почвы в данной местности (например, известно несколько населенных пунктов *Красный Яр* по левому берегу среднего и нижнего течения Волги — здесь встречается красноватая глина, отчетливо выступающая в размытых рекой обрывах). В других топонимах *красный* присутствует в значении «видный, красивый»: например, город *Красное Село* в Ленинградской области или город *Краснослободск* в Волгоградской области. Слово *красный*, входящее в состав русских географических названий, употребляется и в значении «расположенный на красной, солнечной стороне». Правда, в русских топонимах *красный* встречается еще в одном значении — «революционный, новый, социалистический». В послереволюционный период появились названия: *Красноград*, *Краснодар*, *Краснодон*, *Краснокамск*, *Красноуральск* и т. д. Однако топоним *Красное-на-Волге* не связан с последним значением, поскольку село Красное упоминается еще в документах XVII века.

И еще один населенный пункт на участке «Золотого кольца России» (далее — за Волгореченском) обязан своим названием величавой реке. Это город *Приволжск*. Он находится уже в Ивановской области. Город оправдывает свое имя: он расположен не непосредственно на берегу Волги, а немного поодаль, южнее, как бы *при* Волге. Приставка *при-* не так уж редка в составе географических наименований и, в частности, названий населенных пунктов. Она несет в себе смысловую характеристику: «у, возле, близ». Именно таково ее содержание и в топонимах *Приаргунск* (поселок близ реки Аргунь), *Приозерск* (город в Ленинградской области на берегу Ладожского озера) и других.

Приволжск получил статус города в 1938 году. Раньше это был поселок *Яковлевское*, которому в свою очередь предшествовало крупное торговое село *Яковлевское*. Название его, очевидно, восходило к фамилии Яковлев.

Одним из самых любопытных географических названий на том отрезке «Золотого кольца России», по которому сегодня мы держим путь, является *Плес*.

Слово *плёс*, *плёсо* имеет давнюю историю. Основное значение его — «открытая, широкая часть реки; глубокое место в воде, озере». Таково значение древнерусского *плесь*, украинского *плёсо*, словацкого *pleso* и т. д.

В «Словаре волжских судовых терминов» С. П. Неуструева (Нижний Новгород, 1914) читаем: «Плесом на реках волжского бассейна пазывают ту часть реки, где она протекает на десятки верст по прямому направлению, не встречая на пути перекаатов, мелей и других препятствий, и значительно глубже остальных мест...». Это определение полностью отвечает характеристике течения Волги в этом месте. При этом *Плес* — одно из ранних русских названий на данной территории. Известный специалист в области местной географической терминологии Э. М. Мурзаев установил ряд других значений слова плес — «небольшой речной залив», «новый берег реки», «продолжение берегового выступа» и т. д. (см.: Мурзаевы Э. и В. Словарь местных географических терминов. М.: Географгиз, 1959). Однако такие значения к названию города на Волге отношения не имеют, они диалектны. Слово *плес* в разных значениях вошло в состав целого ряда географических названий, в частности, наименований населенных пунктов: с. *Плесо* в Ленинградской области, с. *Плесо* в Вологодской области, с. *Плесь* в Тульской области, с. *Плесо-Курья* в Кулундинской степи.

Всегда ли на протяжении своей долгой истории город *Плес* носил именно это название?

По преданию, на месте сегодняшнего Плеса существовал древний поселок со странным названием *Чувиль*. Что-то сказочно-песенное слышится в этом необычном имени. Кстати говоря, на Волге действительно бытует песенка:

Ой, Чувиль, мой Чувиль,
Чувиль-Навиль, виль, виль, виль!
Еще чудо, первочудо,
Чудо родина моя!

И до настоящего времени на правом берегу Волги местность между деревнями Алабуга и Кочергино, расположенными чуть ниже Плеса, носит наименование *Чувиль*. Трудно сейчас установить точное происхождение этого топонима. Археологические данные свидетельствуют о том, что местность, на которой находился Плес-Чувиль, заселена была еще в IX—XIII веках (Моисеев П. Город Плес. Ярославль, 1970).

Довольно точно устанавливается время, когда официально возникает топоним *Плес*. В 1409 году на русские города обрушилось ордынское нашествие Едигея. Великий князь московский Василий

Дмитриевич принимает решение укрепить восточные рубежи Московского княжества, «повеле рубити град Плес». В 1410 году был выстроен укрепленный городок *Плес* или *Плесо*. Причем возник он, как мы уже знаем, на месте старого населенного пункта Чувиль. (Предполагается, что последний был разграблен и сожжен в 1238 году полчищами Батые, когда они напали в костромской земле на богатый город Галич-Мерский. — См.: Моисеев П. Город Плес).

С 1462 года, когда московские князья отказались платить татарам дань, город Плес на целое столетие превратился в постоянный сборный пункт русских войск. Именно здесь, в Плесе, в 1551 году по распоряжению царя Ивана IV было сформировано большое войско, принявшее участие в походе на Казань.

Плес, подобно многим старинным городам, делится на две части: верхнюю — горную и нижнюю — подгорную. Верхнюю часть иногда называют *Троицкой*, а нижнюю — *Набережной*. В старину недалеко от плесской крепости находились дозорные пункты. Об одном из них нам напоминает название деревни *Сторожово*, расположенной в нескольких километрах ниже Плеса.

Сам город и его окрестности на редкость живописны. Высокий берег прорезан многочисленными оврагами, разделяющими его на отдельные горы, каждая из которых имеет название. Так, гора, на которой стояла крепость, долгое время именовалась *Соборной*. После свержения самодержавия Соборная гора стала называться *горой Свободы*. Речка Шохонка отделяет ее от другой горы, которая также носит новое название. Когда-то она именовалась *Петропавловской*, а теперь носит имя *гора Левитана* — художника, прославившего Плес своими пейзажами «Вечер. Золотой Плес», «После дождя. Плес.» и др. На склонах горы Левитана раскинулась большая *Заречная слобода* (название связано с тем, что слобода располагается за рекой Шохонкой по отношению к центральной части города).

Следует сказать, что раньше название *Плес* иногда употребляли во множественном числе (такое явление порой встречается в русской топонимии). Так, например, в записках известного балетмейстера начала XIX века А. П. Глушковского читаем: «28 сентября мы приплыли к заштатному городу *Плесь*... Жителей в *Плесах* было до 2000 душ...» (Глушковский А. П. Записки балетмейстера. М.: Искусство, 1940). Однако в старинных источниках название города приводится только в форме единственного числа, причем, как правило, в древнейшем варианте — *Плесо*: «Да сына же своего Федора благословляю, даю ему... город Кострому да город Плесо с волостми...» — 1572 год (Духовная грамота царя Ивана Васильевича IV).

Продолжая путешествие по той части «Золотого кольца», что пролегла по земле Ивановской области, мы попадаем в город *Фурманов*, названный так в честь родившегося здесь известного советского писателя, легендарного чапаевского комиссара Дмитрия Фурманова.

Город *Фурманов* возник на месте старинного крупного торгового села *Середа*. С чем связано название *Середа*? Казалось бы, оно может встать в один ряд с такими топонимами, как *Среднево*, *Середнево* и другими, которые встречаются среди русских названий населенных пунктов и обозначают характерную особенность расположения того или иного села, деревни на местности относительно других населенных пунктов или каких-то объектов физической географии — «посередине, между чем-либо». Однако топоним *Середа*, о котором идет речь, своим происхождением обязан торговой жизни села, к которому он относится. Дело в том, что здесь по средам устраивались большие базары. В 1918 году село *Середа* стало городом, в него вошло несколько сел и деревень. В 1941 году город был переименован в *Фурманов*.

*М. В. ГОРБАНЕВСКИЙ,
В. Ю. ДУКЕЛЬСКИЙ*

Рисунок С. Гавриловой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

ПАССЕРОВАТЬ

«Что означает слово *пассеровать*, встречающееся в кулинарных книгах и не встречающееся в толковых словарях. К чему употреблять непонятные слова в книгах, выходящих огромным тиражом?»

Н. М. Дудулин, Москва

Слово *пассеровать* (*пассерование*) пришло в русский язык из французского вместе с французской кухней в начале XIX века. Основное значение слова *passer* [лат. *passus*] — переходить, переезжать. Среди других значений есть — процедить, просеять (тех.), а в предложных конструкциях встречается форма *passé á la flamme* — подержать на огне (для

дезинфекции) (Французско-русский словарь под ред. А. Редкина, 1906).

«Овощи (свекла, морковь, петрушка) очистить, промыть, нашинковать и *понассеровать* в кастрюле под закрытой крышкой до полной готовности» (Маршак М. С. Приготовление диетических блюд в домашних условиях (М.: 1972). В русском языке термин *понассеровать* обозначает «обжаривание муки или овощей без жира или с небольшим количеством жира». «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (1974) дает значение *понассеровать*, -рую, -рует с пометой (кулин.).

17-томный «Словарь современного русского литературного языка» дает следующие значения:

Понассерование, я, ср. Спец. Действие по знач. глаг. *понассеровать*.

Понассерование муки.

Понассеровать, рую, руешь, прич. *понассерованный*, ая, ее, несов., перех. Спец. Обжаривать муку, овощи, коренья перед закладкой в бульон, соус, жаркое. *Понассеровать* морковь. *Понассеровать* коренья.

Вся технология процесса *понассерования* подробно описана в «Кулинарии» (М., 1955) в разделе: «Процессы, происходящие при тепловой обработке продуктов (растительные продукты)».

Естественное недоумение и недовольство читателей вызывают многочисленные издания, где кулинарная терминология в рецептах употребляется без пояснения.

Такие рецепты предложены в книге А. Титюникова и Ю. Новоженова «Советская национальная и зарубежная кухня» (М., 1977), в календаре для женщин 1980 года.

Журнал «Работница», № 1 за 1980 год дает описание супа Чобра из фасоли, для чего надо сначала «поджарить в масле мелко нарезанный зеленый или репчатый лук, добавить столовую ложку муки, чайную ложку красного сладкого перца (молотого), *понассеровать*».

Что же можно ответить на вопрос читателя? Учитывая то, что хозяйкам нелегко найти объяснение слову *понассеровать*, а главное, его технологии, вероятно, следует в книгах, написанных не для специалистов, а для массового читателя, разъяснять подобные кулинарные термины.

М. А. Еремина

В № 3 журнала за 1980 год опубликована заметка С. А. Карпухина об иллюстрациях к поэме Пушкина «Руслан и Людмила», на которых «ученый кот привязан к дубу цепью за шею». Автор считает, что «странно, даже жестоко, приковывать к дубу тяжелой (золотой!) цепью животное, заставляя бродить его с ней направо и налево, да при этом песни петь и сказки говорить. Извините, но такое не мог сделать всеми любимый поэт». С. А. Карпухин в подтверждение своего мнения приводит «убедительные доказательства» русской лексикографии:

«Ни в одном толковом словаре русского языка у предлога *по* не зафиксировано значение, аналогичное значению предлога *на* в словосочетаниях: *пасться на привязи*, *прогуливать (собаку) на поводке*, *бегать (или сидеть) на цепи* и т. п. В «Словаре языка Пушкина» из 13 значений, выделенных у предлога *по* с дательным или предложным падежами, тоже нет ни одного, близкого к указанному значению = «на привязи». Сами же пушкинские строки, о которых

идет речь, служат иллюстрацией к первому значению предлога: «Употребляется с сущ., означающим предмет, вдоль поверхности которого, соприкасаясь с ней, совершается движение кого, чего-нибудь...».

Иное понимание, по мнению автора, — «явное противоречие смыслу». Думается, однако, что «неявное». И наглядное подтверждение этому — те многочисленные иллюстрации, о которых как раз и пишет С. А. Карпухин. Можно также заметить, что толкование значений слова — вещь очень сложная и тонкая, в особенности — толкование значений предлогов. По-видимому, понимание сочетания *ходить по цепи* в значении «на цепи» совершенно исключать нельзя. Если бы противоречие было очевидно, то не о чем было бы и говорить.

*

Следует заметить, что вопрос об этом возникал и раньше. В 1934 году Ю. Тувим опубликовал замечательную статью «Четверостишие на верстаке» о своей работе над переводом Пролога. Он сначала считал, что кот привязан цепью к дубу. Вскоре, однако, поэт получил письмо от пражского слависта профессора Владимира Францева:

«Как же понимать пушкинское «на дубе»? Укреплена ли золотая цепь на стволе дерева или же произвольно развешана на его ветвях в виде свободной золотой стежки, по которой ходит ученый кот? Вне всякого сомнения, образ перед нами символический, и пушкинский кот, скорее всего, разгуливает по цепи... свободно прогуливается по цепи налево и направо, импровизируя песни и сказки. Такое высокое призвание едва ли сочетается с ошейником и цепью на шее!

Русские комментаторы поэмы Пушкина не задумывались над этой строфой пролога. Гораздо больше занимала она иллюстраторов. В собрании сочинений Пушкина (под ред. Венгерова, том I, стр. 595) помещена иллюстрация великолепного художника Крамского; под дубом сидит поэт, рядом с ним кот, вероятно, привязанный цепью, которая закручена на ствол дерева. Это — обычное понимание слов «золотая цепь на дубе том». Но дальше, на старой литографии князя Гагарина (стр. 596), поэт (Пушкин) сидит на большом камне, а напротив него, абсолютно свободный, без цепи и привязи, восседает под дубом кот. Известен мне и один рисунок в стиле народных картинок, так называемый лубок, на котором кот свободно прогуливается по цепи, расположенной на ветвях дуба» (Мастерство перевода. М., 1965, с. 349—350).

Заметка С. А. Карпухина вызвала многочисленные отклики чи-

тателей. Например, К. И. Огнева (Белая Церковь, Киевская обл.) считает, что «художники неправы, приковывая всеми любимого кота, хотя бы и золотой цепью, к дубу» и что «пора кота освободить от оков». В заключение высказано пожелание: «Итак, Кот (с большой буквы он должен быть, ведь он ученый) пусть в будущем будет без оков».

В. П. Бабурин (г. Лисичанск, Ворошиловградская обл.) уверен, что «Пушкин не мог приковать свободолюбивого кота».

Однако далеко не все читатели приняли доказательства С. А. Карпухина. Т. Слепнева (г. Горький) не может представить себе кота, ходящим по цепи, как по канату. «Да чтобы только развесить эту цепь на ветвях дуба, нужно, наверное, немало помудрствовать (это как бусы на новогодней елке, что ли)...». Тем, кому показалось странным (даже жестоким) привязать кота к дубу, Т. Слепнева возражает: «Извините, но не менее страшно и жестоко заставлять кота эквилибрировать на цепи, развешанной между ветвями дуба. Бедный кот!».

А. М. Чехета (г. Ленинград) золотая цепь на шее кота совсем не волнует: «как раньше, так и теперь носят женщины цепочки, да еще мечтают о более тяжелых...». Далее А. М. Чехет указывает «четырнадцатое значение» предлога *по*, «ныне почти не употребляемое»: «ходить по цепи» — быть прицепленным... и добавляет: «Пушкин с его удивительным чутьем русского языка выбрал в данном случае предлог *по*, потому что он окрашивает, быть может, вследствие своей архаичности, цепочку (и, увы, наверное, с ошейником) в мягкие пастельные тона, по сути дела превращая ее в простой поводок». Превращает предлог *по* цепь в поводок или нет — пока не ясно. Как бы там ни было, но многим, как замечает директор школы А. Чижов (г. Ряжск, Рязанская обл.), «при чтении пушкинских строк почему-то представляется кот, привязанный на цепи».

Любопытно и другое. В. П. Бабурин в своем письме вспоминает о рассказе-объяснении его бабушки: «У кота на шее не было ошейника, золотая цепь лежала поодаль вокруг дуба. А кот ходил внутри этого круга. Круг оберегал его от нечистой силы...». Действительно, дуб, круг (рисованный или образованный цепью) — все это очень символично и значимо в фольклоре. Вспомним также, сколько народных представлений, суеверий и прочего связано с образом кота или кошки, не говоря уже о сказочной их роли.

Эти замечания, сомнения, возражения заставляют искать аргументы в другом направлении. Кажется, что проблема могла бы быть решена, если бы удалось установить, какой образ рисовал поэт, какой образ был перед его глазами, в его воображении. Практически речь идет о фольклорных источниках образа. К счастью для нас, тема «Пушкин и фольклор» хорошо разработана усилиями ряда за-

мечательных филологов. Они показали, что Пушкин интересовался, изучал, прекрасно знал произведения устного поэтического творчества народа. Широко известны строки поэта из письма Л. С. Пушкину (первая половина ноября 1824 года из Михайловского в Петербург): «Знаешь ли мои занятия? до обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!».

Естественно возникает вопрос: нет ли среди диковинок Пролога образов волшебной сказки? Оказывается, есть.

Н. Е. Ончуков, записывая северные сказки, встретил в Архангельской губернии А. В. Чупрова, старика лет семидесяти, рассказывавшего складно, строго соблюдая обрядность. От него исследователь записал сказку про Федора-царевича. Вот вкратце ее содержание:

«Жил был царь на ровном месте, как на скатерти. Был он холост, не женат. Надел на себя царь цветно платье и пошел себе богосужону невесту выбирать. Зашел в дом к трем девицам, спросил у каждой: «Што ты умеешь роботать?». Одна сказала, что умеет шелком шить, другая — умеет состряпать-испекчи и сварить, а третья обещала двух сынов (по локоть руки в золоте, по колено ноги в серебре). Вскоре после венчанья царя спросили в ино государство на совет, и он уехал, а жена в это время родила двух сынов. Послали к царю слугу, но сделалась буря-погода, и слуга зашел в тот дом, из которого была царица взята. Сестры царицы предложили господину слуге в баенке попариться, а послание подменили: «Царица без царя принесла — родила суку да пса». Позже царицу с сыном Федором посадили в бочку и спустили в синёе море».

Читатель, конечно, уже узнал сюжет сказки о царе Салтане. Обратим особое внимание на мотив диковинок. Корабельщики-купцы рассказывают, что прежде они на острове Буяне ничего не видели, а сейчас там живет молодец с женщиной, и у них из лисиц, из куниц шатер, и то чудо, то диво. И новая царица (та, что умела шелком шить) возражает: «Это какó чудо, какó диво: среди моря есь остров, на острову есь сósна, на этой сósне ходит белка, — на вершиночку идет, песенки поет, на комелёк идет, сказки сказывает и старины поет. У этой белки на хвосту байна, под хвостом морё, в байне вымоишься, в мори выкупаишься; то утеха, то забава» (Ончуков Н. Е. Северные сказки. — Записки императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т. XXXIII, СПб., 1908, с. 24—26).

М. Азадовский в связи с этим замечал: «Этот текст записан в конце XIX века, и потому возможно, что эта контаминация образов и замена кота белкой произошла уже под влиянием пушкин-

ского „Салтана“ (Азадовский М. Литература и фольклор. Л., 1938, с. 279). Фольклорист имел в виду одну сказку из собрания А. Н. Афанасьева, где диво описано следующим образом: «Зеленой сад, в том саду мельница — сама мелет, сама веет и пыль на сто верст мечет; а возле нее стоит золотой столб, на нем висит золотая клетка и ходит по тому столбу ученый кот, иной вариант: «морской кот-баюн»: вниз идет — песни поет, а вверх поднимается — сказки сказывает; голос его за три версты слышен». М. Азадовский указал и другие аналогии. Например, у сибирской сказительницы Винокуровой: «Столб стоит, на этом столбе кот-самоговор; он тебе и про задне и про передне (т. е. про прошлое и про будущее) все расскажет».

В сказке белозерского сказочника Г. Е. Медведева, записанной и изданной Борисом и Юрием Соколовыми, соответствующий эпизод представлен так:

«Корабельщики подъезжают к тому царству, в котором и раньше приставали. А государь встретил их еще раньше того и спрашивает их: «Не видали ли вы шатушшей боцьки на море?» Они сказали, что бочки мы не видали, а видели только диво дивное да цюдо цюдное. «А раньше проезжали мы этим местом стоял остров на пятнадцать верст, а топерь как столовая доска сделано это место и поставлен дом семь раз краше и барше вашего дворца. Созвал молодец нас обедать по колена ноги в серебре, по локоть руки в золоте, по косицам цысты звездоцьки, а в затылке светлый месяц, а во лбу красное солнышко, где молошная река — сахарные берега; и стоит дуб, где ходит кот, вверх идет — песни поет, а внизу идет сказки сказывает» (Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915, с. 65).

В Кирилловском уезде Соколовы услышали такую присказку: «Было это дело на море, на океане; на острове Кидане стоит древо золотые маковки, по этому древу ходит кот Баюн,— вверх идет, песню поет, а вниз идет, сказки сказывает» (там же, с. 249).

В этой связи можно также вспомнить и стихотворную сказку Г. Державина «Царь-девица», Эта девица гуляла «в рощах злачных, в лукоморье», где ни мошки, ни кузнечики ей не мешали дремать,

И по веткам птички райски,
Скакивал заморский кот,
Пели соловьи китайски
И жужукал водомёт.

Во всех случаях видим свободолюбивого кота без ошейника, он свободно ходит, скачет, поет. Фольклорная основа картины, нарисованной Пушкиным, также очевидна. Но наиболее весомым и показательным может быть следующий факт.

В 1855 году П. В. Анненков издал «Материалы для биографии А. С. Пушкина». В приложении он поместил сказки Арины Родионовны, записанные Пушкиным; прежде всего — сказку, послужившую основой для сказки Пушкина о царе Салтане:

«Некоторый царь задумал жениться, но не нашел по своему праву никого; подслушал он однажды разговор трех сестер. Старшая хвалилась, что государство одним зерном накормит, вторая, что одним куском сукна оденет, третья, что с первого года родит 33 сына...». Дальше известно: мачеха подменила письмо к царю, «в косм писала, что царица разрешилась не мышью, не лягушкой, неведомой зверюшкой...». А чудо выглядит так:

«...у моря Лукоморья стоит дуб, и на том дубу золотые цепи и по тем цепям ходит кот, вверх идет — сказки сказывает, вниз идет — песни поет».

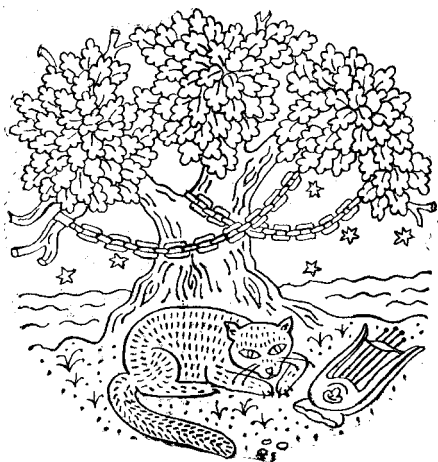
Множественное число слова *цепь* совершенно исключает возможность того, что кот был «прикован».

*

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что ни наши пушкинисты, ни лексикографы не ошибались, что их выводы и наблюдения подтверждаются также и фольклорными материалами.

В. В. ОДИНЦОВ

Рисунки В. Леонова

В ПОВЕСТИ когда-то хорошо известного и популярного, а ныне почти забытого русско-го романиста первой четверти XIX века В. Т. Нарезного «Два Ивана, или страсть к тяжбам» (1825), посвященной «малороссийской жизни», тематика которой впоследствии была разработана Н. В. Гоголем, в описании ярмарки встречаем загадочное слово *подписчик*:

«Уже посетители наши обошли несколько раз вдоль и вокруг ярмарочной площади; уже оба Ивана и некоторые из сопутчиков запаслись батуриным табаком; уже супруги их в обеих руках держали по коробочке с шелками, иглолками и булавками; уже на руках дочерей блистали серебряные перстни: как вдруг, при вступлении в главную улицу, показался пан Харитон со всеми домашними и множеством гостей обоего пола, в числе коих отличались — о ужас! — сотенной канцелярии писец Андрей и с ним два *подписчика*».

В свое время на этот контекст обратил внимание академик В. В. Виноградов, который занимался историей слова *подписчик* в русском языке (статья «Из истории русской литературной лексики»; опубликована в 1949 году в восьмой книге «Докладов и сообщений филологического факультета» Московского университета). Учитывая, что слово *подписчик* в приведенной цитате не укладывается в рамки опреде-

Слово
ПОДПИСЧИК
у В.Т.Нарезного

лений словарей первой половины XIX века («Словарь Академии Российской» 1806—1822 гг. и «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г.): «Кто обязался к чему подпискою», «кто под руку, под почерк чей подписывается» или «подделывающийся под чужой почерк, составщик фальшивых документов», — В. В. Виноградов считал, что загадочные два *подписчика* — это «два свидетеля, скрепляющие своею подписью документ, сделку, акт, тяжбу (?)». Других случаев фиксации слова *подписчик* в этом значении В. В. Виноградов не приводит и не увязывает этот пример с общей историей слова, поэтому пример остается изолированным и вызывает некоторые сомнения.

Остается неясным, на основании каких признаков из числа гостей пана Харитона Занозы были выделены два заранее заготовленных свидетеля, тем более, что последовавшая за этой встречей драка не была никем из героев романа «запланирована». Не учитывается, что действующих с ним заодно своих подписчиков *писец* Анурий называет челядью. Также остается неясным, почему в дальнейшем изложении обнаруживается совместность действий *писца* и *подписчика*: «...из брички сошли на землю сам пан сотник Гордей с есаулом, а из кибитки *писец* Анурий с *подписчиком*». Далее загадочным *подписчикам* дается более точное определение: «один из оставшихся канцелярских *подписчиков*», а слуга пана Харитона Занозы Лука, собираясь побить этого *подписчика*, в своем внутреннем монологе рассуждает еще более определенно: «Твой пан лишился хутора за то, что поколотил *писца* Анурия; а если ты осмелишься коснуться до *подписчика* войсковой канцелярии, то с живого сдерут кожу!». Здесь уж четко виден своеобразный параллелизм: *пан — слуга и писец — подписчик*.

Последние примеры указывают, что *подписчик* скорее был должностным лицом, чем случайным свидетелем, который действительно *подписывал* свои свидетельские показания.

Кроме того, представляется необходимым учесть, что цитируемое произведение В. Т. Нарезного, уроженца Украины, связано с «малороссийской» (украинской) тематикой и включает в свой состав отдельные украинские элементы, что обязывает обратить внимание и на факты украинского языка, о чем речь пойдет дальше.

Уже в первом процитированном контексте противопоставлены — в одном, впрочем, ряду — *писец* «писарь» и загадочные *подписчики*, отношение между которыми напоминает противопоставление *судья — подсудок*, *прапорщик — подпрапорщик*, *поручик — подпоручик*, *есаул — подъесаул*, *полковник — подполковник*, *лекарь — подлекарь*, *пастух — подпасок*, *пекарь — подпекарь* и т. п. В этом ряду приставка *под-* придает существительным, к которым она присоединяется, указание на подчинение, приближение

к чему-то по свойствам. Иногда присоединение приставки сопровождается также добавлением к приставочному образованию уменьшительного суффикса, в данном случае как бы усиливающего значение приставки, которая также обозначает ослабление каких-то свойств у понятия, выражаемого исходным (производящим) существительным.

Следовательно, если писцом назывался писарь, главный в канцелярии, то его помощники именовались *подписчиками*. В этом последнем названии чиновника следует выделять исходную (производящую) основу *пис(е)ц* с чередованием последнего согласного *ц/ч* (этот согласный восходит к суффиксу *-(е)ц*), к которой были добавлены приставка *под-* и суффикс *-ик*. К ряду *подписать* — *подписаться* — *подписка* — *подписчик* В. В. Виноградов отнес его ошибочно: «Слово *подписчик* воспринимается нами как производное от глагола *подписать* — *подписаться* (ср. *подписка* на газеты; журнал высылается по подписке; ср. *подписной*)» (См.: Виноградов В. В. Из истории русской литературной лексики. — Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. М., 1949, кн. 8). Анализируемое слово В. Т. Нарезного отношения к названному ряду не имеет, поскольку было неправильно определено его значение.

Слово *подписчик* из повести «Два Ивана, или страсть к тяжбам» имеет совсем другую структуру и соотносится только со словом *писец*, от которого оно и произведено одновременным присоединением приставки *под-* и суффикса *-ик*, причем чередование *ц/ч* в конце основы как бы затемнило его происхождение. К тому же следует помнить, что образовано-то это слово было не на русской, а на украинской почве, что и привело к ошибке русского ученого.

Современные украинские словари (переводные и толковые) не фиксируют украинского слова, которое послужило прообразом для введенного в повесть В. Т. Нарезного (в несколько русифицированном виде) существительного *подписчик*. Однако современник В. Т. Нарезного украинский писатель и лексикограф П. П. Белецкий-Носенко (1774—1856) в своем Малороссийском словаре привел его в ряду слов *пидписокъ*, *пидписчикъ*, *хисарчукъ*, *подписокъ* с общим значением «канцелярист» (См.: Білецький-Носенко П. П. Словник української мови. Київ, 1966, с. 280, 282, 287).

Следовательно, русское существительное *подписчик* «лицо, выписывающее и получающее какое-нибудь печатное издание», и русифицированный украинизм из повести В. Т. Нарезного «Два Ивана, или страсть к тяжбам» *подписчик* «помощник писца, писаря» — это лишь всего два межъязыковых словообразовательных омонима.

На понимание слова подчас оказывает довольно сильное влияние его орфографическое оформление, которое порождает неожиданные смысловые ассоциации и, вследствие этого, различные исто-

рико-этимологические каламбуры, вводящие читателя в заблуждение.

В книге востоковеда П. П. Бушева «История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586—1612 гг. (по русским архивам)» (М., 1976, с. 316) при перечислении выехавших 5 июня 1598 года из Гиляна в Астрахань членов посольства В. В. Тюфякина и С. Емельянова упомянут «пищик Иван Васильев» и дано в подстрочном примечании ошибочное предположение: «Пи щ и к — возможно, оружейный мастер, от слова пицаль». Своеобразие фонетического написания *пищик* вместо морфолого-этимологического *писчик* (уменьшит. от *писец*) при их одинаковом фактическом прочтении (звучании) привело к ложному сближению слова *пищик* с существительным *пицаль*, невозможному в словообразовательном плане. Конечно же, *писчик* — это «младший писец» и к пицальям прямого отношения не имеет. К тому же включение в состав посольства особого оружейного мастера-специалиста по пицальям требует дополнительного обоснования хотя бы в виде аналогий.

Приведенные примеры указывают на необходимость тщательного изучения слов, обозначающих лицо в связи с действием *писать*, начатого в заметке Н. В. Чурмаевой «К истории слова *писарь* в русском языке» (Сб. «Русская историческая лексикология». М., 1968).

И. Г. ДОБРОДОМОВ

Рисунок В. Комарова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Отличаются ли по значению слова *нарочно* и *нарочито*?»
Б. Н. Сидоров, Брянск

Эти однокоренные наречия отличаются друг от друга по значениям и употреблению.

Нарочно — значит «с целью, с определенным намерением», а также «в шутку, для видимости» (*он опоздал нарочно; не сердись, это я нарочно*).

Нарочито — значит «с показной подчеркнутостью». Например: *он был нарочито вежлив*.

Середина лета

Июль — самый жаркий месяц лета: *сенокóрник, страдник, липец* (цветет липа), *макушка лета, средолетье, межень*.

Слово *межень* в русских говорах определяется так: «время от Иванова дня до Ильина дня», «летнее время», «середина, самый разгар лета», «самое засушливое время в летний период», «жаркая пора летом».

В Древней Руси слово *межень* также значило «середина лета»: «А куда пошло судии твоему ездити по волости, ехати имъ *межень* по Петровъ дни» (Две договорные грамоты Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем. 1264—1265 гг.).

В июне-июле устанавливаются самые светлые, длинные, *меженьные дни*. В соликамских говорах *меженьный день* значит «самый длинный летний день»: «*Меженьные дни* — дак это самые долгие дни; в июне, в юле; когда дни-те будут прибывать да, убывать да; на межах-ту, туда и сюда — *меженьные дни*».

К *межени* реки мелеют, уровень воды становится постоянным. В донских говорах, например, слово *межень* обозначает «обычный уровень воды в реке, озере после весеннего спада»: «*Межень* бы-вайт только летам, вада на адном уравни».

Вот несколько народных наблюдений (уральские говоры), касающиеся *межени*: *в это время хорошо берутся мочала, хорошо вустеет масло; меженьный мед пчелы берут со всех трав*.

Обычно в *межень* устанавливается жаркая солнечная погода —

вёдро. Слово *вёдро* в русских говорах обозначает обычно ясную, сухую, солнечную погоду; например: московское *вёдрышко* — «хорошая, ясная погода», архангельское *вёдренье*, *вёдрие* — «сухая, ясная, хорошая погода в летнее время» (Петух не в пору поет — к *ведрию*). В рязанских говорах (деревня Деулино) есть выражение *каменное ведро* (или *день, небо*). Оно относится к устойчивой, хорошей погоде с безоблачным небом. В Псковской области об облаке, туче скажут *ведренное*, *-ая* — «не несущее (-ая) дождя» (А то бывають *вёдреныи* и *воблаки*; *аблака* белым кучкам, значит *вёдра*).

В Древней Руси слово *ведро* имело, как показывают памятники письменности, два значения: «сухая, ясная погода» («Во градъ же Чръниговъ бысть въ тѣ четыре дни *ведро*, и воздухъ благорастворень, и кротко, и тихо, и свѣтлость велія зѣло» — Никоновская летопись, 1159 г.); «засуха, жара» («Томъ же лѣтъ стоя всѣ лѣто *ведромь* и пригорѣ всѣ жито» — Новгородская I летопись, 1161 г.).

Слово *vedro* общеславянское. Некоторые ученые связывают его с древневерхненемецким *Wetar*, нововержненемецким *Wetter* «погода» (см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка).

Вот несколько пословиц и поговорок, связанных со словом *вёдро*: *Не всё ненастье, будет и вёдро*; *Где гроза, тут и вёдро*; *После грозы вёдро, после горя радость*; *Охотник вёдра в тороках не возит*; *С заказным вёдром не далеко уедешь*; *В дождь избы не кроют, а в вёдро и сама не каплет*; *На сердце ненастье, так и в вёдро дождь*; *То и счастье, что иному вёдро, иному ненастье*; *По ненастью лыко драли, по вёдру лапти плели*.

В середине лета особенно ярко сияет солнце — *красит* (ярославские, вологодские говоры): «Пойдемте в захолустье (в тень, в холодок), там солнце не *красит* (не печет)». О летних ведренных днях во многих местах говорят: «Настали *красные* деньки». В Подмосковье скажут о ясной погоде: *красно* («Красно — это когда на улице солнце светит, вот как сегодня, *красно, жарко*»). В архангельских говорах *красновёдряный день* — «красный, ведряный», *украшливый* (о погоде) — «солнечный, ясный». В тех же говорах написано словосочетание *устройный денёк* в значении «красный, теплый».

В жаркий солнечный день в воздухе заметны бывают солнечные переливы. В Псковской области их называют *ведрянками*. О движении воздуха в жаркий день на Дону скажут: «*Парусы* бягутъ, воздухъ движьца».

Для середины лета характерны обычно звойные, душные дни. Вспомним строки А. С. Пушкина (Осень):

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи...

Солнечную, жаркую, засушливую погоду называют в русских говорах: *жары*, *жариха*, *жаруха*, *жарыще*, *жарынь*, *жарюга*, *жарбта*. В Новосибирской области о длительной летней жаре скажут: *перегар* («Счас бы дождя, с *перегару* бы все росло»).

Во многих говорах русского языка жара, зной носят название *вар*; *варить* (псковские, рязанские, курские и др. говоры) — «сильно жечь, печь (о солнце)»; в мезенских говорах *варá* — «поднимающиеся в жару испарения из земли на низменных местностях, также дым и мгла во время лесных пожаров».

Слово *варъ* в древнерусском языке также значило «жар, зной»: «Ни мразъ, ни *варъ*, ни вѣтръ побѣди терпѣния его». (Пролог, XIV в.).

Зной, жара обозначаются также словом *пáрево* (псковские, тверские говоры), *парун* (архангельские говоры), *пáреница* (кольские говоры). *Парит на дворе* или *солнце парит* — «знойно, жарко, печет» (бытует повсеместно).

Жаркая, знойная погода в некоторых говорах называется *мáревом*. Вот как определяется значение этого слова в Словаре В. И. Даля: *мáрево* — «зной, при мутной белизне воздуха, с мрачностью, мглою низших слоев его и малой прозрачности; сухой туман»; *мáрить* — «*Марит* в знойное лето, когда все изнемогает от припека солнца, земля накаляется, нижние слои воздуха пламенеют и струятся, искажая отдаленные предметы, которые мельтешат, играют; *марит* перед грозю, когда воздух душный, пот и слабость одолевают...».

Жаркая, знойная погода в говоре деревни Деулино (Рязанская область) называется также словом *томá*: «Жарка, тамá, шшас заkáпил [дождь]».

Слово *ма́йник* в псковских, тверских говорах значит «майный день — жаркий, утомительный», *майно*, *майко* — «томительно, знойно, жарко», *мает* — «жарко, майно».

Месяц июль, кроме названий *сенозárник*, *лiпец*, *страдник*, имеет в русских говорах еще наименование *грозник*. В июле очень часты сильные грозы. Одно из ранних употреблений слова *гроза* мы встречаем в памятнике русской письменности XII века — в «Слове о полку Игореве»: «Солнце ему (Игорю) тьмою путь заступаше; ночь, стонуци ему *грозю*, птичь убуди...». В этом отрывке описывается состояние природы во время солнечного затмения, сопровождавшего начало похода Игоря Святославича (поход проходил в конце апреля, начале мая).

А вот фрагмент из северного русского «Плача о убитом громомолвией», в котором содержится поэтическое описание приближения грозы:

С утра жалобно ведь солнце воспекала
Была тишинка на широкой на улочке;
На часу вдруг тут е да объявилось,
Стало солнышко за облака туляться,
Наставала туча темна — неспособная
Со громом да эта туча со толкучиим
Вдруг со молвией — то тученька свистучей
Со зтым огнем да она плящим.

(Барсов Е. В. Причитанья Северного края. Часть I, М., 1872).

В древнерусском языке для обозначения как грозы, так и грома было также слово *тутънъ* (*тутънъ* = *тутенъ* = *тутонъ*): «Быс громъ великъ и тоутънъ и дъжгъ великъ» (Паримейник, 1271 г.). Это слово, как отмечается в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера, звукоподражательное по своему происхождению и родственно древневерхненемецкому *donar* «гром». Ср. немецкое *Donnerwetter* «гроза», собственно, «громовая погода».

Из диалектных названий грозы приведем такие, как *осадный гром* (забайкальские говоры), *громовой дождь* (новосибирские говоры), *божья милость*, *благодать* (преимущественно северные говоры), *пáгроза*, *пáгрозка* — «небольшая гроза» (северные говоры).

С грозой связаны такие приметы: *На Благовещенье гроза — к теплomu лету, урожаю орехов; На Марию Магдалину в поле не работают, гроза бьет; Сильные грозы с градом предвещают обильный урожай груздeй; Если первая весенняя гроза будет на востоке, ожидай хорошего урожая хлебов; если на юге — умеренного, а на западе — будет недород.*

Одна из наиболее ранних фиксаций слова *гром* в русских памятниках письменности — в Синайском патерике (XI—XII вв.): «И по дъвою дньню мълнии бивъши, и грому велику зъло». Гром в древнерусском языке назывался также *гремъние*, *грѣсновение*.

В русских диалектах удар грома носит название *вереск* (новгородские, свердловские говоры): Березу *вѣреском* расколело, а ребят около ее оглушило. Слово *верескать* (ср. *верещать*) было записано в вологодских говорах в значении «гремять (о громе)»; в онежских слово *громбн* записано в значении «гром».

С громом у древних славян были связаны разные поверья. По свидетельству Словаря В. И. Даля (3-е издание), в старину была книга *громбвник* — «гадательная книга для предсказаний по ударам грома». В «Слове и поучении против язычества» (XV—XVI вв.) так писали о *грѣмнике* (вероятно, то же, что и *громбвник*): «А се душевнни грѣси... вѣровати... в стрячу и в сновидѣниа, громник, колядник, птичьи чарове»,

Древние славяне верили, что находимые ими на земле белемниты (раковины головоногих моллюсков), или *чертовы пальцы*; *фульгуриты* (камнеобразные или стекловидные сплавы песка, образовавшиеся от удара молнии), а также каменные орудия первобытного человека, падают с неба с ударами грома. Каменные орудия в вятских говорах носят название *громовки*, а белемниты, *фульгуриты*, а также треугольные камешки, находимые в поле, в архангельских, вятских, саратовских, тамбовских говорах называются *громовыми стрелами*: «*Стрелы громовы находят, возят с собой...*». В забайкальских говорах *громовые стрелы* — «крупные, черные, удлиненные, хорошо ограненные кристаллы горного хрусталя (кварца), сброшенные, по народному поверью, пророком Ильей во время его поездок по небу, вызывающих гром».

Считалось, что *громовые стрелы* охраняли человека от удара молнии. Им приписывалось лекарственное действие: их кипятили в воде, которая приобретала будто бы целебные свойства.

Богом грома, или *громовником*, на Руси был Перун. Наши предки чтили Перуна как главного бога. После введения на Руси христианства функции Перуна были перенесены народом на пророка Илью (Илья-громовержец), который, согласно библии, был владыкой стихий (Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956).

В старину на Руси справлялись и громовые праздники; наиболее чтимым был день Ильи-пророка (2 августа), который называли *громовым днем*, *громопроводцем*, *громопроводителем*. Во время громовых праздников запрещалось работать.

С громом связано много интересных народных примет: *Гром и молния растят на поле хлеб; Гром зимой к сильным ветрам; На Святой гром к урожаю; Первый гром в постный день — коровы будут недоины; Если весной первый гром застанет рыбу подо льдом, то будет большой улов; Если первый гром загремит, когда еще не стаял лед на озерах, то будет год урожайный; Первый гром при северном ветре — холодная весна; при восточном — сухая и теплая; при западном — мокрая, при южном — теплая, но много будет червя, насекомых.*

Но вернемся к северному русскому плачу «О убитом громомолнией». Гроза уже приблизилась к деревне, в которой «с тучи добрыи дома да пошатились», и далее:

На чисто поле тут туча своротилася,
Страшно ужасно тут туча разгромелася,
Очень плящии огни да разгорелися;
Все ведь думал-то спорядной наш суседушко
Тороком да пройде темна эта тученька;
Становился под кудряву деревиночку...

Стрела божия тут вдруг да разлетелася,
Не на воду ведь стрелушка, не на землю,
Не на зверя в темном лесушке съедучего,
Она пала на соседа спорядового —
Изорвала все ретивое сердечушко.

Стрела божия в данном отрывке — молния. В северных же (кольских) говорах молния — *громовая стрела*, в архангельских — *Божья благодать*, в тверских — *гроза*: «Гроза-то залетела на двор, корову и теленка убило, а лошадь только параличило».

Слово *молния* в русских говорах употребляется в формах *мбл-ния*, *мблбнья*, *молбнье*, *молбнье*, *молбшка*, *маланья*, *мблна*, *мблня*, *мбуння*, *мблвия*. В говоре деревни Деулино (Рязанская область) словосочетанием *молонья рассыпистая* или *распльвня*, *расстиль-ная* называют молнию в виде зарева; *молонья серпом* — «серповидный контур молнии». В кольских говорах *огонь-молния* — «яркая сильная молния»; в брянских говорах *сухая молния* — «зарница в июле».

Одно из ранних упоминаний слова *молния* в русской письменности — в Новгородской летописи под 1157 годом: «На тоу же осень зъло страшно бысть, громъ и мълния...». А вот любопытное метеорологическое наблюдение, касающееся молнии, из Ростовской летописи (1482 г.): «Месяца февраля 2 в недѣлю мясопустную за полтора часа до свѣта ноци *молониа*... сияла». Интересны некоторые значения слова *молния* в других славянских языках. Так, у верхнелужицкого *milina*, кроме значения «молния», есть значения «зарница; северное сияние», у чешского *mlna* — значение «блеск», у кашубско-словинского *młńń* — значения «молния без грома», «мгла обычно утренняя», «призрак в различных образах, например: дьявола, пса с огнем в пасти», «колеблющийся свет». Интересны поверья, связанные с молнией, у кашубов: *Молния предсказывает голодное время; Где падает молния, там ничего не растет; Молнией управляет ясный блеск, сияние, бьющее из ада всякий раз, как отворяются и захлопываются его ворота*.

Из других названий *молнии* в славянских языках можно упомянуть русские диалектные *бл(и)скáвица*, *блískáвка*; древнерусское *блѣскъ*; болгарские *веда*, *светкавица*; сербское *сйáвица*, *свѣтлица*.

Т. В. ГОРЯЧЕВА

Рисунок В. Толстоногова

Для большинства людей слово *концерт* имеет два основных значения. Первое — «публичное исполнение музыкальных или иных произведений». Второе — «музыкальное произведение для одного или нескольких солирующих инструментов с оркестром». Последнее толкование, правда, не охватывает всего многообразия произведений, названных своими авторами *концертами*. В XVII — начале XVIII века, например, наряду с инструментальным концертом существовали заметно отличающиеся от него вокально-инструментальный, а также хоровой концерты.

Однако слово *концерт* обладает и не связанными с музыкой значениями. Так, еще совсем недавно оно употреблялось как дипломатический термин, обозначающий согласованность действия нескольких государств. Например, во 2-м томе «Истории дипломатии» под редакцией В. П. Потемкина (М.: 1945) можно прочитать следующее: «...державы по инициативе России потребовали у Порты, чтобы она немедленно... заключила перемирие с Сербией. На это выступление «европейского концерта» турецкая дипломатия ответила своеобразным маневром». (Речь идет о событиях, предшествовавших вступлению России в войну на Балканах в 70-х годах прошлого столетия). Без кавычек этот дипломатический термин употреблен при описа-

КОНЦЕРТ

-И СОСТЯЗАНИЕ,

-И СОГЛАСИЕ

нии тех же событий в 7-м томе «Истории XIX века» под редакцией академика Е. В. Тарле (М.: 1939): «Серьезность положения побудила Россию круто изменить свой образ действий. Отделившись от концерта европейских держав, она одна выступила против турок».

Как дипломатический термин слово *концерт* зафиксировано в некоторых вышедших несколько десятилетий назад словарях: например, в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (М.: 1935), в «Словаре иностранных слов» (М.: 1949).

Кроме того, *концерт* — по-итальянски *Il Concerto* — это название довольно широко распространенного в западноевропейской живописи XIV—XVI веков сюжета. На картинах изображены поющие и играющие на музыкальных инструментах ангелы или люди. На большинстве полотен публика отсутствует. Рассматривая эти картины (например, «Сельский концерт» итальянского живописца Джорджоне), не всегда можно говорить об исполнении музыки: музыканты лишь держат свои инструменты в руках, но не играют на них. Смысл такой картины в изображении гармонии, согласия, объединяющих отдельные фигуры. Певцы же и инструменталисты — это аллегория Музыки, которая с античных времен понималась в качестве символа мировой гармонии и гармонии человеческих отношений. Объединяющее согласие изображено и в работе фламандского художника Ф. Снейдерса «Птичий концерт». На этой картине (она хранится в Эрмитаже) изображено множество различных птиц — от громадного орла до маленькой пичужки, здесь нет хищников и их жертв, — все поют, мирно расположившись друг подле друга.

Концерт — заимствованное слово, пришедшее в русский из западноевропейских языков. М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» указывает, что в значении «соглашение» это слово употреблялось при Петре I. Есть все основания полагать, что в дипломатическом значении оно вошло в русский язык в период активного освоения форм западной культуры и обслуживающих их понятий. Однако музыкальный термин *концерт* имел хождение на Руси уже в допетровское время. Одним из наиболее ранних свидетельств бытования его в русском языке является грамота 1664 года патриарха Никона к начальствующим лицам Иверского монастыря, где он просит «прислать к нам в Воскресенский монастырь... осмоголосные псалмы... да трехголосные *концерта*...» Эта цитата приведена Вл. Протопоповым в приложении к книге «Николай Дилецкий. Идея грамматики мусикийской» (М.: Музыка, 1979). В своей книге (на русском языке она появилась в конце 70-х годов XVII века) украинский музыкальный ученый Дилецкий дал «науку творения» жанра партесного, то есть созданного для нескольких хоровых пар-

тый концерта на духовные тексты, с которым связано окончательное утверждение многоголосия в русской музыке.

Интересно, что музыкальный и дипломатический термины вошли в русский язык не только в разное время, но и из разных языков: первый из польского, второй, как свидетельствует Фасмер, из немецкого. Поскольку же польское *koncert* и немецкое *Konzert* (или по старой орфографии *Conzert*) произносятся одинаково, различие источников не привело к возникновению в русском языке двух звуковых форм слова. Правда, в конце XVIII века в русском языке зафиксировано эпизодическое произношение слова *концерт*, возникшее под влиянием французского *concert*. Например: «Кто приезжал на них (вечера,— Л. Б.) в девять или в десять (часов вечера), хозяин тотчас спрашивал: «А что так поздно?» Ответ бывал: «Театр или концерт задержал, кареты не дождался!» (Макаров. О времени обедов, ужинов и съездов в Москве с 1792 по 1844 год.— Щукинский сб., вып. 2, М.: 1903). В то же время итальянское произношение слова *concerto* — *кончерто* не оказало влияния на его звучание в русском языке, хотя подавляющее большинство русских музыкальных терминов заимствовалось в XVIII веке именно из итальянского языка. Впрочем, сейчас в русский язык вошло словосочетание *кончерто грассо* (от ит. *concerto grosso* «большой концерт») — название одной из разновидностей старинного инструментального концерта.

Закономерен вопрос: каким образом такие явления, принадлежащие к столь далеким друг от друга сферам человеческой деятельности, как музыка и дипломатия, могли включить в свою терминологию одинаковое название?

Многозначность слова *концерт* сложилась в западноевропейских языках и в своих основных чертах была передана русскому языку. Она связана с весьма интересной этимологией слова. Итальянское существительное *concerto* означает «соглашение, гармония, объединение, концерт». Первоначально оно не было музыкальным термином, да и сейчас широко используется вне музыкального контекста, как и производные от него слова в других европейских языках. Например, французский глагол *concerter* переводится как «согласовывать», а в современном английском языке один из вариантов фразы «делать что-нибудь сообща» может буквально прозвучать как «делать что-нибудь в концерте друг с другом». «Бытовое» значение «согласия», «согласованности» предопределило широту употребления термина *концерт*. Это объясняет, в частности, почему *концертами* стали называться дипломатические соглашения.

Общепринятые сегодня музыкальные значения слова появились довольно поздно. Многие картины на сюжет II *concerto* написаны задолго до того, как слово утвердилось в качестве музыкального

термина. Так, упомянутая выше картина Джорджоне «Сельский концерт» была написана около 1509 года, тогда как первые музыкальные произведения, названные *концертами*, появились незадолго до конца XVI века, а применительно к публичному исполнению музыки этот термин стал употребляться еще спустя столетие... Поначалу слово *концерт* использовалось в музыке по отношению к ансамблю, то есть объединению голосов или инструментов. Затем оно превратилось в общее наименование ряда музыкальных жанров, сохранив за собой как основное значение «ансамблевости»: в произведениях, названных *концертами*, предполагается участие нескольких вокальных или инструментальных партий, звучание должно быть согласованным, гармонически упорядоченным. Очень выразительно говорит об этом автор книги, переведенной в конце XVIII века с французского языка на русский: «В большом концерте бывают слышны попеременно многие голоса и многие инструменты, что особенно изображается словом *согласовать с я...*» (Стой И. В. Начальное руководство к наставлению юношества... М.: 1793).

Итак, семантика согласия, гармонии, казалось бы, и является тем общим, что объединяет между собой различные значения слова *концерт*. За одним исключением. Дело в том, что в музыкальных словарях концерт производят от латинского глагола *concertare*, который означает нечто совсем противоположное, нежели итальянское существительное *concerto*, а именно: «бороться, соревноваться». Соревнование, соперничество — солиста с оркестром, нескольких солистов друг с другом и т. п. — является характернейшим признаком концертного жанра, отличающим его от других видов многоголосных произведений. Дилецкий, например, называя *концертом* «гласа со гласом брание».

Чем же на самом деле является концерт как музыкальное произведение — соревнованием вокальных или инструментальных голосов или их согласием?

Каким образом латинский глагол *concertare* породил в современных европейских языках противоположные ему по значению слова, сказать трудно. Может быть, он считается источником музыкального термина ошибочно, и в этом качестве более вероятны похожие на него латинские слова — *consergere* «действовать сообща» или *concentus* «благозвучие, гармония»? С другой стороны, в Средние века латинское слово *concertare* имело второе значение — «делать что-либо сообща, трудиться с общей целью», которое и могло стать основой слова *концерт* в различных языках.

Кроме того, благодаря наличию приставки *со-* (соответствует русской «с») и корня *-cert-* (спор) оттенок смысловой двойственности («борьба» и «согласие») существует в латинском глаголе сам по себе. Интересно, что такую же двойственность можно наблюдать и в русском глаголе «со-ревноваться», которым переводят *сопсегтаге*. Согласно «Словарю современного русского литературного языка» одно из значений слова *соревнование* — «Ревностное стремление вместе с другими отличиться в каком-либо деле, на каком-либо поприще».

Об этом эффекте единства смысловых противоположностей удивительно хорошо сказал знаменитый исследователь творчества Баха А. Швейцер (Швейцер Альберт. Иоганн Себастьян Бах. М.: Музыка, 1964). Описывая поведение различных оркестровых групп в знаменитых Бранденбургских концертах Баха, он замечает: «Обе звуковые группы находятся в напряженном взаимодействии, разделяются, чтобы вновь соединиться (разрядка наша, — Л. Б.)... И то, что происходит с темой, видоизменяющейся под воздействием этих сил, — это, собственно говоря, и есть „концерт“».

Л. М. БУТИР

Петрозаводск

Рисунок Ю. Космынина

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«В каких случаях нужно употреблять слова *картофель* и *картошка*?

Чем они отличаются?»

А. И. Журавлев, Рига

Эти слова различаются стилистически и по употреблению.

Слово *картофель* употребляется преимущественно в официально-деловом и научном стилях речи как название сельскохозяйственной культуры (напр., *уборка картофеля, селекция картофеля*).

Картошка принадлежит разговорному стилю речи, в общем бытовом употреблении картошкой называют и сельскохозяйственную культуру и продукт питания (*жарить картошку, копать картошку*).

Устойчивое сравнение *врет, как сивый мерин* многим кажется необъяснимым. Писатель Борис Тимофеев в своей книге «Правильно ли мы говорим?» (Л., 1963) спрашивает: «Почему вранье надо связывать с понятием „сивого мерина“, а не „черного ворона“ или „зеленой лягушки“?». Он предполагает несколько ответов на этот вопрос, которые либо слышал от знакомых, либо отыскал в разных источниках.

По одной версии, это сравнение не имеет ничего общего с меринком — холощеным жеребцом, а связано с фамилией некоего барона Сиверса-Меринга, который якобы жил в Петербурге в начале прошлого века и прославился своей лживостью.

Другое толкование связывает поговорку с сельскохозяйственными работами. При прокладывании борозды сохой или плугом лошадь должна была идти прямо, без отклонений в сторону. Молодые, сильные лошади пахут землю именно так, а сивый мерин, то есть старый, седой, кастрированный конь, часто отклоняется в сторону и портит борозду. При таком объяснении предполагается, что первоначальной формой выражения *врет, как сивый мерин* было *прет, как сивый мерин*, и лишь потом, по ложному созвучию, *прет* превратилось во *врет*, и сравнение потеряло свою прежнюю логику.

Модификацией этого объяснения является этимология, предлагаемая авторами «Краткого этимологического словаря русской фразеологии» (Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В.—Русский язык в школе, 1979, № 2). Они верно считают сравнение *врет, как сивый мерин* исконно русским, а исходное значение его толкуют так: «Сивая лошадь считается в народе глупой, и русские крестья-

не обычно не прокладывали первую борозду на сивом мерине. В выражении первоначально, видимо, подразумевалось, что сивый мерин ошибался («врал») при прокладывании первой борозды и при пахоте вообще.

Наконец, по некоторым представлениям, мерин ржет так же, как нехолощенный жеребец. Поэтому якобы сивый мерин и «врет».

Сам Б. Н. Тимофеев сомневается в правильности первого толкования и замечает внутреннее противоречие второго: ведь известная поговорка «Старый конь борозды не испортит» явно не соответствует представлению о сивом мерине, отклоняющемся от борозды в сторону. Наибольшее доверие у писателя вызывает третье объяснение.

Действительно, первую этимологическую версию можно отвергнуть уже потому, что наше сравнение уже давно было известно не только в речи городских, но и в речи деревенских жителей далеко от Петербурга, где жил гипотетический барон Меринг. Кроме того, уже в собраниях пословиц XVIII века был известен и вариант этого сравнения — *врет, как лошеть (лошадь)*; его фиксирует, например, «Сборник пословиц А. И. Богданова» 1741 года (См.: Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX вев. М.—Л., 1961). Этот вариант показывает, что сравнение бытовало в русском языке еще до появления на свет петербургского барона.

Вариант *врет, как лошадь* также опровергает толкование происхождения оборота *врет, как сивый мерин* от *врет, как сивый мерин*. Это объяснение, предложенное еще В. И. Далем более века назад в «Толковом словаре живого великорусского языка» в весьма осторожной форме («вероятно, *врет* вместо *врет*»), трудно принять и по другой причине. Глагол *переть* «двигаться куда-нибудь напролом, не считаясь с препятствиями и запретами», по значению находится очень далеко от *врать* «говорить неправду, лгать».

Нельзя не упомянуть еще о двух толкованиях нашего оборота, предложенных в начале века М. И. Михельсоном в его известном сборнике «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии» (СПб., т. I, 1904). Первое объясняет сравнение *врет, как сивый мерин* хвастовством старых людей своими силами, которые они якобы сохранили нерастраченными. Второе основывается на факте, что старых, непригодных к другим работам лошадей часто использовали на мельнице. Такая лошадь покорно ходила по кругу и вертела мельничное колесо. Сам М. И. Михельсон отвергает второе толкование потому, что глагол *врет* не имеет в русском языке значения «молот». Кроме того, в работе на мельнице использовались не только мерины, но и нехолощенные жеребцы, кобылы.

Как видим, ни одно из пяти объяснений не было еще аргументированно доказано. Попробуем обратиться к языковым фактам в поисках наиболее вероятного толкования.

Прежде всего, нужно выяснить, с какими еще представлениями связывают в русском языке сивого мерина. Сейчас наиболее употребительно сравнение *врет, как сивый мерин*. Однако еще в прошлом веке писатели столь же активно пользовались и оборотом *глуп, как сивый мерин* «до крайности глуп». «Почтмейстер (читает)... „Все мне дают взаймы сколько угодно. Оригиналы страшные. От смеху ты бы умер. Ты, я знаю, пишешь статейки: помести их в свою литературу. Во-первых: городничий — глуп, как сивый мерин...“ ...Городничий (читает). „Как сивый мерин“. Не может быть! вы это сами написали» (Гоголь, Ревизор); «— За-мечательно подлая! (Шукина) — возмущался Кистунов, нервно вздрагивая плечами.— Глупа, как сивый мерин, черт бы ее взял» (Чехов. Беззащитное существо).

Выражение *глуп, как сивый мерин* могло употребляться и без первых двух слов — в значении «глупый человек», «глупец»: «Везде мы встречаемся с несомненными сивыми меринами, которые пропагандируют несомненно полоумные фантазии и бредни» (Салтыков-Щедрин. Пестрые письма); «...на земское собрание взглянуть полюбопытствовал: все подряд сивое меринье сидит... Сивое меринье!.. Но разве у стариков не могут быть молодые мысли?» (Салтыков-Щедрин. Недоконченные беседы). Такое употребление свидетельствует о том, что сравнение *глуп, как сивый мерин* уже давно бытует в русском языке, что оно стало обычной метафорой.

И действительно, впервые это устойчивое сравнение было зафиксировано именно в сочетании с прилагательным *глуп*. Оборот *глуп, как сивый мерин* записал в Нижегородской губернии в 50-е годы прошлого века Н. А. Добролюбов (Пословицы и поговорки Нижегородской губернии.— Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков. М.— Л., 1961). Еще более старым является лексический вариант этого сравнения *глуп, как лошадь*, который встречается вместе с уже упоминавшимся выражением *врет, как лошеть* в сборнике А. И. Богданова 1741 года. Важно, что сравнение *глуп, как лошадь* записано — в отличие от *врет, как лошадь* — в еще более старом (30-е годы XVIII века) рукописном сборнике пословиц В. Н. Татищева.

В русском языке, особенно в его разговорных, просторечных и диалектных разновидностях, немало переносных представлений, связанных с лошадьми (см. статью А. Н. Шустова «Из жизни одной

метафоры». — «Русская речь», 1971, № 3). Некоторые из них отражены и в сравнениях — *работает, как лошадь; здоров, как лошадь; упорный, как конь; жрет (ест), как лошадь; ходит, что саврас без узды; храпит, как лошадь; ржет, как конь* и т. д.

Слово *мерин*, заимствованное из монгольского *mörin* или калмыцкого *möri* «лошадь» и отраженное в русских источниках с XV—XVI веков (об истории слова см.: Одинцов Г. Ф. Из истории гиппологической лексики в русском языке. М., 1980), не только обогатило ряд русской гиппологической (то есть связанной с лошадьми) лексики, но и пополнило цепь образных сравнений: *ленив, как сивый мерин; врет, как сивый мерин* и *глуп, как сивый мерин*. Два из них вошли в литературный язык.

Характерно, что в этих сравнениях слово *мерин* постоянно сопровождается определением *сивый* — «светлосерый, седой». В исторических памятниках сочетания *конь сив*, *мерин сив*, *кобыла сива* весьма типичны (см.: Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М., 1975). Они подчеркивают старость животного. В этом плане внутренняя логика сравнения *глуп, как сивый мерин* более прозрачна, чем оборота *врет, как сивый мерин*. Ведь сивый мерин — это поседевший от долгой и тяжелой жизни холощенный жеребец, потерявший в старости и физические силы, и умственные способности. Вот как описывает Л. Толстой такого — правда, не только сивого, но еще и пегого — мерина в рассказе «Холстомер»: «Пегий мерин был всегдашним мучеником и шутом этой счастливой молодежи (молодых лошадей, — В. М.)... Он был стар, они были молоды, он был худ, они были сыты, он был скучен, они были веселы. Стало быть, он был совсем чужой, посторонний, совсем другое существо, и нельзя было жалеть его... Но ведь не виноват же был пегий мерин в том, что он стар, и тощ, и уродлив?.. Причиной безжалостности лошадей было тоже и аристократическое чувство. Каждая из них вела свою родословную по отцу или по матери от знаменитого Сметанки, пегий же был неизвестно какого рода...» Во многих пословицах и поговорках мерин оценивается пренебрежительно, как второстепенное по сравнению с лошадей или конем животное, с которым соответствующим образом и обращаются: *Хотя конь горбат, да не мерину брат; Утро вечера мудренее, кобыла мерина удалее; Сняв с кобылки хомут, да на мерина прут; На сивом мерине не подъедешь к нему* «его так просто не обманешь» и под.

В пословицах, вошедших в русский литературный язык, — *Укатали сивку крутые горки* и *Был конь, да изъездился* — подчеркивается именно немощность старого животного. Это качество отражено и в других пословицах, где сивая масть лошади, ее старость и бессилие тесно связываются: *Не в том сила, что кобыла сива,*

а в том, что не везет (или нейдет); У сивого коня воловая (то есть воловья) ходъ.

Итак, пренебрежительная оценка сивого мерина вытекает из переосмыслений его образа в русских пословицах и поговорках. Она совершенно оправдывает устойчивое сравнение *глуп, как сивый мерин*, которому в русском и других языках могут соответствовать и образы других животных: *глуп, как осел, как баран*; белор. *дурны як цяля* «как теленок», *як баран, як овечка, як цецерук* «как глухарь»; укр. *дурний як баран, як вівця* «как овца»; польск. «глуп, как осел, овца, собака, баран»; чешск. «глуп, как баран, скотина, осел, овца, теленок». Характерно, что в польском и чешском литературных языках в этом ряду особо активны именно сравнения, в которых называется другое кастрированное животное — вол: польск. *głupi jak wół*, чешск. *hloupy jak vůl, hloupy jako bulík* «глупый как молодой вол». Это же сравнение широко распространено в немецком и в других неславянских языках.

Что же касается сравнения *врет, как сивый мерин*, то причина его кажущейся «нелогичности» кроется в том, что в прошлом глагол *врать* имел несколько иное значение — «говорить вздор, пустословить», «болтать». Это значение слова отражено в памятниках древнерусской письменности, например в одном из посланий Ивана Грозного: «А онъ (Варлам Собакин) мужикъ очюнной, врет и самъ себъ не въдаетъ что» (около 1578 г., Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. 3, М., 1976). Сравнение *врет, как лошадь*, которое было прототипом оборота *врет, как сивый мерин*, как мы видели, впервые записано именно в середине XVIII века, когда *врать* значило еще «городить вздор». Такое толкование косвенно подтверждает и разговорный фразеологизм *бред сивой кобылы* — вздорные, глупые мысли, высказывания.

Уточнение исходного значения глагола *врать* перекидывает своеобразный мостик между сравнением *глуп, как сивый мерин* и *врет, как сивый мерин*. В последнем случае старый холощенный конь не обманывает, а лишь заговаривается от старости и городит всякий докучливый вздор, как и положено глупому седому мерину. Исходный образ этого сравнения, столь прозрачный вначале, несколько сместился и затемнился из-за семантического смещения глагола *врать*. Яркость и экспрессивность его, однако, от этого лишь усилились. Сравнение *врет, как сивый мерин* стало более употребительным, чем простое, понятное и потому менее выразительное *глуп, как сивый мерин*.

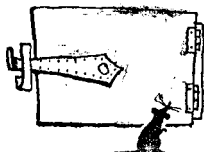
В. М. МОКИЕНКО

Рисунок В. Толстоногова

СЕМЬ

ПЯТНИЦ

НА НЕДЕЛЕ

Истоки некоторых изречений

Когда мы говорим *сон одолев, злоба душит, смерть в глаза заглядывает, зло берет*, то совсем не думаем, что сон или злоба являются собой какие-то живые существа. А предки наши верили, что это именно так. Корни многих фразеологизмов русского языка восходят к существовавшим в давние времена суевериям. Словарь С. И. Ожегова (Изд. 10-е, М., 1973) так определяет понятие *суеверие* — «предрассудок, в силу которого многое происходящее представляется проявлением сверхъестественных сил, знамение судьбы или предзнаменованием будущего». Однако «предзнаменования будущего» могут быть и реальными. Народный опыт часто отливался в устойчивые изречения, как бы в правила: Много раков — к хорошему улову рыбы; Где по зорям первый пар [туман], там и копай колодезь. Но здесь о суевериях и речи нет, это обобщение наблюдений вполне реальных.

Иное дело — такие, например, «приметы»: если черная кошка дорогу перебежала, если встретился поп или монах, то это к несчастью, к неудаче; чихнешь в понедельник — к вестям, во вторник — к гостям, в среду — к вестям, в четверг — к похвале, в пятницу — к свиданию, в субботу — к исполнению желаний, в воскресенье — к гостям.

Суеверия вызывались страхом человека перед таинственным будущим, желанием заглянуть в него. Окруженный природой чело-

вск обожествлял ее. Рождалось язычество. Многие суеверия имеют международный характер.

Обратите внимание, как регулярно повторяется число *семь* во фразеологизмах: *семь бед — один ответ*, *семь пятниц на неделе*, на семи ветрах, до седьмого пота, на седьмом небе, на семь аршин в землю видеть, за семью замками. И в пословицах русского народа: Семеро с сошкой, а один с ложкой; У семи нянек дитя без глаза; Глухому семь раз обедню не служат; Семеро одного не ждут.

За что же такое почтение к этому числу?

Значительность этого числа оказалась таковой, что у нас семь основных нот в гамме, семь основных цветов спектра, семь дней в неделе. У многих народов в обычаях и суевериях отразилось это число: у немцев, например, для доказательства своей правоты обвиняемый должен был привести шесть свидетелей, а сам быть седьмым; с этим же числом связана буддистская религия: Будда постился семь раз по семь суток.

Оригинальны стихи П. Вяземского:

Семь пирамид, семь мудрецов,
И семь чудес нам древность славит,
Владыке снилось семь коров,
Рим семь холмов подошвой давит,
Семь городов входили в спор
О славной грекам колыбели,
Да и везде, как на подбор,
Семь пятниц на одной неделе.

Последнее выражение имеет, однако, чисто русский характер. Как установил известный этнограф XIX века И. М. Снегирев, «во многих местах России простой народ, веруя, что матушка-пятница гневается на тех, которые в день ее работают, празднуют пятнице». В. И. Даль в своем сборнике пословиц приводит такое изречение: Кто в пятницу дело начинает, у того оно будет пятиться. Наблюдая это, народ стал говорить о бездельниках, что у них *семь пятниц на неделе*. Так с именем святой Параскевы, прозванной Пятницей, связаны два выражения — *семь пятниц на неделе* и *идти на пятный*.

В ряде выражений русского языка мы встречаем слова *левый* и *правый* или производные от них. Например, правая рука кого-то (самый близкий человек, главный помощник); встать с левой ноги (находиться в дурном расположении духа). Как видно, со словом *левый* связано плохое, со словом *правый* — хорошее. Объяснение этому можно найти в русской пословице: *Бес слева ходит, да на грех наводит*. Как считали раньше, у человека всегда есть два спутника: один добрый дух, он расположен справа, другой злой — слева.

Отсюда и ряд суеверий и примет: левый глаз чешется — к слезам, надеть одежду на левую сторону — быть битым, левая рука чешется — отдавать деньги; правая рука чешется — получать деньги; правое ухо свербит — хорошие вести слышать и т. д.

Отношение к этим словам характерно не только для славян. В древней Греции было много примет, в которых обнаруживалось такое отношение к левой и правой стороне, в древнем Египте считалось, что смерть входит в человека в левое ухо.

В русской семье раньше были закреплены определенные места за столом. Вот как описывает это этнограф М. Г. Рабинович: «Наставал час обеда. Тут уж собиралась вся семья, глава семьи произносил краткую молитву и занимал освященное обычаем место на лавке в «переднем» углу, под образами, у «верхнего» конца стола. Вслед за ним садились, строго соблюдая порядок старшинства, остальные мужчины: *по правую его руку* — старший сын (или следующий по старшинству брат, если в доме жили и братья хозяина)» (Очерки этнографии русского феодального города. 1978, с. 198). Следовательно, выражение *правая рука* связано также с обычаем расположения людей по старшинству, по роли в обществе.

Определенные суеверия связывались у многих народов с отдельными органами человека. Так, в выражениях *сидеть в печенках*, *всеми печенками ненавидеть* нашли свой отклик старые верования и обычаи при жертвоприношениях. Печень у многих народов связывалась с чувствами человека, в первую очередь, с любовью и гневом.

Особое внимание уделялось двум стихиям — воде и огню. В выражениях *испить горькую чашу*, *выпить чашу до дна*, *чаша терпения переполнилась*, *излить душу*, *излить гнев*, *облить презрением*, *радость льется через край*, *чувства нахлынули*, *осадок на душе* нетрудно увидеть связь с водой. Как отметил академик В. В. Виноградов, чувства человека символически изображались в виде чаши, из которой пьет человек.

Известный русский ученый А. А. Потебня обратил внимание на то, что огонь в устном творчестве славян связан с эмоциями. Действительно, выражения *гореть желанием*, *разжигать вражду*, *потушить ссору* и т. п. в основе образности имеют огонь.

Приметы — другой вид суеверий — предсказывают, что может случиться. В основе их — обычно ложное представление о том, что слова и то, что они называют, тесно связаны, а связь или какое-то сходство слов приводит к связи явлений. Если во сне увидел лошадь, то жди ложь, пустое ведро означает, что будет пусто.

Сопоставим значения выражений: держать кого-то в черном теле (плохо обращаться с кем-то), черная кошка пробежала между кем-то (ссора произошла между кем-то), черный день, черная не-

благодарность, в черном цвете видеть и т. д. Все они связаны с чем-то плохим. Им противопоставляются выражения со словом *белый*. Сравните: черная зависть — белая зависть.

Устойчивое отношение к этим двум словам и цветам существует и у народов Западной Европы. Например, у англичан — а *black sheep* — *паршивая овца*, буквально *черная*; это выражение означает *позор в семье*, что связано со старинным поверьем — черная овца отмечена печатью дьявола.

Две силы противопоставлялись древними славянами: *черная сила* — сила тьмы, когда нет солнца, источника света и тепла, и *белая* — сила света и солнца. Отсюда такое устойчивое отношение к этим двум прилагательным-антонимам, закрепившееся и во фразеологии.

Родиться в сорочке (в рубашке) — так говорится о человеке удачливом, счастливом. Суеверие, связанное с возникновением этого выражения, основано как будто на реальном: иногда дети рождаются в пленке, одевающей плод в утробе матери. Эта пленка и рассматривается как «рубашка», богом данная избранному. А раз рождение отмечено провидением, значит человек счастливый.

Приметы-суеверия постепенно стали осознаваться людьми как ложные, и тогда появлялось выражение, отражающее это отношение. У Пушкина есть эпиграмма на книготорговца Смирдина, отличавшегося непостоянством, нетвердостью своих обещаний:

Смирдин меня в беду поверг;
У торгаша сего семь пятниц на неделе.
Его четверг на самом деле
Есть после дождичка четверг.

Фразеологизм *после дождичка в четверг* восходит к тем временам, когда на смену язычеству пришло христианство. Четверток, как называли тогда четверг, был днем Перуна, божества, управляющего дождями. Но далеко не всегда в четверток шел дождь, и ожидание дождя в засуху породило это выражение с насмешливым характером, означающим «никогда». («См.: Голубинский Е. История русской церкви. М., 1904, Т. I, с. 848).

*

Заговоры и наговоры составляют третью разновидность суеверий. Известны они с древних времен, а особое развитие получили в XVII веке. Произношение заговора обычно сопровождалось магическим действием, без чего заговор считался недействительным.

Фразеологизм *пускать (бросать) слова на ветер* в современном русском языке означает *говорить впустую*, например: «Хорошо, когда ты сильный, когда слова твои не на ветер» (Сартаков С. Философский камень); «Едва ли не ему принадлежало словцо, пущенное на ветер, но подхваченное: „Случай Извекова“» (Федин К. Костер).

Однако вот подлинный документ XVII века: «Волхов — коновал Дорофей Прокофьев был сожжен в срубе за то, что, по свидетельству разных людей, заговорными словами на ветер напущал на царя Петра Алексеевича в подмосковном селе Хорошеве» (Елеонская Е. Е. К истории заговора и колдовства в XVII и начале XVIII столетий. «Русский архив», 1912, № 4). Как видим, слова «пускались на ветер» с целью причинить кому-то вред, причем относились к этому очень серьезно, о чем свидетельствует казнь упомянутого коновала. Но со временем люди поняли, что вред так принести нельзя, и значенные выражения стало противоположным *говорить что-то, не достигая цели*.

Используя в речи то или иное выражение, мы, конечно, далеко не всегда понимаем его истоки. Вот выражение *как с гуся вода*. Кажется, что оно основано на реальных наблюдениях: перья у гуся не намокают, вода с них стекает очень легко. Отсюда и значение выражения *нипочем кому-то что-то*. Однако и здесь замешано суеверие. В. И. Даль приводит пословицу: *Лейся беда, как с гуся вода*. А В. И. Чернышев установил, что это выражение участвовало в заговорах. Приносили бабушке-знахарке больного ребенка, она его окачивала водой «с уголька», то есть водой, в которую бросался горящий уголек (здесь очищающая сила огня), и при этом говорилось: «С гуся вода, с лебедя вода, а с такого-то [имя ребенка] худоба (болезнь)». Сравнение было вообще одной из типичных форм заговора.

*

В повести Н. В. Гоголя «Вий» Хома Брут, бывший бурсак, вынужден провести ночь в церкви, читая молитвы возле умершей, оказавшейся ведьмой. И вот ведьма встала и идет к нему. «В страхе очертил он возле себя круг. С усилием начал читать молитвы и произносить заклинания, которым научил его один монах, видевший всю жизнь свою ведьм и нечистых духов». В этом отрывке отразилось суеверие. Очертив вокруг себя (вокруг головы) круг, можно было спастись от нечистой силы. При этом еще произносилось: «Чур меня, чур меня». Очерчивание круга и заклинание, обращенное к покровителю-предку Чуру, отразилось в двух выражениях: *очертя голову*, то есть «не боясь, безоглядно» и *через чур* — чересчур.

Особый вид заклинаний — заклинание наоборот — существует и сейчас в виде шуточного пожелания: *ни пуха ни пера*. Так говорят человеку, идущему на экзамен, на какое-то трудное дело. В выражении этом запечатлелась боязнь «сглазить». Поэтому вместо откровенного пожелания охотникам принести побольше дичи говорилось наоборот — *ни пуха ни пера*.

Из трех видов суеверий наиболее живучими оказались приметы-предсказания. К сожалению, до сих пор немало людей огорчаются, если им встретится черная кошка или они увидят во сне что-то, предсказывающее плохое. Эти явления отражаются и в художественной литературе: «Он привык к суеверию самого Кочубея, объезжающего бабу с пустым ведром, способного зарубить попа, перешедшего ему дорогу» (Первенцев А. Кочубей). «Как все охотники, Николай Матвеевич отличался суеверием. На охоту или рыбную ловлю он обыкновенно выходил самым ранним утром... Делалось это с целью, чтобы — боже сохрани, — какая-нибудь баба не перешла дороги» (Мамин-Сибиряк. Зеленые горы).

Отжившие суеверия оставили свой след, как мы видели, в русской фразеологии, в пословицах, напоминая исследователям языка о прошлом нашего народа, которое неразрывно связано с его языком.

Ю. А. ГВОЗДАРЕВ

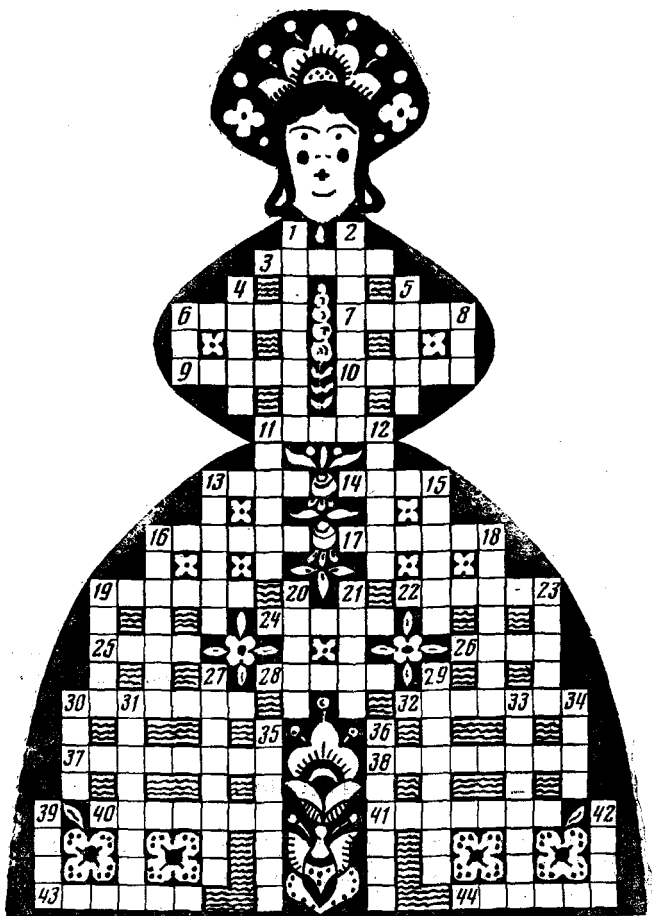
Ростов-на-Дону

Рисунок С. Гавриловой

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Поэма Байрона. 6. Повесть И. С. Тургенева. 7. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». 9. Советский литературовед-пушкинист. 10. Литовская поэтесса. 11. Персонаж повести А. Гайдара «Тимур и его команда». 13. Народный поэт-певец у народов Кавказа. 14. Старинное ласкательное славянское слово, встречающееся еще в «Слове о полку Игореве». 16. Русский писатель, журналист, баснописец. 17. Морфологическое строение слова, строение синтаксической единицы. 19. Часть речи. 22. Основная единица звукового строя языка. 24. Трагедия Расина. 25. Минимальная единица речевого потока. 28. Русский юрист, писатель и общественный деятель. 28. Буква греческого алфавита. 30. В идилической поэзии страна «счастливых па-

стухов». 32. Персонаж пьесы Н. В. Гоголя «Женитьба». 37. Известная русская балерина, упомянутая А. С. Пушкиным в «Евгении Онегине». 38. Персонаж пьесы Д. И. Фонвизина «Недоросль». 40. Ковш, употреблявшийся в старину для питья вина. 41. Рассказ А. П. Чехова. 43. Советский писатель, автор тетралогии «Волны Черного моря». 44. Пьеса М. Горького. По вертикали: 1. Излюбленный образ великого поэта Италии Данте Алигьери. 2. Придворный чин в Московской Руси. 4. Исторический роман Бальзана. 5. Советский писатель, драматург, автор киносценариев «Дон-Кихот», «Первоклассница». 6. Персонаж романа В. Гюго «Собор Парижской богоматери». 8. Повесть Н. В. Гоголя. 11. Персонаж пьесы А. Н. Островского «На всякого

мудреца довольно простоты». 12. Советский писатель-фантаст. 13. Советский поэт, автор песен «Вася-василек», «Пути-дороги». 15. Персонаж пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня». 16. Рассказ М. Горького. 18. Пьеса А. Н. Островского. 19. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 20. Знак, употребляемый в некоторых типах слов или между словами. 21. Ежемесячный литературный журнал, в издании которого участвовал Ф. М. Достоевский. 23. Одно из доказательств невиновности. 27. Термин, получивший в России большое распространение в связи

с романом И. С. Тургенева «Отцы и дети». 29. Настоящее имя одной из героинь романа Ал. Иванова «Тени исчезают в полдень». 30. Русский художник, один из родоначальников русской реалистической иллюстрации. 31. Поэма Т. Г. Шевченко. 33. Стихотворение В. Брюсова. 34. Персонаж драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад». 35. Старинное народное театральное зрелище. 36. Рассказ А. Н. Толстого. 39. Система членораздельных звуковых знаков, служащая для целей коммуникации. 42. Стихотворный цикл А. Блока.

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

ОБЗОР ПИСЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ

Мы живем в дни, насыщенные важными событиями. Вся наша страна, все советские люди вдохновенно трудятся над осуществлением грандиозных планов, намеченных XXVI съездом КПСС. Год 1980-й также оставил глубокий след в жизни и памяти советских людей. Это был год 110-летия со дня рождения В. И. Ленина, XXII Олимпийских игр, 600-летия Куликовской битвы, 35-летия Победы в Великой Отечественной войне. В прошлом году мы широко отмечали 100-летие со дня рождения Александра Грина и Александра Блока. Эти и другие события нашли отражение на страницах «Русской речи». В редакцию поступило много писем читателей, которые следят за нашими публикациями, ждут их, обсуждают. Вопросы, интересующие людей всех возрастов и различных специальностей, разные, но письма объединяет одно — нет равнодушных авторов, все письма эмоциональные: радостные или взволнованные, гневные или сдержанные, но не равнодушные. Многие высказывают свою точку зрения по тому или иному вопросу, предлагают темы, интересуются проблемами языка художественной литературы, культуры русской речи, истории слов и выражений и др.

Читатели М. К. Пруслин (Алма-Ата), И. К. Мызенкова (Москва), И. М. Плаксина (Раменское), В. О. Привалов (Свердловск) и другие пишут в редакцию о том, что им очень понравились материалы, посвященные XXII Олимпиаде, рубрики «Олимпийские виды спорта», «Арены Олимпиады-80». Большой интерес для читателей представляют статьи о названиях московских улиц и переулков.

бульваров и садов. Отмечены материалы на эту тему Г. П. Смолицкой и М. В. Горбаневского: «Мытищи» (№ 2, 1980), «Олимпийская деревня» (№ 3, 1980), «Останкино» (№ 1, 1980) и другие. Например, М. К. Саладин из Егорьевска пишет о том, что эти публикации очень помогли ему в проведении лекции для молодежи во время подготовки к Олимпиаде. Многие высказывают пожелание, чтобы продолжилась публикация статей на спортивную тему. Некоторые имеют свою точку зрения по поводу спортивных терминов. Так, рабочий В. Синяев (Горьковская обл.) считает, что человека, который занимается каратэ, следует называть не *каратистом*, а *каратэистом*; наоборот В. П. Скуиня (Рига) не согласна с названием человека, занимающегося дзюдо — *дзюдоистом*, а не *дзюдистом*, она считает, что производным от *дзюдо* должно быть *дзюдист* по аналогии с *каратист*.

Р. И. Багреева (Москва) сообщает нам, что из публикаций «Русской речи» она узнала много интересного о названиях улиц Москвы. Ей, в частности, очень понравились статьи Ю. А. Федосюка «Бульварное кольцо» (№ 5, 1980) и «Красная Пресня» (№ 6, 1980). «С какой любовью представлен материал о нашей родной Москве! — пишет Багреева, — хотелось бы, чтобы ваш журнал продолжал эту тему, так как наша Москва — город большой и имеет названия, которые сохранились с давних времен, и совсем новые».

Интересуют читателей и материалы «На карте Родины», «По золотому кольцу России», «О древнерусских городах». Об этом нам написали В. М. Протасов (Грозный), О. Д. Смирнов (Сочи), А. А. Александров (Ростов), Б. И. Мухамеджанова (Уфа) и многие другие.

Кандидат филологических наук В. П. Скуиня предлагает коснуться в журнале темы о передаче по-русски названий улиц различных городов национальных республик, особенно таких, в которых использованы названия городов, фамилии выдающихся людей, интернационализмы, например, ул. Маскавас (Московская), ул. Паризес (Парижская), ул. Райня (Райниса), ул. Олимпиадес (Олимпийская) и т. п.

Как всегда, большое количество писем посвящено проблемам культуры устной и письменной речи. Продолжают поступать отклики на статьи Н. И. Формановской «Речевой этикет». Тема безусловно актуальная, вопрос, затронутый в статьях, волнует очень многих читателей. Пишут школьники и студенты, люди самых разных профессий. Все они отмечают важность поставленной проблемы. Мы получили письма от школьницы Ольги Кулябичевой (Москва), старшего научного сотрудника Института виноградарства А. И. Потапенко (Новочеркасск), инженера И. М. Савиной (Москва), доцента Оренбургского госпединститута им. В. П. Чкалова Н. Н. Чурило-

вой, П. К. Федченко (Краснодар), художника М. А. Левина (Черновцы) и др. Во многих из них подчеркивается необходимость борьбы за культуру общения между людьми и важность пропаганды речевого этикета.

А. И. Потапенко отмечает, что в форме обращения только по отчеству одновременно есть оттенок уважительности и фамильярности и что оно свойственно, главным образом, жителям деревни. «Но отчего именно так? Думается, что это в связи со стремлением говорить сжато, находя для каждого словесного оборота при особом обостренном ощущении природы родного языка и накопленном большом речевом опыте наиболее удобную безыскусственную форму. Над жителями деревни, и именно пожилыми, меньше всего довлеют модные увлечения чужеродными новшествами и всякая вообще искусственность». Н. Н. Чурилова возражает против обращений к пожилым людям *бабушка* и *дедушка*. Это, по ее мнению, обидно: «лишний раз тебе показали, что ты уже стар». Особенно неприятно, когда слово *бабушка* употребляется в третьем лице (*Спросите у этой бабушки*). Отчего не сказать «у этой женщины»? «Как следует обращаться к пожилым людям? Откровенно говоря, не знаю,— пишет автор.— Скажу лишь, что сама я в жизни ни разу эти обращения не употребляла. Я убеждена, что фразы: «Будьте любезны, не скажите ли...», или «Извините, как пройти в театр?» не характеризуют их автора, как человека невежливого, бестактного».

А вот читатель П. К. Федченко (Краснодар) убежден, что при обращении к незнакомым людям лучше употреблять слова *гражданин*, *гражданка*. «Ведь они зафиксированы Конституцией СССР,— пишет автор,— служат определением принадлежности человека к Стране Советов (у Маяковского «Я— гражданин Советского Союза») и формой обращения. Слово *товарищ* опозитизировано, как и *гражданин*, многими поэтами и писателями (Пушкиным, Некрасовым, Горьким, Маяковским и др.). И нам подменять их другими словами, думается, не следует».

Многие читатели обращают внимание на различные нарушения норм русского литературного языка, встречающиеся в текстах различных объявлений, вывесок, этикеток и т. п. «У нас в Ворошиловграде ателье названо словом «Элегант»,— сообщает в своем письме кандидат педагогических наук А. Я. Лурье-Дерский,— известно, что в русском языке появились заимствованные слова на *-ант* (*сервант*, *аспирант*), а вот что обозначает слово *элегант* непонятно». Автор письма обращает также внимание на неудачное название, которое прочно вошло в употребление,— «Институт усовершенствования учителей (врачей)»: «В газете «Вечерняя Москва» (1981, 6 февраля) читаем: «Тысячи преподавателей ежегодно повышают

квалификацию в городском Институте усовершенствования учителей». Словарь С. И. Ожегова указывает, что «усовершенствовать можно что-то, а не кого-то», следовательно, правильнее было бы сказать «Институт повышения (или усовершенствования) квалификации учителей».

А. Венцовский, ученик 10 класса из города Светловодска, прислал свои наблюдения о неправильном употреблении слов, например слова «роспись» в значении «подпись», что противоречит литературной норме; или выражения «забить гол» вместо «забить мяч, шайбу».

Преподаватель Абхазского госуниверситета им. А. М. Горького М. Б. Шониа пишет о том, что в национальной школе при обучении русскому языку язык учебника и речь учителя — первейшие образцы для учащихся: они подражают речи учителя, многое запоминают наизусть из учебников, что намного повышает требования к языку и стилю книг, издаваемых для школьников. Качество их определяется не только идейной направленностью, насыщенностью и разнообразием тематики текстов, но и точностью языка, наличием проблемных вопросов, заданий, развивающих мышление, речь учащихся на втором родном языке.

Н. Н. Куций (Иркутск) обращается к редакции с просьбой чаще публиковать материалы о языке научно-технической литературы. «Редакции научных журналов требуют изложения материалов присылаемых статей строгим научным языком, а где можно ему научиться?». С таким же вопросом обращаются читатели Смирновы (Можайск), Б. И. Харитонов (Брянск), А. Д. Сизов (Кострома), Н. А. Панкова (Москва), Р. И. Севастьянов (Ярославль), М. А. Прянишников (Клин), А. И. Королев (Москва) и другие.

В нашем журнале неоднократно печатались материалы о языке и стиле научно-технической литературы (см., например, Бондалетов В. Д. Научно-техническая революция и язык — № 3, 1978; Викторов Л. М. Заметки о языке учебно-технической литературы; Филатов В. А. О ключевых словах в научно-техническом тексте — № 4, 1977; Будагов Р. А. Что такое научный стиль? — № 2, 1970). Такого рода публикации будут продолжены.

Старший научный сотрудник Библиотеки Академии наук СССР Б. Н. Гиммельфарб (Ленинград) пишет об особенностях стиля научной литературы. Он отмечает распространение предлога *для*, который превратился в настоящее время в универсальный заместитель, употребляемый вместо других предлогов и даже в качестве местоимения (вместо других слов и целых выражений), а также в тех случаях, когда никакого предлога вообще не требуется (поскольку отношения между словами выражаются падсжными окопчаниями). «Первоначально я видел объяснение этому явлению в

калькировании английских оборотов,— пишет автор,— так как значительная часть рефератов излагает содержание работ, опубликованных на английском языке (английский язык не имеет падежных окончаний, и для обозначения падежей употребляются предлоги). Но в дальнейшем выяснилось, что такое употребление предлога *для* встречается, и нередко, также в рефератах статей и в самих статьях, написанных по-русски. Похоже на то, что авторы их, привыкнув читать английскую научную литературу, приучились мыслить английскими конструкциями даже тогда, когда пишут по-русски.

Следующие примеры иллюстрируют сказанное. В первых трех примерах предлог *для* можно безболезненно вычеркнуть, ничего не изменяя: «Приведены данные о распределении энергии в спектре для всех исследованных звезд»; «Данные наблюдения для каждой галактики представлены как графически, так и в виде таблиц»; «Приводятся точные выражения для зависимости наблюдательных характеристик внегалактических объектов от параметров космологических моделей».

Читатель А. М. Соловьев (Молодечно) рассказал о своих наблюдениях над словами местного говора Рузьянского района. Он правильно заметил, что приставка *су-* имеет значение «соединения», например: *супонь* (соединяет клещи хомута); *сустреча* (встреча); *супесь* и *суглинок* (вещественные смеси, соединения); *связь* (белорус. связи), *супрядки* (совместное прядение), *суметы* (сугробы).

Во многих письмах содержатся разные рекомендации, высказываются мнения о публикуемых материалах, предлагаются интересные темы, читатели делятся впечатлениями о новых книгах. Редакция и редколлегия внимательно знакомятся со всеми письмами, изучают все предложения и отзывы. Это помогает журналу определять темы, представляющие наибольший интерес для наших читателей.

*Обзор писем читателей подготовила
И. М. Беспалова*

Читатели «Русской речи» пишут в редакцию не только письма, в которых просят объяснить то или иное слово, выражение, трудный случай правописания и т. п., но и присылают свои наблюдения о различных явлениях в русском языке, отклики на опубликованные материалы. Некоторые из них мы печатаем в этом номере.

Дважды повторяется метафора:

Но плещутся из окон
те же песни,
что издавна пластались
по Руси.

Видимо, и здесь автора привлекла звуковая экспрессия просторечного глагола. Слово *пластаться* многозначно; у Шолохова, знатока народной речи, встречаем, например, «пластался над хутором кизячный дым», но «пластались песни» — не слишком ли это приземленно?

В нашем журнале были напечатаны статьи о слове *луна*: «Луна и Месяц» (1973, № 4) и «Названия луны в русских народных говорах» (1978, № 4). М. И. Макаревич прислала нам заметку о забытых «родственниках» слова *луна*.

Трудно поверить, что такие слова, как *лысый* и *луч*, *лоск* и *лещ* родственны между собой. Еще удивительнее, что объединяет их в одну семью слово *луна*. Чтобы убедиться в этом, давайте заглянем в одну из страниц истории русского языка.

В современном русском языке у слова *луна* родственных слов немного: *лунный*, *лунатик*, *лунатизм*, *прилуниться*, *луноход*. В древности же *луна* имело иные однокорневые слова, но со временем связи с ним были забыты, утрачены. Однако этимологи, то есть ученые, занимающиеся выявлением первоначального значения и звучания слов, восстанавливают эти связи, выявляют старых «родственников».

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова *луна* имеет два значения: Небесное тело, спутник Земли, светящийся отраженным светом, имеющее соответствия и в других индоевропейских языках. Образовалось оно от корня *louk-* с помощью суффикса *sn*. За время своего существования слово *louksna* пережило ряд фонетических изменений. Дифтонг *ou* изменился в *y*, а сочетание согласных *ksp* упростилось в *n*. И вместо древнего *louksna* возникло современное слово *луна*. Очевидно, изменилось и значение слова. Корень *louk-* имел значение «блестящий, белый». Видимо, поэтому значение слова *луна* первоначально было «белеющая, блестящая, белая».

От этого же корня с помощью суффикса *-j-* образовалось и существительное *луч* (сочетание *kj* изменилось в *ч*). *Луч* значило «свет, блеск».

В эту же семью родственных слов когда-то входило и общеславянское слово *лоск*. Оно образовано с помощью суффикса *-sk-* от того же самого корня, но от другого его варианта — с гласным *и*. Корневой гласный, пережив целый ряд фонетических изменений, теперь произносится как *о*, а сочетание *ksk* упростилось в *ск*. От

этого же корня, но с гласным *и* долгим, при помощи суффикса *-s* образовалось и прилагательное *лыс*. В этом слове корневое *и* долгое изменилось в *ы*, а сочетание *ks* упростилось в *s*. *Лыс* — слово общеславянское. Его первоначальным значением было «светлый, белый, блестящий», потом «пятно на лбу», как в современном болгарском языке, а затем уже сформировалось и современное значение этого слова.

Некоторые этимологи тот же древний корень находят и в слове *лещ*. Оно известно у восточных и западных славян. Как считают лингвисты, *лещ* образовано от той же основы, что и существительное *лоск*, при помощи суффикса *-j-*, в корне происходило чередование гласных.

Итак, близкими родственниками оказались такие, казалось бы, далекие по звучанию и по значению слова, как *луна* и *лысый*, *лоск* и *лещ*, *лысый* и *луч*. Однако всех их объединяет общее происхождение от одного и того же корня. Со временем все эти слова стали звучать по-разному, разорвались и их семантические связи, старые близкие родственники «забыли» друг друга.

ТРИДЕВЯТОЕ ЦАРСТВО, ТРИДЕСЯТОЕ ГОСУДАРСТВО

«Негде, в тридевятиом царстве,
В тридесятом государстве,
Жил-был славный царь Дадон».

Сказка о золотом петушке

Не зная, что во всех словарях «тридевятиое» определяется как «трижды девятое», то есть 27-е, а «тридесятое» — как «трижды десятое», то есть 30-е, можно предположить, что в данном случае мы имеем дело со счетом при помощи «счет», именуемых в настоящее время «бухгалтерскими счетами». Тогда «тридевятиое» — это «три (на верхнем стержне) — девятое (на нижнем стержне)», то есть 39-е, а «три (на верхнем стержне) — десятое (на нижнем) — это, соответственно, 40-е («четыре» — на верхнем стержне).

В русских сказках встречается оборот, который можно принять за древнейший, первичный: «...За тридевятъ земель; в тридесятом царстве...», что можно в рамках нашей гипотезы интерпретировать как «...за 39 земель (от дапной), в 40-м царстве...». Этот оборот затем изменялся, утрачивая связь со «счетами», уже внутри самих сказок и потерял полностью подразумеваемое числовое значение при использовании в литературе XIX века. Примеры из фольклора и литературы XIX века приведены в издании Е. Н. Этерлей и О. Д. Кузнецовой «Неизвестное об известном» (Л., Наука, 1979).

Среди них один древний пример явно говорит в пользу новой теории: «А в быльице про Добрыню и Маринку... [Маринка]... превращает богатыря Добрыню Никитича в тура:

Обвернула-то Добрынюшку гнедым туром,
У ней было в поле тридевать туров,
Сбылси в поле тридесятый тур...»,

то есть у Маринки было 39 туров, к ним присоединился 40-й тур.

Б. Я. Виленчик

Небольшая заметка Б. Я. Виленчика «Тридевятое царство, тридесятое государство» представляет интересную попытку по-новому осветить смысл сказочного выражения, известного нам с детства из русских народных сказок.

Заметку Б. Я. Виленчика редакция попросила прокомментировать доктора филологических наук И. Г. Добродомова.

Разного рода устойчивые выражения, употребляемые в народных сказках, часто восходят к глубокой древности и отражают многие забытые предметы, явления, обычаи этой далекой старины. Но раскрыть первоначальное значение таких скрытых за устойчивыми выражениями старинных представлений оказывается чрезвычайно трудным делом. Здесь приходится учитывать каждую мелочь и на основе подобных мелочей строить более или менее правдоподобные гипотезы, которые обогащают наши познания о древних обычаях и представлениях далеких предков. Наблюдения Б. Я. Виленчика над употреблением сказочных порядковых числительных *тридевятый* и *тридесятый*, известных также белорусскому и украинскому языкам и поэтому очень древних, позволили вскрыть в них обычную «житейскую логику», отодвинуть на задний план их интригующую типично сказочную «нелогичность». Но приведенные в письме читателя соображения нуждаются в дополнительном материале, и другие читатели журнала могут здесь проявить инициативу.

КАК ПИСАТЬ ПЕРИФРАЗЫ?

В редакцию приходят письма читателей с просьбой рассказать о написании строчной или прописной буквы в описательных оборотах, типа *страна восходящего солнца*, так как в печати часто встречается разноречие. С подобными вопросами к нам обратились М. И. Лазаренко (Сочи), О. Д. Черемных (Суздаль), семья Зацепиных из Волгограда, школьница М. Гришина (Москва) и другие.

Отвечает читателям кандидат филологических наук Н. Ф. Шумилов.

В письменной речи, в частности в печати, часто встречаются перифразы — описательные обороты, употребляемые вместо прямых названий для решения тех или иных стилистических задач.

Существует значительная группа описательных оборотов, которые употребляются вместо собственных имен — имен известных людей, географических и астрономических названий. Вот среди них и существует разнობой в употреблении написаний с прописной и строчной буквы. Он наблюдается прежде всего как проявление неодинакового подхода к передаче описательных оборотов, заменяющих собственные имена знаменитых людей, и описательных оборотов, заменяющих географические и астрономические наименования.

Первые всегда пишутся со строчной буквы, например: солнце русской поэзии (Пушкин), буревестник революции (Горький), отец русской авиации (Жуковский) и др.

Вторые встречаются в написаниях то с прописной, то со строчной буквы, не дифференцирующих значения.

Так, по-разному пишут (имея в виду употребление заглавной буквы) перифразы, обозначающие объекты одного порядка, например: Чаплин распростился с *Новым Светом* (Известия, 1971, 13 ноября); Игры первенства Европы и розыгрыши кубков *Старого света...* (Известия, 1979, 5 января); граждане *Страны восходящего солнца* (Известия, 1980, 7 мая).

Думается, что разнობой и колебания в правописании описательных оборотов, замещающих в речи собственные названия географических и астрономических объектов, можно ликвидировать, если их компоненты писать так, как пишутся они в качестве отдельных слов (страна восходящего солнца, страна кленового листа, страна Суоми, город на Неве и т. д.). По этому правилу пишутся все другие перифразы, общеязыковые и индивидуально-речевые, включая и те, что заменяют собственные имена лиц.

Исключения должны составлять написания, предусмотренные следующим положением «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 года: «Неофициальные названия государств и их частей, образные географические названия также пишутся с прописной буквы, например: Советский Союз, Страна Советов, Советская Башкирия, Зауралье». Обращаем внимание на то, что здесь речь идет о названиях, а перифразы — это не названия, не наименования, а специально придуманные определения, характеристики объектов, которые уже имеют названия.

С прописной буквы должны также писаться перифразы, у которых такое правописание имеет длительную традицию (Северная Пальмира — Петербург, Ленинград).

Описательный способ выражения понятий в наше время применяется довольно интенсивно; процесс формирования перифрастических оборотов непрерывен, поэтому важно, чтобы их письменное оформление не усложняло орфографию и пунктуацию русского языка.

Ответы на кроссворд

По горизонтали: 3. «Беппо». 6. «Фауст». 7. Левин. 9. Бонди. 10. Перис. 11. Гейка. 13. Ашуг. 14. Лада. 16. Крылов. 17. Состав. 19. Глагол. 22. Фонема. 24. «Федра». 25. Слог. 26. Кони. 28. Сигма. 30. Аркадия. 32. Жевакин. 37. Истомина. 38. Вральман. 40. Братина. 41. «Ариадна». 43. Катаев. 44. «Зыковы».

По вертикали: 1. Беатриче. 2. Спальник. 4. «Шуаны». 5. Шварц. 6. Феб. 8. «Нос». 11. Глухов. 12. Адамов. 13. Алымов. 15. Астров. 16. «Крамора». 18. «Воевода». 19. «Гусар». 20. Дефис. 21. «Время». 23. Алиби. 27. Нигилизм. 29. Серафима. 30. Агин. 31. «Катерина». 33. «Каменщик». 34. Нина. 35. Балаган. 36. «Овражки». 39. Язык. 42. «Ямбы».

При перепечатке ссылка на журнал «Русская речь» обязательна

Редакционная коллегия:

Н. С. ВАЛГИНА, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, К. В. ГОРШКОВА, В. П. ДАНИЛЕНКО, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Ф. П. ФИЛИН

Зав. редакцией *Т. С. Колмакова*

Художественный редактор *Т. А. Михайлова*

Корректоры *Е. И. Павленко, Г. Н. Шамина*

Сдано в набор 13.04.1981 Подписано к печати 09.06.1981 Т-10225

Формат бумаги 84×108^{1/32}. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4.

Уч.-изд. л. 9,8 Бум. л. 2,5. Тир. 55000 экз. Зак. 354

Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25
2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10